

Учреждение образования
«Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

А.Е. Левонюк

ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Учебно-методический комплекс
для студентов специальности 1-01 02 01 «Начальное образование»

Брест
БрГУ им. А.С. Пушкина
2017

УДК 81(075.8)
ББК 81.0–923
Л 34

*Рекомендовано редакционно-издательским советом
Учреждения образования «Брестский государственный университет
имени А.С. Пушкина»*

Рецензенты:
кафедра белорусского и русского языков
УО «Брестский государственный технический университет»

заведующий кафедрой белорусского языкознания и диалектологии
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»
кандидат филологических наук, доцент
Л.В. Леванцевич

Левонюк, А.Е.

Л 34 Введение в языкознание: учеб.-метод. комплекс / А.Е. Левонюк;
Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2017. – 159 с.
ISBN

В учебно-методическом комплексе изложены теоретические основы учебной дисциплины «Введение в языкознание» с учетом специфики обучаемой категории, представлены планы практических занятий, а также хрестоматийные материалы, задания для самостоятельной работы, глоссарий и вопросы к зачету.

Издание адресуется студентам специальности 1-01 02 01 «Начальное образование»

ISBN

УДК 81(075.8)
ББК 81.0–923
Л 34

© УО «Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА.....	5
КУРС ЛЕКЦИЙ.....	8
Тема 1. Языкознание как наука и его связь с другими науками.....	8
Тема 2. Происхождение языка.....	29
Тема 3. Природа, сущность и функции языка.....	33
Тема 4. Система и структура языка.....	39
Тема 5. Письмо.....	43
Тема 6. Классификация языков.....	49
Тема 7. Закономерности исторического развития языков.....	53
ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ.....	64
ХРЕСТОМАТИЙНЫЕ МАТЕРИАЛЫ.....	70
ГЛОССАРИЙ.....	142
ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ.....	148
ПРИМЕРНЫЕ ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ.....	157
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	159

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий учебно-методический комплекс «Введение в языкознание» дает студентам педагогических специальностей первые сведения о языкознании как науке и его связях с другими науками, о происхождении и сущности языка, особенностях его структуры. «Введение в языкознание» знакомит будущих учителей начальных классов с многообразием языков мира, закономерностями их исторического развития, с историей и видами письма, основными понятиями и терминами языкознания. Без этих знаний невозможно на современном уровне обучать младших школьников русскому и другим языкам, работать творчески, стать мастером своего дела. Курс «Введение в языкознание» является начальным, пропедевтическим курсом лингвистических дисциплин. Курс считается одним из трудных в ряду лингвистических дисциплин. Трудности при его изучении обусловлены сложностью такого явления, как язык, нерешенностью многих теоретических проблем лингвистики. Эти трудности усугубляются условиями ограниченного времени, отведенного учебным планом на изучение курса. Все вышеизложенное обуславливает разработку соответствующего учебно-методического комплекса по указанной дисциплине в соответствии со стандартом ОСВО 1-01 02 01-2013, типовой учебной программой по учебной дисциплине «Введение в языкознание», утвержденной 10.03.2014 г. рег. № ТД-А.463/тип., и учебным планом специальности 1-01 02 01 «Начальное образование».

Цель УМК – научно-методическое обеспечение процесса профессиональной лингвистической подготовки будущих учителей начальных классов.

Задачи УМК:

1. Познакомить студентов с языкознанием как наукой и его связями с другими науками, с основными теориями происхождения языка.
2. Сформировать систему основных понятий и терминов языкознания.
3. Обучить студентов не только пассивному заучиванию и пересказу теоретических положений, но и их самостоятельному осмыслению и наполнению собственным фактическим материалом.

В результате изучения указанного УМК студенты должны

знать:

- основные понятия и термины лингвистики, основные теории происхождения языка, природу, сущность и функции языка;
- внутреннее устройство языковой системы, членение языка на уровни, фундаментальные единицы и структуру каждого уровня языка, функциональные свойства языковых единиц;

- основные системы письма и этапы его исторического развития, типы алфавитов и букв по их соотношению со звуками;

- основные классификации языков, закономерности исторического развития языков;

уметь:

- правильно применять основные понятия и термины лингвистики, различать в языке материальное и идеальное, биологическое и психическое, общественное и индивидуальное;

- членить языковой поток на значимые единицы, выделять единицы языка и речи, производить фонемный, морфемный, словообразовательный, лексический и грамматический анализ единиц;

- различать типы букв по их соотношению со звуками, применять принципы классификации языков к языковому материалу.

УМК включает узловые вопросы лингвистики, требующие постоянного внимания. Для того, чтобы способствовать осознанию студентами целей и задач введения в языкознание, обеспечить доступность самостоятельной работы с данным комплексом, а также сориентировать студентов на усвоение материала по принципу «от теории – к практике», структура УМК выстроена следующим образом: содержание учебного материала, курс лекций, планы практических занятий, хрестоматийные материалы, глоссарий, задания для самостоятельной работы, примерные вопросы к зачету, список литературы.

Весь учебный материал в курсе лекций разбит на тематические блоки, соответствующие определенным разделам учебной программы. Благодаря такой структурированности материала обеспечивается логика и системность его изложения, что облегчает студентам работу с данным учебно-методическим комплексом. При этом в курсе лекций материал представлен достаточно полно, но не содержит абсолютно все необходимые студентам знания, предоставляя им возможность для осуществления самостоятельного информационного поиска. В планах практических занятий приводятся вопросы и задания, выполнение которых направлено на закрепление и углубление полученных студентами знаний, развитие у них лингвистического мышления. В плане каждого практического занятия содержатся вопросы, требующие воспроизведения усвоенного материала, а также темы рефератов, направленные на стимулирование мыслительной деятельности студентов по самостоятельному поиску необходимых знаний, способствующие активному, осознанному их усвоению.

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА

Курс «Введение в языкознание» на дневной форме получения высшего образования изучается в 3 семестре, рассчитан на 68 часов: на 38 часов аудиторных (14 часов лекционных, 20 часов практических занятий, 4 часа управляемой самостоятельной работы). Форма контроля: зачет в 3 семестре.

На заочной форме получения высшего образования данный курс изучается в 3–4 семестрах, рассчитан на 68 часов: 10 часов аудиторных (6 часов лекционных, 4 часа практических занятий). Форма контроля: зачет в 4 семестре.

ПРИМЕРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН (дневная форма получения образования)

№	Название тем	Общее количество часов	Лекции	Практические занятия	УСР
1.	Языкознание как наука и его связь с другими науками	6	2	4	
2.	Происхождение языка	4	2	2	
3.	Природа, сущность и функции языка	4	2	2	
4.	Система и структура языка	8	2	4	2
5.	Письмо	4	2	2	
6.	Классификация языков	6	2	2	2
7.	Закономерности исторического развития языков	6	2	4	
Итого учебных часов:		38	14	20	4

ПРИМЕРНЫЙ ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН (заочная форма получения образования)

№	Название тем	Общее количество часов	Лекции	Практические занятия	УСР
1.	Языкознание как наука и его связь с другими науками	2	2		
2.	Происхождение языка	2	2		
3.	Природа, сущность и функции языка	2	2		
5.	Письмо	2		2	
6.	Классификация языков	2		2	
Итого учебных часов:		10	6	4	

Тема 1. Языкознание как наука и его связь с другими науками

Языкознание как наука. Историческая изменчивость понятия предмета науки. Общее и частное языкознание как отражение общего и единичного в языке. Теоретическая и прикладная лингвистика. Внутренняя и внешняя лингвистика. Деление языкознания как науки по направлениям, школам и методам исследования языка.

Связь языкознания с гуманитарными, медицинскими и естественными, физико-математическими и техническими науками. Языковедение и религия.

Тема 2. Происхождение языка

Логосическая теория происхождения языка и ее разновидности: ведическая, библейская, конфуцианская.

Теория звукоподражания.

Междоменная теория происхождения языка, ее дальнейшее развитие в теории рефлексий и ономатопоэтической теории.

Концепция происхождения языка из жестов.

Теория общественного договора.

Теория трудовых выкриков и трудовая теория.

Тема 3. Природа, сущность и функции языка

Язык как сочетание идеального и материального, биологического и психического, общественного и индивидуального, как явление, обладающее сложной внутренней структурой.

Идеальное и материальное в языке. Язык и мышление. Биологическое, социальное и индивидуальное в языке.

Язык, речь, речевая деятельность. Геометрический образ внутренней (идеальной) структуры языка.

Функции языка (внутриструктурные и общественные).

Тема 4. Система и структура языка

Системность языка. Единицы языка. Уровни и подуровни языка. Основные типы отношений единиц. Части языка.

Предмет и содержание фонетики как науки.

Морфемика как морфемный строй языка и раздел языкознания.

Лексикология как наука о словах. Семасиология как наука о значениях слов. Слово как центральная единица языка.

Грамматика и ее предмет. Грамматическая категория, грамматическое значение и грамматическая форма. Понятие парадигмы. Части речи и члены предложения. Слово как элемент морфологии и элемент синтаксиса.

Тема 5. Письмо

Предметная символика как предыстория письма. Основные типы начертательного письма. Пиктография как первый исторический тип письма. Идеографическое письмо как высший этап развития идеографии. Системы слогового письма. Буквенно-звуковое, или фонемографическое, письмо и его разновидности: консонантно-звуковое и вокализованно-звуковое письмо.

Алфавиты и их наиболее распространенные семьи: латинская, славяно-кирилловская, арабская и индийская. Графика как раздел науки о письме. Различные почерковые разновидности письма. Графема – аллограф – буква, или граф, как отражение триадной структуры языка в его письменной форме. Типы букв по их соотношению со звуками.

Орфография и ее основные принципы. Специализированные системы письма: транскрипция, транслитерация и стенография.

Тема 6. Классификация языков

Многообразие языков мира. Разработка теоретических основ и принципов классификации языков мира в XIX–XX вв.

Генеалогическая классификация языков. Принципы установления родства языков. Языковая семья, группа, подгруппа. Основные семьи языков. Славянская группа языков.

Типологическая, или морфологическая, классификация языков. Четыре основных морфологических типа языков: изолирующие, агглютинативные, флективные и инкорпорирующие языки.

Ареальная классификация языков как географическая языковая карта мира. Функциональная классификация языков.

Тема 7. Закономерности исторического развития языков

Дифференциация и интеграция как два основных процесса в историческом развитии языков. Пути образования национальных литературных языков.

Внешние закономерности развития языка. Внутренние законы развития языка.

Тема 1. Языкознание как наука и его связь с другими науками

1. Предмет, объект и задачи языкознания как науки.
2. Языкознание в системе наук.
3. Из истории языкознания.

1. Предмет, объект и задачи языкознания как науки

Языкознание, или лингвистика, – это наука о языке, его общественной природе и функциях, его внутренней структуре, о закономерностях его функционирования и исторического развития и классификации конкретных языков.

Прежде всего, языкознание изучает язык. *ЯЗЫК* – это, во-первых, система фонетических, лексических и грамматических средств, являющаяся орудием выражения мыслей, чувств, волеизъявлений и служащая важнейшим средством общения людей. Будучи неразрывно связан в своем возникновении и развитии с данным человеческим коллективом, язык представляет собой явление социальное. Язык образует органическое единство с мышлением, т.к. одно без другого не существует. Во-вторых, язык – разновидность речи, характеризующаяся теми или иными стилистическими признаками (книжный язык, разговорный язык, поэтический язык, газетный язык). Язык и речь тесно между собою связаны и друг друга взаимно предполагают: язык необходим, чтобы речь была понята и производила свое действие; речь же, в свою очередь, необходима для того, чтобы установился язык.

Языкознание есть систематическое научное исследование явлений языка в их причинной связи. В более обширном смысле под языкознанием следует понимать всякое исследование языка, всякое мышление об языковых фактах, хотя бы даже не научное и не систематическое. Человека, занимающегося языкознанием, зовут по-русски языковедом, лингвистом, глоттологом, даже язычником. Языкознание как наука включает в себя ознакомление с языком или речью человеческой во всем ее разнообразии и ее научное исследование.

Введение в языкознание есть начальный, элементарный курс общего языковедения, дающий первые сведения о языке вообще, о его структуре, об основных понятиях и терминах языковедения, без знания которых невозможно серьезно заниматься ни одним языком.

Как и все другие ряды явлений, точно так же и явления языка представляют с первого взгляда хаос, беспорядок, путаницу. Человеческий ум обладает способностью освещать этот мнимый хаос и открывать в нем стройность, порядок, систематичность, причинную связь. Проявление упорядочивающей, систематизирующей деятельности человеческого ума в

применении к явлениям языка и составляет языковедение. Подготовительные работы совершаются здесь бессознательно, а отчасти и сознательно, каждым человеческим умом, даже вовсе научно неподготовленным. Каждый человеческий ум систематизирует, обобщает, ищет причины. В применении к языку каждый отличает, прежде всего, самого себя от других, свою собственную речь от речи других людей; каждый отличает собственный, отечественный язык от других языков, если только имел возможность их слышать; каждый отличает предложения и фразы со смыслом от того, что не составляет предложения и осмысленной фразы; каждый выделяет отдельные слова со свойственным им значением, в отличие от того, что нельзя считать словом; никому не чужда разница значения так называемого внутреннего содержания и звуковых сочетаний, служащих для передачи этого значения. Быть может, не каждый даст себе отчет в этом своем понимании, не каждый в состоянии высказать его и формулировать, но что каждому нормальному человеку свойственно подобное понимание, хотя бы только в виде бессознательного чаяния, – в этом не может быть ни малейшего сомнения.

С древности и до наших дней наука о языке пытается ответить на вечные вопросы: Что такое язык? Как он устроен? Как функционирует? Как изменяется и развивается? Однако они до сих пор не решены, несмотря на многовековое развитие лингвистики. Сегодня эти вопросы представляются более неизученными, чем это было, к примеру, в начале XX столетия.

Среди задач, решаемых языковедением, можно назвать следующие:

1. Установить природу и сущность языка.
2. Рассмотреть структуру языка.
3. Понимать язык как систему, т.е. язык представляет собой не разрозненные факты, не набор слов, это есть целостная система, все члены которой взаимосвязаны и взаимообусловлены.
4. Изучать вопросы развития языка в связи с развитием общества: как и когда возникли и то, и другое.
5. Изучить вопрос возникновения и развития письма.
6. Классифицировать языки, т.е. объединить их по принципу сходства.
7. Выработать методы исследования.
8. Языковедение стремится быть ближе к жизни, отсюда его прикладной характер.
9. Изучение вопросов, связанных с языковой интерференцией. Под языковой интерференцией понимается проникновение знаний родного языка или одного из изученных иностранных языков на знания, получаемые при изучении нового иностранного языка.

10. Рассмотреть связь лингвистики с другими науками (историей, психологией, логикой, литературоведением, математикой и т.д.).

В зависимости от поставленных задач различаются наиболее общие и частные разделы языкознания.

Общее языкознание занимается общими особенностями человеческого языка. Оно исследует сущность и природу языка, проблему его происхождения и общие законы его развития и функционирования, оно также разрабатывает методы исследования языков. В рамках общего языковедения выделяется типологическое языковедение, осуществляющее сопоставление между собой как родственных, так и неродственных языков, сопоставление, направленное на выяснение общих закономерностей языка. Общее и, в частности, типологическое языковедение выявляет и формулирует языковые универсалии, т.е. положения, действительные для всех языков мира (абсолютные универсалии) или для значительного большинства языков (статистические универсалии).

Абсолютными универсалиями являются, к примеру, следующие утверждения: 1) во всех языках существуют гласные и согласные звуки; 2) на всех языках люди говорят предложениями; 3) во всех языках есть имена собственные; 4) если в данном языке существует различие по грамматическому роду, то в нем обязательно существует различие и по числу.

Пример статистической универсалии: почти во всех языках в местоимениях различается не менее двух чисел (исключения: древний и современный яванский).

Одной из важных задач общего языковедения является научное определение понятий, которыми пользуется языковедение, – таких, к примеру, как упомянутые выше «гласный» и «согласный», «предложение», «имя собственное» и т.п.

Частное языкознание занимается отдельным языком (русским, английским, узбекским и т.д.) или группой родственных языков (скажем, славянскими языками). Оно может быть синхроническим, описывающим факты языка в какой-то момент его истории (чаще всего – факты современного языка), либо диахроническим (историческим), прослеживающим развитие языка на протяжении определенного отрезка времени. Разновидностью диахронического языковедения является сравнительно-историческое, выясняющее путем сравнения родственных языков их историческое прошлое.

Прикладное языковедение также решает и частные задачи, касающиеся одного языка, и задачи, принципиально приложимые к материалу любого языка: создание и усовершенствование письма;

обучение письму, чтению, культуре речи, неродному языку; создание систем автоматического перевода, автоматического поиска, аннотирования и реферирования информации, создание систем, обеспечивающих общение человека с машиной на естественном языке.

2. Языкознание в системе наук

Языкознание и гуманитарные науки. В науках естественных, отвлекаясь от временной последовательности, мы имеем всемирные физические, химические и т.п. явления, равно как и физиологические явления органического мира; применяя же понятие или категорию последовательности изменений во времени, получаем временной ряд морфологических преобразований в устройстве животных и растений, последовательность геологических наслоений, историю всего физического мира. Эти две научные точки зрения применимы и к языкознанию: определяя всеобщие, общечеловеческие психические и физиологические условия существования и воспроизведения речи человеческой.

Языкознание входит (в качестве одной из центральных наук) в круг гуманитарных (социальных) научных дисциплин, исследующих человека и человеческое общество.

Наиболее тесные связи у языка с наукой об общей теории знаков, с *семиотикой*. Семиотика как общая дисциплина не связана со специфическими средствами и возможностями языка, обозначениями системы: как простейшие типа кодов (телеграфный код, приемы морской и воздушной сигнализации, знаки регулировки для такси), так и более сложные (сигнализация животных, различные приемы письменности и шифров, знаковая природа географических карт, чертежей, а также пальцевая техника глухонемых) и, наконец, знаковую систему языка. Для языковедения важны общие положения семиотики о знаках, об их различительных признаках, о группировке и классификации знаков, о возможностях комбинаций знаков и образования «знаковых цепей» и их членности на звенья, об опознавании и распознавании знаков, о принципах дешифровки зашифрованных текстов или дешифровки текстов на неизвестных языках. Разработка общих положений семиотики во многом может облегчить работу языковедов по установлению знаковых закономерностей языка. Из семиотических дисциплин сближается с *грамматологией* – наукой о письме (поскольку есть виды письма, лишь косвенно связанные с языком), грамматология в целом не входит в языкознание.

Как уже отмечалось, наука о языке связана с рядом общественных наук. Из них с языкознанием теснее всего связана *этнография* и ее различные области, разрабатывающие, в частности, общие принципы

функционирования языка в обществах разных типов, в архаичных, или «первобытных», коллективах (к примеру, проблемы табу, эвфемизмов, в теории номинации – наименований, связанных с характеристиками архаичного сознания, и т.д.).

Языкознание как наука о языковом общении все ближе связывается с современной *социологией*. Учение о строении общества, его функционировании и его эволюции и развитии может дать лингвистике многое в связи с тем, как тот или иной язык используется различными социальными объединениями (классами, представителями различных социальных прослоек, профессиональных групп), как отражается на языке разделение и объединение социальных общностей, переселение племен и народов (миграция), образование территориально-социальных групп в пределах одного языка (диалекты) или между разными языками (языковые союзы). Чрезвычайно важным для языковедения является понимание соотношения языка и основных общественных категорий: базисов, надстроек, классов, орудий труда. Только после сопоставления с общественными категориями можно понять своеобразие функционирования и эволюции языка.

Разные виды коммуникации в обществе исследуются языкознанием, теорией коммуникации, культурной антропологией (изучающей коммуникацию посредством любых сообщений, не только и не столько языковых и знаковых) и семиотикой.

История языкознания по своим методам сближается с *историей* и другими науками, исследующими изменение во времени социальных структур, развитие которых в ряде случаев определяет и пути языковой эволюции, и развитие культуры, литературы, искусства и др. Одной из важнейших проблем является выяснение того, в какой мере развитие одного из этих рядов эволюционирующих явлений причинно влияет на эволюцию другого ряда. Изучение вымерших древних языков и определение их носителей, их ареала, т.е. области их распространения, их миграций (переселений) и т.п. связывает лингвистику с археологией, наукой, изучающей историческое прошлое человеческого общества по обнаруженным при раскопках памятникам материальной культуры.

Языкознание тесно связано с *литературоведением*. Союз языкознания и литературоведения породил филологию.

Многообразие функций языка в обществе и тесный характер его связи с мышлением и с психической деятельностью человека делает весьма гибким взаимодействие языкознания с соответствующими социальными и психологическими науками. Особенно тесны связи языкознания с *психологией*, уже в XIX в. вызвавшие вторжение психологических методов и идей в языкознание.

Речь связана с высшей нервной деятельностью, ее нормальной физиологией и патологией, т.е. нарушением речи, афазиями, поэтому речью занимаются представители медицины: психиатры, дефектологи, логопеды. В частности, изучение речи глухонемых и глухослепых, а также всевозможных афазий (расстройств речи) очень много дает лингвистам не только для понимания нормальной речи, но и для изучения структуры языка и его функционирования. На границе языкознания и психиатрии находится исследование особенностей речи при разных видах психических расстройств. При психоанализе сосредотачивается внимание на бессознательных речевых ошибках и на не осознаваемом содержании монолога пациента, произносимого в присутствии врача. И.А. Бодуэн де Куртенэ, Э. Сепир, М.М. Бахтин, Р.О. Якобсон, Э. Бенвенист, исследуя связь науки о бессознательном с языкознанием, отметили, что разные уровни языка в разной мере «автоматизированы» и не осознаются говорящими. По мере развития *нейролингвистики* ставится вопрос о соотношении разных частей теории языка с характеристиками работы соответствующих зон центральной нервной системы человека.

В пятидесятых годах XX века образовалась новая пограничная с языкознанием наука – *психоллингвистика*. Развитие идей порождающей грамматики привело к ее органическому слиянию с когнитивной психологией и к постепенному включению языкознания в круг фундаментальных когнитивных наук и их приложений, объединяемых общим термином «искусственный интеллект».

Считавшиеся общими для языкознания и психологии вопросы соотношения языка и мышления интенсивно изучаются современной логикой, *философией* языка и одновременно составляют содержание лингвистической семантики.

Философские аспекты языка изучались еще в древней Индии (Яска, Панини, Бхартхари), Китае (Сюй Шень), античной Греции и Риме (Демокрит, Платон, Аристотель, Донат и др.). В рамках новейшей европейской традиции основателем философского подхода к языку считается В. Гумбольдт. К числу наиболее важных философских проблем современной лингвистики относятся, в частности:

1) проблема формирования (становления) языка как в плане филогенеза (возникновения человеческого средства общения в связи с глобальной проблемой происхождения человечества, определения его прародины, особенностей древнейшего этапа развития, общих законов эволюции и т.п.), так и в плане онтогенеза (языкового развития личности, особенностей языка ребенка, социальной значимости обучения языку и т.п.);

2) гносеологические и когнитивные аспекты использования языка, а именно: свойства языка как знаковой системы, соотношение языкового

знака с денотатом (обозначаемым), тождество знака самому себе (что приобретает особую актуальность в связи с явлениями полисемии и омонимии в языке), функция знака как инструмента познания (на фоне общей философской проблемы познаваемости / непознаваемости мира), определение истинностного значения высказывания и т.п.;

3) комплекс проблем «язык и общество»: социальные функции языка (в том числе коммуникативная, регулятивная, этническая и др.), соотношение категорий языка и национально-культурного менталитета, классификация речевых актов, жанров и стилей речи (в связи с коммуникативными интенциями и ролевой структурой общения), структура и место текстов в рамках различных цивилизаций и т.п.

Многие современные концепции лингвистики послужили фактическим основанием для оригинальных философских теорий либо восходят своими корнями к конкретным философским учениям. Так, теория лингвистической относительности, разработанная американскими лингвистами Э. Сепиром и Б.Л. Уорфом, трактует язык как своеобразную рамку, через которую человек воспринимает действительность. Основой для такого сравнения послужили, прежде всего, наблюдения над структурой языков американских индейцев, коренным образом отличающихся от языков европейского стандарта. Окончательный вывод из данных посылок имеет глобальный характер: язык оказывает непосредственное влияние на деятельность человека. Гипотеза Сепира – Уорфа и сегодня продолжает вызывать активные дискуссии среди лингвистов.

Языкознание и естественные науки. Связи языкознания с социальными науками и науками о человеке, естественными науками наметились еще в XIX веке. Некоторые предложенные еще А. Шлейхером аналогии между сравнительно-историческим языкознанием и дарвиновской теорией эволюции нашли поддержку в современной науке. Дешифровка генетического кода во многом основывалась на усвоении биологами опыта языкознания и на типологических аналогиях со структурой естественного языка, которые продолжают изучаться и генетиками, и лингвистами. Методы сравнительной исторической реконструкции праформ и определения времени расхождения между потомками одного праязыка в языкознании оказались аналогичны сходным процедурам в молекулярной теории эволюции (определения белка – исходного источника для сопоставимых белков в разных организмах, установление времени разделения организмов в ходе эволюции).

Контакт языкознания с *биологией* осуществляется также при исследовании возможного наследственного характера основы языковых способностей человека, что связано и с проблематикой глоттогенеза, и с

разработкой идеи моногенеза языка. Более четко определился статус нейролингвистики, изучающей на основании лингвистических данных функции и зоны центральной нервной системы, связанные в норме и патологии с языком.

Современные инструментальные методы экспериментальной фонетики связаны с применением различных приборов, главным образом электроакустических (спектрографы, интонографы и т.п.), а также регистрирующие движения органов речи (артикуляцию). Фонетика поэтому особенно тесно связана с *физикой* и *физиологией*. Из естественных наук языкознание теснее всего соприкасается с физиологией. Особенно важной для языкознания является теория Павлова о первой и второй сигнальной системах. Впечатления, ощущения и представления от окружающей внешней среды как общеприродной – это «первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными». Вторая сигнальная система связана с абстрактным мышлением, образованием общих понятий: «Слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов».

Языкознание связано также с такой естественной наукой, как *антропология*. Антропология – наука о происхождении человека и человеческих рас, об изменчивости строения человека во времени и пространстве. Интересы лингвистов и антропологов совпадают в двух случаях: во-первых, при классификации рас, во-вторых – при изучении вопроса о происхождении речи.

Звуковые явления речи изучает раздел физики – *акустика*. Для правильного понимания того, что из звукового континуума (беспрерывного множества) язык отбирается для организации своей знаковой системы, лингвисту нужны сведения об акустических характеристиках, связанных с высотой, силой, длительностью звука, с соотношением явлений тона и шума, с пониманием звукового спектра и явлений резонанса.

Технические задачи, связанные с увеличением эффективного использования каналов передачи речевой информации и с устным общением с компьютером и работами, представляют собой практически наиболее важные области прикладного языкознания, где проводятся исследования речи и вычисление ее статических характеристик методами *математической теории информации*, разработанной академиком А.Н. Колмогоровым и американским математиком К. Шенноном.

Связь языкознания с *теорией информации*, стимул для изучения которой дали технические приложения языкознания, вместе с тем приводит к четкой формулировке существенных проблем, связанных с характером акта общения и с социальными функциями языка. За

свойственным некоторым направлениям языкознания первой половины XX в. сосредоточенностью только на изучении языка как «предмета в самом себе» с середины XX в. следует сближение языкознания с физико-математическими науками, в частности с *математикой*; возникает особая область математики – математическая лингвистика, включающая математическую формальную (алгебраическую) теорию грамматик и статистическую теорию языка (использующую методы математической статистики, теории вероятностей и теории информации). Методы математической логики применяются для формального описания категорий естественных языков.

Языкознание оказалось той гуманитарной наукой, которая, не порывая связей с другими науками о человеке и его культуре, первой решительно стала использовать не только инструментальные методы наблюдения (в фонетике) и экспериментальные приемы (в психолингвистике), но и систематически применять математические способы для получения и записи своих выводов. Быстро развивается вычислительная лингвистика, цель которой – создание сложных систем обслуживания компьютеров посредством языка, делающих возможным прямой разговор человека с компьютером, автоматическую переработку, запоминание, поиск и вывод информации в речевой форме и т.п. (иногда часть этих задач объединяют термином «инженерная лингвистика»).

И наконец – *кибернетика*, «наука об управлении», новая научная дисциплина, подлинное детище XX в. Кибернетику нельзя определить как отдельную замкнутую науку. Это особое действенное устремление многих наук, призванных не только объяснить мир, но и изменить его. Для того чтобы переделать и преобразовать, необходимо, прежде всего, описать и опознать. Однако познание и описание отдельного, изолированного не дает еще ключа к кибернетическому преобразованию. Для этого необходимо сознание целого в его структуре и системе. Поэтому развитие кибернетики неизбежно вовлекает и объединяет в одно целое различные отрасли знания. Конечно, технический прогресс и, в частности, успехи электронной техники оказались рычагом для успехов кибернетики. Но дело не в одной технике, а в широком понимании синтеза наук и их взаимообогащении при осуществлении этого синтеза. Многие традиционные области языкознания существенно изменяют методику исследования благодаря возможности использовать в них компьютеры: становится возможным построение программ, реконструирующих разные альтернативные варианты фонологических и грамматических уровней языков, машинное определение времени, разделение родственных языков методом лексикостатистики, составление машинных словарей для обширных корпусов древних письменных текстов и проведение на

компьютерах вспомогательных работ для дешифровки древних письменностей, запись в памяти машины полного грамматического словаря конкретного языка и т.п.

3. Из истории языкознания

Почему язык всегда вызывал интерес? Почему его изучали? Ни одна лингвистическая традиция не выросла лишь из человеческой любознательности. Вплоть до Возрождения и философских грамматик исследования языка диктовались практическими соображениями. Прежде всего, необходимо было учить язык культуры, а этот язык часто отличался от разговорного. Иногда это более древний вариант того же языка: санскрит в Индии, бунго в Японии, классический китайский (вэньянь) в Китае, латынь для средневековых итальянцев. Иногда язык родственного народа, как старославянский на Руси. Иногда просто другой язык: греческий для жителей Александрии, арабский для персов и тюрков, латынь для средневековых немцев или англичан. Но никогда этот язык не воспринимался как чужой. Наоборот, он казался самым «высоким» и престижным вариантом своего языка, хотя между бытовым и возвышенным языком было мало общего. Этому языку надо было специально учиться, а следовательно, требовалось знать, как он устроен. Обучение имело разные цели. В Индии, например, очень ценилось умение правильно создавать ритуальные тексты, отсюда особенности грамматики Панини. У других народов главным было понимать и толковать те или иные существующие тексты: Коран, Библию, классическую поэзию и прозу. Поэтому составлялись грамматики и словари, основанные на анализе этих текстов.

Еще одна проблема, важная для многих народов – «как делать стихи». В Китае создавались словари рифм, а в Японии существовал такой поэтический жанр: первую половину стихотворения сочинял один автор, другой ему отвечал во второй половине. А чтобы вторая половина стихотворения соответствовала первой, поэт должен был изучить особые правила глагольного согласования. Античное стихосложение основывалось на чередовании слогов с краткими и долгими гласными. Для этого необходимо было изучать долготу гласных, а попутно и ударение.

Древняя Индия. Развитая наука о языке появилась примерно в середине I тыс. до н.э. в Древней Индии. К тому времени там уже существовала богатая культура, были созданы и записаны великие поэтические произведения, прежде всего Веды, и, что самое важное, сформировался особый язык культуры – санскрит. На санскрите говорили только в торжественных случаях: во время религиозных обрядов и официальных церемоний. Язык этот был в основном устным.

Письменность не играла в индийской культуре большой роли: считалось, что истинное знание передается только изустно – от учителя к ученику. Очень важно было правильно говорить на санскрите, а чтобы научиться этому, требовалось знать, как он устроен. Вскоре после возникновения индийской науки о языке появился труд, ставший ее вершиной. Это знаменитая грамматика санскрита – «Аштадхьяи» («Восьмикнижие»), – составленная Панини. Об этом человеке мы не знаем ничего, кроме имени. Точно даже не известно, когда он жил: датировки ученых расходятся на несколько веков. Скорее всего, Панини создал свой труд примерно в V или IV в. до н.э. Ничего не известно и о его жизни. Единственное, о чем ученые предполагают с достаточно большой достоверностью, – это то, что великий языковед не знал грамоты. Панини сочинил свою грамматику в устной форме, и она передавалась из поколения в поколение, заучиваемая наизусть. Правда, через несколько веков грамматику записали, но и теперь в Индии можно встретить знатоков, хранящих в памяти весь ее текст. Устный характер грамматики обусловил ее строение. Стихи запоминаются легче, чем проза. Поэтому грамматика Панини состоит из коротких стихотворных кусочков – сутр, в которых спрессован гигантский объем информации. В сутре содержится одно или несколько правил типа «возьми то-то, сделай над ним такую-то операцию и получишь то-то». Такой подход более привычен в математике, чем в грамматике. «На входе» имеется набор исходных единиц – корней; если в определенном, жестко заданном порядке применить те или иные правила, из корней получаются слова, из слов – словосочетания и предложения. «На выходе» оказывается правильно построенный текст. Приложением к основной части грамматики служат сутры с описанием санскритской фонетики.

Панини создал почти исчерпывающее описание грамматики и фонетики санскрита. По точности и математической строгости его труд не имел себе равных не только в Индии, но и во всем мире, по крайней мере, до XX столетия, а в некоторых отношениях не превзойден и до сих пор. Сам способ описания языка через правила построения (или, как говорят в современной науке, порождения) текстов не применялся в науке о языке до самого последнего времени. Панини описывал язык как бы с точки зрения говорящего; в европейской традиции действовали совсем иначе. И лишь в середине XX в. этот способ снова открыли независимо от Панини.

Античная языковедческая традиция. Следующей по времени появления стала античная, или греко-римская, традиция, на основе которой сложилась современная мировая наука о языке. Великие греческие философы классического периода – Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель и другие – оставили после себя высказывания и даже целые

тексты, посвященные проблемам языка. Однако систематической науки о языке тогда еще не было.

Лишь у Аристотеля (IV в. до н.э.) – последнего из классических философов – мы встречаем отдельные фрагменты сочинения, посвященные грамматическому описанию, например определению имени и глагола.

Значение Платона для языкознания, однако, заключается не столько в его специальных рассуждениях, сколько в конструктивном способе построения его философской системы, связанном с лингвистическим моделированием (диалоги «Софист» и «Парменид»). Аристотель (4 в. до н.э.), как и Платон, считал исследование языка лишь вспомогательной частью логики, однако придавал ему большее значение. В работах «Категории», «Об истолковании», «Топика» изложена цельная логико-языковая концепция. Исходной точкой этой концепции является система понятий – слов, «логосов», разбитых на категории, а конечной – анализ разнообразных типов высказываний – суждений и их связей. В философскую систему Аристотель ввел 10 категорий (сущность, количество, качество, отношение и др.), представляющих собой, по его мнению, высшие роды объективного бытия. Эти категории – построенный в строгой иерархии список всех форм сказуемого (от именных форм к глагольным и от более независимых к более зависимым), которые могут встретиться в простом предложении древнегреческого языка. Аристотель первым из античных мыслителей подошел к проблеме грамматической формы, развивал учение о частях речи как грамматически различающихся классах слов. Его логическая грамматика не потеряла значения до XX века, особенно в школьной практике. Некоторые грамматические термины в русской грамматике – кальки введенных Аристотелем терминов. Окончательно сформировалось античное языкознание уже после распада империи Александра Македонского, когда греческая культура и греческий язык распространились по всему Восточному Средиземноморью. Первым крупным центром античной науки о языке стала Александрия в Египте. В Александрии звучало много разных языков, но господствовал греческий – язык двора, религии и культуры. Уже к III–II вв. до н.э. античная традиция языкознания вполне сложилась, хотя ее ранние сочинения до нас не дошли. Сохранились две важные работы: «О синтаксисе» Аполлония Дискола (II в. н.э.) и «Грамматика» Дионисия Фракийца, датировка которой, как и грамматики Панини, вызывает большие споры: со II в. до н.э. по III–IV вв. н.э. Александрийская школа языковедов существовала до арабского завоевания Египта в VII в. В Александрии язык изучали не так, как в Индии. В отличие от Индии, у греков язык священнослужения очень мало отличался от разговорного. Однако жителям Александрии и других египетских городов греческий язык надо было учить, поэтому греческая

наука о языке создавалась в основном в учебных целях. Задача построения правильных текстов стала вторичной по отношению к задаче изучения языка.

Языком занималась грамматика, а построением текста того или иного предназначения – особая наука риторика; риторические правила были менее жесткими, чем грамматические. А грамматика исходила из позиции не говорящего, а слушающего: чтобы правильно понимать тексты, надо было уметь делить их на единицы, классифицировать эти единицы и т.д. Говоря научным языком, индийцы занимались синтезом текстов (созданием целого из элементов), а греки – их анализом (членением целого на элементы). Сначала выделяли и классифицировали звуки и слова, затем описывали, как слова изменяются (для этого строили таблицы склонения и спряжения, выявляли грамматические категории падеж, наклонение, время и др.), и, наконец, описывали предложения (синтаксис). Такой подход хорошо знаком по школьным учебникам русского языка, сохраняется он и в большинстве научных грамматик. Аналитический подход господствовал в мировой науке о языке до 60-х гг. XX в., широко распространен он и сейчас.

Вскоре научные идеи и методы Восточного Средиземноморья стали известны и в Древнем Риме. Римляне активно осваивали греческую культуру, особенно после завоевания Римом Греции и всего Средиземноморья во II–I вв. до н.э. Римляне говорили на латинском языке, родственном греческому (оба относятся к индоевропейской семье) и, главное, очень похожем на греческий по своему строю. Можно было просто перевести греческую грамматику на латинский язык, заменив примеры (требовались небольшие изменения – к примеру, в латыни на один падеж больше). Уже в I в. до н.э. вполне сложилась римская наука о языке. Тогда жил ее первый крупный представитель – Марк Теренций Варрон – ученый, писавший многотомные труды чуть ли не по всем существовавшим областям знания (до нас дошли его работы по сельскому хозяйству и грамматике). Сочинения Варрона даже древнее тех александрийских грамматик, которые сохранились до наших дней. Итогом развития латинской грамматики стал гигантский труд Присциана «Грамматические наставления в 18 книгах», появившийся уже в Раннем Средневековье в начале VI в. В течение многих веков она считалась образцовой. Греческие и латинские грамматики по уровню уступали грамматике Панини: явления языка описаны в них гораздо менее подробно и четко. Однако именно из них выросла современная лингвистика. Большинство знакомых нам терминов – гласный и согласный звуки, имя, глагол, наречие, падеж, наклонение, залог, предложение, синоним, омоним и т.д. – восходят к античным грамматикам. Как правило, они были

получены путем перевода (в том числе по частям) греческих и латинских терминов.

В Средние века европейская традиция окончательно разделилась на греческую, господствовавшую в Византии, и латинскую, охватывавшую страны Западной Европы, где латынь долго оставалась основным языком культуры.

Ученые Запада несколько веков ограничивались тем, что комментировали грамматику Присциана, но в XIII–XIV вв. наука о языке вновь начала активно развиваться. Языковеды продолжали изучать синтаксис и, самое главное, создали новый тип грамматики – философскую грамматику. Автор самой знаменитой грамматики – немецкий ученый Томас Эрфуртский (начало XIV в.). Авторы таких сочинений, в основном исходя из латинского языка в том виде, в каком он зафиксирован у Присциана, старались не просто описать язык, а объяснить сущность всего, что в нем содержится. Вначале толкования были довольно наивными – например, род неодушевленных существительных объясняли, исходя из природы предметов, которые этим существительным обозначаются. Но сама попытка создать объяснительную грамматику имела огромное значение для развития науки. Если индийская наука о языке очень рано остановилась в своем развитии, то европейское языкознание, сначала значительно уступавшее индийскому, продолжало двигаться вперед.

Иероглифическая наука. Следующей по времени становления оказалась китайская традиция. Древнейшие иероглифические словари, не дошедшие до наших дней, появились почти одновременно с первыми александрийскими грамматиками в III–II в. до н.э. Первый полный словарь «Шо вэнь цзе цзы» («Об элементах и сложных знаках»), содержащий также и классификацию иероглифов, создал китайский языковед Сюй Шэнь в начале II в. н.э. Это был первый в мире большой толковый словарь. Китайская культура была (и во многом остается до сих пор) прежде всего письменной. Именно иероглифика объединяла китайцев, говорящих на разных диалектах, в один народ. Сложная иероглифическая письменность, требуя длительного обучения, вызывала к себе глубокое почтение. Истинным считалось лишь то, что записано. Напротив, индийцы презирали письменные знаки, а греки и римляне писали свои сочинения, почти не обращая внимания на сами письменные знаки (в европейской традиции буква рассматривалась, по выражению русского языковеда и поэта XVIII в. Василия Кирилловича Тредиаковского, как «тень звука»). Только для постороннего наблюдателя каждый иероглиф представляется цельной «картинкой»; на самом деле иероглифы (кроме самых простых) состоят из отдельных «блоков» и имеют свою структуру, а «блоки» – из множества

повторяющихся элементов-черт, которых всего семь. Как выделяются черты, можно видеть из задачи. Все эти «блоки» и черты были выделены Сюй Шэнем. Такой анализ дал возможность разработать порядок расположения иероглифов в словаре. Если в европейских словарях принят алфавитный порядок, то в китайских иероглифы со времен Сюй Шэня помещаются в зависимости от выделяемых в их составе компонентов. Многие иероглифы делятся на две части, одна из которых указывает на значение. Таких общих для группы иероглифов элементов – ключей – выделено 213. Большинство из них имеет некоторое значение и все имеют номер (к примеру, элемент «вода» имеет номер 85). Запомнив все 213 ключей и их номера, можно найти в словаре любой иероглиф. Китайский язык значительно отличается по своему строю от санскрита, греческого или латыни. В нем нет склонения, спряжения – а значит, нет нужды формулировать сложные грамматические правила. Поэтому жанр грамматики в Китае так и не сложился (первая грамматика китайского языка появилась лишь в конце XIX ст. под европейским влиянием). Зато в Китае очень важным государственным делом стало составление словарей. В Индии словари играли вспомогательную роль по сравнению с грамматиками, а в Европе вплоть до XVI–XVII вв. были только толковые словари непонятных слов из старинных текстов. В Китае же требовались словари, включавшие в себя десятки тысяч иероглифов. Грамматические элементы китайского языка (сходные с нашими предлогами или частицами) именовали «пустыми словами» и также описывали в словарях. Существовали даже специальные словари «пустых слов».

Новый этап развития китайской традиции начался во II–III вв. Чтобы слагать стихи, нужно было знать, как рифмовать. Иероглиф соответствует слогу, рифмовались слоги, содержавшие одинаковый гласный и одинаковую конечную часть после гласного (если она имелась): гэ – цзэ, кан – ман, гуань – юань и т.д. Чтобы составить словарь рифм, слог надо было разделить на две части. Позже, в VIII–X вв., появились таблицы, где иероглиф как бы разрезался: по горизонтали группировались иероглифы с одинаковой начальной частью, а по вертикали – с одинаковой конечной. Именно благодаря этим таблицам позже удалось восстановить фонетику древнего китайского языка. Китайская традиция была не столь консервативна, как индийская, но развивалась гораздо медленнее европейской. Составлялись все новые и новые словари и таблицы, но ничего принципиально нового в Китае после X в., а не было создано вплоть до знакомства с европейским языкознанием в XIX ст.

Арабские грамматики и словари. В VII в. на карте мира появилось новое государство – Арабский халифат. К концу века почти весь Ближний и Средний Восток оказался под арабским владычеством. Вместе с исламом

на территории халифата распространялся и арабский язык – язык священной книги мусульман, Корана. Ислам с самого начала действовал в смысле арабской исключительности и не признавал вовсе равноправности других языков; Коран должен был быть изучаем в подлиннике. Арабский язык распространялся, но вместе с тем портился. Поэтому оказались нужными правила настоящего, образцового языка, и этой нужде обязано своим возникновением арабское языковедение, развившееся на основании грамматических категорий Аристотеля. Грамматические школы процветали у арабов с VII по XII ст. Исследования арабских грамматиков имели влияние на евреев, язык которых, вследствие их рассеивания, распался на множество разновидностей, значительно между собой различавшихся; в особенности получилось большое разнообразие в произношении гласных, в еврейском письме не обозначаемых. Отсюда толчок к филологическому изучению еврейского языка с целью упрочить однообразное произношение; а т.к. это изучение происходило под арабским влиянием и христианские богословы также изучали еврейский язык, то арабские грамматики посредственно воздействовали на христианских богословов.

Как и в Египте времен Птолемеев, язык религии и культуры в халифате почти не отличался от разговорного языка завоевателей, но покоренные народы говорили на совершенно других языках и арабскому должны были учиться. Важно было уметь читать Коран и правильно произносить священные тексты. Если индийская традиция была устной, а китайская – письменной, то арабская традиция с самого начала ставила задачу обучить и письменному, и устному языку.

Для решения этой задачи очень быстро сложилась арабская наука о языке. Уже в VII в. появились первые сочинения, а столетие спустя, во второй половине VIII в., была написана самая замечательная арабская грамматика, автором которой был Сибавейхи (настоящее имя Абу Бишр Амр ибн Усманибн Канбар; около 753–796 гг.). Он был не арабом, а персом, и жил в Басре (ныне Ирак), на границе арабского и персидского мира. Сибавейхи создал классическую грамматику арабского языка под названием «Книга», которая охватывала и фонетику, и морфологию, и синтаксис. По своему типу она была сходна с античными грамматиками. В ней также содержался анализ текстов, прежде всего текста Корана. Однако уровень грамматики Сибавейхи и других похожих на нее арабских грамматик превосходил античные: явления классического языка были описаны в них точнее и детальнее.

Арабская традиция активно развивалась в течение семи–восьми веков в разных частях мусульманского мира: от Басры и Багдада до Испании, принадлежавшей тогда арабам. Кроме грамматик ученые

составляли и словари. Последние значительные труды арабских языковедов были написаны в XIII–XV вв., затем арабская традиция, как за полтора тысячелетия до нее индийская, перестала развиваться. Однако и сейчас в мусульманских школах и университетах арабский язык продолжают учить по старым канонам.

Японские грамматисты. Японская традиция возникла очень поздно и достигла расцвета совсем недавно, в XVIII – середине XIX в. Японская культура в течение долгого времени находилась под большим влиянием китайской. Долгое время это относилось и к изучению языка. Японцы к VII–VIII вв. завершили освоение китайской письменности и применили ее к своему языку; вскоре были составлены первые иероглифические словари.

Однако национальная наука о языке появилась в Японии почти на тысячелетие позже. В первой половине XVII в. Япония стала закрытой страной: иностранцев, за редким исключением, не допускали в страну, а японцы не имели права ее покидать. Ограничения распространились и на Китай. Именно тогда в противовес традиционной науке китайского типа появилась школа «национальных ученых», по-японски «коку-гакуся». Они изучали исконные, не связанные с Китаем, стороны японской культуры. А помимо древней религии – синтоизма – это был только японский язык (китайский и японский языки относятся к разным семьям и по строю не похожи друг на друга). Коку-гакуся уже с XVII ст. стали изучать древние тексты VIII–X вв., написанные на классическом японском языке – бунго. В отличие от китайского языка, японский обладает достаточно сложной морфологией, и описывать его только с помощью словарей неудобно. Поэтому коку-гакуся независимо от каких-либо образцов сами создали грамматику. Первые сочинения по грамматике бунго появились во второй половине XVIII в., а наиболее подробные и разработанные сочинения – в первой половине XIX в. К середине XIX в. японская традиция не успела исследовать весь язык, к примеру, еще не был изучен синтаксис.

В 50-х гг. XIX в. Япония перестала быть закрытой страной и стала быстро европеизироваться. Если индийская и арабская традиции, уже достигшие совершенства, не могли перенять идеи и методы, идущие с Запада, то японская традиция вобрала европейские и американские лингвистические концепции, не утерев национальных особенностей. До сих пор японские языковеды сохраняют непривычные для нас представления о звуках и словах.

Европейская традиция. В средневековой Европе мы наблюдаем падение научного мышления вообще и мышления грамматического в частности. Несмотря на это, именно на рассвете средних веков зарождается переворот во взглядах на языки земного шара, благодаря

первобытному христианству. Под лозунгом «всяк язык да исповедует Бога» стали переводить Библию на различные языки, а проповедники старались усваивать языки обращаемых в христианство народов. Позже, под влиянием централистических стремлений, это движение ослабело.

В западной Европе с XII ст. воцарилось исключительно схоластическое образование, основанное на латинском языке. Язык рассматривали в то время *argiori*, т.е. подгоняя насильно языковые факты под известные предвзятые формулы. Выработался известный идеальный тип предложения и слова, и этим образцом измеряли все проявления живого языка. Материалом служили языки «мертвые», исключительно книжные – прежде всего поздняя латынь. Ученость средних веков сосредоточил в себе в XVI ст. Санчес (Sanchez, Sanctius). Его «*Minerva*» (1587) может быть признана высшим выражением деятельности схоластиков на лингвистическом поприще. В восточной Европе позднейшая греческая ученость также работала в области исследований языка; ее взгляды, вместе с Восточной церковью, перешли к славянам, до русских славян включительно. С другой стороны, благодаря соседству с Польшей, Русь подвергалась также влиянию западной, латинской, Европы, т.е. Рима.

В новые века, с конца XV ст., лингвистический материал обогатился и углубился в трех направлениях: 1) реформация вывела на историческое поприще народные языки (*linguae vulgares*) против церковной латыни; 2) географические открытия обратили внимание на новые народы и новые языки; 3) так называемый «гуманизм» в области литературы и искусств представил в новом свете народы греческий и римский вместе с их языками и литературами. Несмотря на все это, направление языковых исследований изменялось весьма медленно; стилистика все еще продолжала казаться более важной, чем грамматика.

Новая эпоха в философских взглядах на язык начинается с Локка (исследование о возникновении понятий, обозначаемых именами и глаголами, и локалистическая теория падежей). Во Франции еще в середине XVII в. появилась «философская грамматика», составленная учеными отшельниками из Пор-Рояля, в особенности Арно и Ланселотом, и изданная в 1660 г. Эта грамматика имела во Франции целый ряд подражателей, чуть ли не до нашего времени включительно.

Другое направление возникло по почину Лейбница, которого мы и должны считать настоящим прародителем новейшего языковедения. Он первый порвал с предположением, что еврейский язык был первоначальным языком всего человечества, и по отношению к исследованию языков стал на действительно научную точку зрения. Он высказал мнение, что «исследование языков должно основываться на

началах точных наук». Он считал превратным начинать исследование с того, что неизвестно и недоступно, т.е. с древних языков, вместо того чтобы приступить прежде всего к новым языкам, доступным непосредственному наблюдению. Этим своим требованием Лейбниц опередил не только всех современных ему ученых, но также многих из числа нынешних. Он особенно напирал на сравнение всех языков, хотел группировать европейские языки по их родству, признавал родство языков мадьярского, финского, турецкого и монгольского. В этих попытках и стремлениях Лейбница кроется зародыш так называемой «сравнительной грамматики», расцветшей столь пышно в XIX ст. Следуя духу своего времени, он занимался и общими вопросами языковедения (начало языка и т.п.), но требовал при этом метода сравнительного. Лейбниц не только давал советы филологам, но обращался с просьбами о сотрудничестве и содействии к миссионерам, путешественникам, монархам. В 1713 г. он писал Петру Великому, развивая свои мысли о лингвистических вопросах. Он подготавливал программы исследований и сопоставлял слова, перевод которых на разные языки считал желательным.

Екатерина II, будучи еще великой княгиней, воодушевилась мыслью Лейбница, пожелала создать «всеобщий словарь» и убедила Дюмареска, капеллана английской фактории в Петербурге, взяться за это дело. Следствием этого явился «Сравнительный словарь восточных языков», а в 1786 г. вышел I том «Императорского словаря», содержащий 285 слов в переводе на 51 язык Европы и 149 языков Азии.

На расцвет новой эпохи в истории языковедения повлияло также основательное ознакомление европейских филологов и лингвистов с санскритским языком и индийскими грамматиками. Как для греческих ученых в Александрии и в Пергаме Гомер, так для индийских ученых священные книги Вед явились стимулом к комментированию текстов и грамматическим разысканиям. Комментарии индийских грамматиков к Ведам не имеют ничего себе равного. Появившиеся затем грамматические сочинения, посвященные санскриту, остаются до сих пор недостижимым идеалом и по основательности, и по всестороннему принятию в соображение всех оттенков произношения и формальной стороны языка.

Начало новейшего философского или общего языковедения с широким размахом восходит к Вильгельму фон Гумбольдту. Первоначальный метафизический характер этой отрасли языковедения переродился мало-помалу в чисто психологическое отношение к языку (Штейнталь, Лацарус и др.), приобретающее теперь все больше и больше приверженцев. Вообще на новейшем этапе истории языкознания можно отметить возврат к естественным связям языковых явлений. Языкознание

удаляется от филологии и книговедения и приближается к другим наукам, более ему родственным.

Языкознание сегодня и завтра. Развитие языкознания никогда не было плавным и постепенным. Революции сменялись периодами затишья, когда ученые лишь накапливали материал и совершенствовали научные методы. Менялись и приоритетные проблемы. Нередко вопросы, которые в одну эпоху считались «ненаучными» или «нелингвистическими», в другую оказывались в центре внимания. Но ни одна существенная проблема не уходит из науки навсегда, даже если она надолго выпадает из поля зрения лингвистов. Проблема «язык и мышление» активно обсуждалась с античных времен до конца XX в., но структурная лингвистика XX в. сняла ее с повестки дня, а затем Ноэм Хомский снова к ней обратился. Вопрос о том, в какой степени язык определяет картину мира, впервые поставленный Вильгельмом фон Гумбольдтом, затем оказался на обочине лингвистики, а сейчас он, как и прежде, занимает ученых.

При этом лингвистика, безусловно, продолжает идти вперед. Обращаясь к оставленным на время вопросам, она изучает их на новом, более высоком уровне, так что развитие языкознания – это не колебания маятника, а движение вперед, хотя и не по прямой, а как бы по спирали.

В XIX–XX вв. лингвисты достигли значительных успехов, но лишь в отдельных областях. В XIX в. был разработан сравнительно-исторический метод, позволивший реконструировать праязыки, от которых не осталось никаких текстов. Открытия, подтверждающие достоверность построений лингвистов, совершаются до сих пор. В XX в. лингвисты сосредоточились на абсолютно иной проблеме: они разрабатывали строгие процедуры формального изучения фонологии и грамматики, вернувшись на более высоком уровне к вопросам, которыми занимались еще в древней Александрии. Правильность метода получила убедительное подтверждение: были созданы системы автоматического перевода, к примеру, с французского или японского языка на русский (однако удается переводить лишь узкоспециальные тексты, да и перевод нуждается в дополнительном редактировании). Если бы не существовало строгого описания языка, это было бы невозможно, ведь человек, работая с текстом, опирается на свою интуицию, а машине доступен лишь формальный анализ.

Но и реконструкция праязыков, и описание фонологии и грамматики – лишь небольшая часть проблем, связанных с человеческим языком. Очень многого наука о языке еще не знает и не умеет. На каждый из четырех «вечных вопросов лингвистики» у науки есть ответы, но все они неполны.

Фердинанд де Соссюр дал первый строгий ответ на вопрос, что такое язык. В голове каждого говорящего существует некоторый механизм, позволяющий людям говорить, слушать, писать, читать. Этот механизм можно описать с помощью некоторого количества правил, и структурная лингвистика сосредоточилась на том, чтобы выяснить их. Но теперь ясно, что подобного представления о языке недостаточно. Гораздо более глубокое (и одновременно менее строгое) понимание языка как человеческой деятельности еще раньше предложил Вильгельм фон Гумбольдт. Оно требовало учитывать многое из того, чего лингвистика никогда всерьез не изучала или только начинает изучать.

Весь XIX в. европейская наука изучала вопрос, как развивается язык. В XX в. он отошел на второй план, но многие ученые продолжали и продолжают им заниматься. В этой области сделано уже немало. Накоплено очень много фактов (либо реально засвидетельствованных, либо реконструированных), выдвинуты гипотезы о причинах изменений в языке. Но не существует теории, которая могла бы обосновать, почему те или иные языки развивались именно так, а не иначе.

Самый сложный вопрос, к решению которого наука только приступает, – как функционирует язык? Это как бы физиология науки о языке. Как человек пользуется заложенным в нем механизмом? Как говорит и как воспринимает речь других людей? И наконец, все еще неясен, строго говоря, и сам предмет языкознания.

Лингвистика изучает единый человеческий язык, предстающий в виде множества конкретных языков. Каждый из них имеет свои особенности, но у всех языков есть и нечто общее. Большинство лингвистов, и это естественно, всегда занимались и занимаются изучением конкретных языков, а не какого-то одного языка. Лишь немногие ученые – В. фон Гумбольдт, Ф. де Соссюр, Н. Хомский и некоторые другие – осознанно ставили перед собой задачу выделить свойства «языка вообще». Если о языках известно уже достаточно много, то о языке и его свойствах – намного меньше. Итак, нерешенных задач в лингвистике гораздо больше, чем решенных.

Тема 2. Происхождение языка

1. Первые представления о происхождении языка.
2. Теории происхождения языка (звукоподражания, междометий, трудовых выкриков, социального договора).

1. Первые представления о происхождении языка

В течение веков человечество волновал и продолжает волновать вопрос, как и почему люди начали говорить. Этот вечный и интересный вопрос, однако, не поддавался и не поддается научному решению.

Первобытный язык нельзя исследовать и опытно проверить. Еще в библейских легендах мы находим два противоречивых решения вопроса о происхождении языка, отражающих различные исторические эпохи воззрений на эту проблему: 1) язык не от человека и 2) язык от человека.

В различные периоды исторического развития человечества этот вопрос решался по-разному.

Никто и никогда не наблюдал, как появляется язык. Даже язык самых близких к человеку животных – обезьян, который оказался гораздо сложнее, чем представлялось еще недавно, по двум важнейшим свойствам отличается от человеческого.

Между «языками» животных и языками людей есть качественный разрыв, и нет данных о том, как этот разрыв мог быть преодолен. Уже сейчас лингвисты вышли в своих реконструкциях в доисторическую эпоху: реконструированы языки, на которых говорили намного раньше, чем на Земле появилась письменность. Но все они принципиально не отличаются от реально известных. Никто не видел праиндоевропейцев и не может утверждать, что они говорили, а не пользовались чем-то вроде языка жестов глухонемых.

Поэтому все имеющиеся гипотезы о происхождении языка умозрительны. Они основываются на одном из трех постулатов: либо язык получен от высших сил, либо древние люди вели себя так, как вели бы себя наши современники, если бы не имели языка, либо язык возник у человечества таким же образом, каким он появляется у каждого отдельного человека.

Древнейшие представления о происхождении языка основаны на идее получения людьми языка от высших сил. В египетском тексте, составленном около середины III тыс. до н.э., говорится, что творцом речи и «имени всякой вещи» был верховный бог Птах. Позднее в истории Древнего Египта религии не раз менялись, но всегда главному из богов приписывалось создание языка и дарование его людям.

В древнейшем индийском памятнике Ригведе (около X в. до н.э.) говорится о «творцах – установителях имен».

Иногда человек создавал язык сам, но опять под наблюдением высшего существа. В Библии сказано: «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел их к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым...». Однако в той же Библии

раньше неоднократно употребляется формула: «И сказал Бог». Значит, Бог уже обладал языком изначально. Тем самым язык оказывается совместным созданием высшей силы и человека.

Сходный взгляд существовал и у арабских ученых: они считали, что основу языка дал Аллах, но многие слова затем придумали люди. Аллах знакомил с этим священным даром людей не сразу, а по частям. Лишь последний и самый великий из пророков Мухаммед получил от Аллаха весь язык (поэтому священный язык Корана никак нельзя изменять). Представления о божественном происхождении языка были и у многих других народов.

Таким же образом объяснялось и то, что на Земле существует много языков. В Древнем Египте во времена фараона Аменхотепа (Эхнатона; 1368–1351 гг. до н. э.) считалось, что бог Атон вкладывает речь в уста каждого младенца и так же наделяет каждый народ своим языком. А в Библии говорится о Вавилонском столпотворении: Бог «смешал языки» жителей Вавилона, попытавшихся состязаться с ним, воздвигая башню высотой до небес. В этой легенде отразился и облик древнего Вавилона, центра торговых путей, где звучала речь на многих языках.

Во всех религиозных концепциях язык неизменен и появляется сразу таким, каким он существует сейчас. Позже люди могут только портить и забывать божественный дар либо в лучшем случае добавлять еще что-то. Религиозные концепции происхождения языка отражают при всей их наивности один реальный факт: человеческий язык – особый дар, и в природе ничего сходного нет. «Языки» животных слишком не похожи на него.

Первые сомнения в божественном происхождении языка (как и в божественном устройстве мира вообще) появились в античном мире. Древнегреческие и древнеримские мыслители (Демокрит, Эпикур, Лукреций и др.) пришли к выводу, что язык создали сами люди без участия богов. Тогда же и были высказаны многие концепции происхождения языка. Распространение христианства вновь привело к победе представлений о божественном происхождении языка, но в XVII–XVIII вв. они стали подвергаться сомнению, а античные концепции начали возрождаться. Появление в европейских странах научной картины мира и исторического подхода к изучению человеческого общества привели к тому, что мыслители XVII–XVIII вв. начали искать новые объяснения появления языка. Любопытно, что такие идеи возникли раньше теории Чарлза Дарвина о происхождении человека от обезьяны. Человек еще считался Божьим творением, но творение языка уже рассматривалось как дело человеческое. К XVIII в. окончательно стало ясно, что языки меняются, что не все языки мира существуют изначально, что одни языки

произошли от других. Естественно было сделать еще один шаг и предположить, что каждый язык когда-то появился впервые.

Однако представления о прошлом человечества и в античности, и в Новое время были ещё слишком упрощенными. Мыслители ставили себя на место первобытного человека и думали, что бы они делали, если бы не умели говорить и хотели создать язык. В XVIII в. концепции такого рода стали предметом горячих споров и дискуссий. За последние два века их круг почти не расширился.

2. Теории происхождения языка (звукоподражания, междометий, трудовых выкриков, социального договора)

Со времен античности сложилось много теорий происхождения языка.

Теория звукоподражания идет от стоиков и получает поддержку в XIX и даже XX в. Суть этой теории состоит в том, что «безъязычный человек», слыша звуки природы (журчание ручья, пение птиц и т.д.), старался подражать этим звукам своим речевым аппаратом. В любом языке, конечно, есть некоторое количество звукоподражательных слов типа ку-ку, гав-гав, хрю-хрю, пиф-паф, кап-кап, апчхи, ха-ха-ха и т.п. и производных от них типа куковать, кукушка, гавкать, хрюкать, хрюшка, хаханьки и т.п. Но, во-первых, таких слов очень немного, во-вторых, «звукоподражать» можно только «звучащему», а как же тогда назвать «безгласное»: камни, дома, треугольники и квадраты и многое другое?

Отрицать звукоподражательные слова в языке нельзя, но думать, что таким механическим и пассивным образом возник язык, было бы совершенно неправильно. Язык возникает и развивается у человека совместно с мышлением, а при звукоподражании мышление сводится к фотографии. Наблюдение над языками показывает, что звукоподражательных слов больше в новых, развитых языках, чем в языках более примитивных народов. Это объясняется тем, что, для того чтобы «звукоподражать», надо в совершенстве уметь управлять речевым аппаратом, чем первобытный человек с неразвитой гортанью не мог владеть.

Теория «трудовых выкриков» на первый взгляд кажется настоящей материалистической теорией происхождения языка. Эта теория возникла в XIX в. в трудах вульгарных материалистов (Л. Нуаре, К. Бюхер) и сводилась к тому, что язык возник из выкриков, сопровождавших коллективный труд. Но эти «трудовые выкрики» только средство ритмизации труда, они ничего не выражают, даже эмоций, а являются только внешним техническим средством при работе. Ни одной функции, характеризующей язык, в этих «трудовых выкриках» обнаружить нельзя, т.к. они и не коммуникативны, и не номинативны, и не экспрессивны.

Теория «социального договора». Возникла в середине XVIII в. и опиралась на некоторые мнения античности (Демокрит, Платон) и отвечала рационализму XVIII в. Но совершенно ясно и то, что для объяснения первобытного языка эта теория ничего не дает, т.к., прежде всего, для того чтобы «договориться» о языке, надо уже иметь язык, на котором «договариваются».

В XVIII в. аналогичные идеи выдвинул знаменитый французский философ Жан Жак Руссо, которому принадлежит и само выражение «общественный договор». Поддержал эту концепцию в том же XVIII в. основатель политической экономии англичанин Адам Смит. Руссо и Смит считали, что первобытные люди когда-то договорились между собой о том, как пользоваться языком. Язык был изобретен сознательно, а затем люди объединили свои усилия, и сложились единые правила пользования им.

Исходя из материалистического понимания истории общества и человека, Ф. Энгельс так разъясняет условия появления языка: «Когда после тысячелетней борьбы рука, наконец, дифференцировалась от ноги и установилась прямая походка, то человек отделился от обезьяны, и была заложена основа для развития членораздельной речи...».

Теория междометий идет от эпикурейцев, противников стоиков. Первобытные люди инстинктивные животные вопли превратили в «естественные звуки» – междометия, сопровождающие эмоции, откуда произошли и все иные слова.

Междометия входят в словарный состав любого языка и могут иметь производные слова (русск.: ах, ох и ахать, охать и т.п.). Но таких слов очень немного в языках и даже меньше, чем звукоподражательных. Причина возникновения языка в этой теории сводится к экспрессивной функции, но в языке есть очень многое, не связанное с экспрессией. Есть что-то более важное, ради чего возник язык, у животных тоже есть эмоции, но нет языка.

Эту концепцию развили английский философ конца XVII в. Джон Локк и французский ученый XVIII в. Этьенн Бонно де Кондильяк. По их мнению, люди вначале издавали лишь бессознательные звуки, а затем постепенно научились контролировать их произнесение. Параллельно с контролем над языком развивался и контроль над умственными операциями. Большое место отводилось языку жестов. Считалось, что первобытные люди лишь дополняли звуками жестикуляцию, а затем постепенно перешли на звуковую речь. Идеи Дж. Локка и Э. де Кондильяка были важнейшим шагом вперед по сравнению с концепцией «общественного договора»: формирование языка теперь связывалось с развитием человеческого мышления. Становление языка рассматривалось не как единовременный акт, а как исторический процесс, занимавший

длительное время и имевший этапы. Таким образом, эта концепция была противопоставлена традиционной библейской. Однако и новая точка зрения не подтверждалась никакими фактами. Ничего конкретного о ранних этапах становления человеческого языка и мышления все равно не было известно.

В XVIII–XIX вв. был предложен новый критерий: среди человеческих языков есть более развитые и более «примитивные», стоящие ближе к первобытному языку. В качестве критерия развитости выдвигалась степень морфологической сложности: чем язык морфологически проще, тем примитивнее. Эти идеи развивал Вильгельм фон Гумбольдт. Античная эпоха, сложность греческой и латинской морфологии этому соответствовала. Но одним из самых «примитивных» языков оказывался китайский, язык развитой культуры, тогда как многие языки «отсталых» народов имеют гораздо более сложную морфологию.

Со второй половины XIX в. наступило всеобщее разочарование в попытках решить проблему происхождения языка. Стало ясно, что степень морфологической сложности языка не позволяет говорить о том, насколько этот язык близок к «первобытному». А никаких других доказательств какой-либо из существовавших гипотез не было. И тогда Французская академия объявила, что больше не рассматривает работы по происхождению языка; это решение сохраняет силу и до сегодняшнего времени. В XX в. лингвисты почти перестали заниматься этой проблемой; несколько больше она привлекает психологов и историков первобытного мира.

Тема 3. Природа, сущность и функции языка

1. Природа языка.
2. Сущность языка.
3. Функции языка.

1. Природа языка

Под термином «природа» в научной литературе понимаются разные реалии: во-первых, наиболее глубокая причина явления, его первоисточник (Бог или материя); во-вторых, конкретные факторы возникновения феномена и условия его бытования. Различие между первым и вторым значением можно представить в виде наглядного образа. Природа у зернышка пшеницы и камешка разные. Зернышко – плод живого колоса, камень – часть неорганической материи. Однако в некоторых условиях, к примеру, в холодильнике, они ведут себя одинаково. Здесь природа обоих предметов остается скрытой. В теплой и

влажной земле разница обнаружится. Нельзя сказать, что природа зернышка «мелиоративная». Земля и влага не природа колоса, а условия его роста. Природа – это источник вещи, обуславливающий ее характеристики. Условия – предпосылки и обстоятельства, необходимые для реализации природных свойств.

Обычно называются три точки зрения на «природу» языка: биологическая, психическая и социальная.

Биологическая теория считает язык врожденным свойством человека. Термин «врожденность» имеет два понимания: 1) генетическая безусловность наследования языка и 2) генетическая предпосылка для овладения им, которая требует дополнительных условий, а именно языковой среды. Первое из них опровергнуто жизнью. Механизмы наследования не биологические. В отличие от большинства животных, язык человека не передается от родителей к потомству. В англоязычной литературе описано более ста случаев «детей Маугли» (феральных людей; лат. *fera* – ‘дикое животное’). Ребенок усваивает не материнский язык, а коммуникативную систему своего окружения.

Выдающийся американский лингвист Н. Хомский (р. 1928) тоже говорит о врожденности языка, подразумевая под ней генетическую базу, необходимую для овладения языком. По мнению Н. Хомского, именно врожденной структурой языка следует объяснить поразительную скорость его изучения ребенком. Ребенок запоминает всего лишь несколько параметров, которые дают ему ключ ко всей системе. Для овладения языком ему остается учить слова, что происходит естественным образом по мере расширения опыта.

Психическая концепция природы языка рассматривает его как «феномен психологического состояния и деятельности человека или народа». Ее связывают с именами немецких филологов – В. фон Гумбольдта (1767–1835) и его учеником, одним из основоположников психологического направления в языкознании Г. Штейнталя (1823–1899).

Слова «психическая» и «психологическая» в советское время заменили слово духовная, которое предпочитал В. Гумбольдт. Язык является выражением «духа народа»: «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-либо более тождественное. Каким образом оказывается, что они сливаются в единый и недоступный пониманию источник, остается для нас загадкой». Природу языка, понимаемую как внутренний фактор его возникновения, В. Гумбольдт считал таинственной.

Г. Штейнталь объяснял образование представлений в человеческом сознании психическими, а по сути логическими, законами апперцепции,

ассимиляции и ассоциации. Апперцепция – осознанное восприятие действительности, в отличие от инстинктивного поведения животных. Апперцепция реализуется в двух остальных законах. Ассимиляция – способность уподобления одних предметов и явлений другим на основе их сходства. Ассоциация – умение установить связи между непохожими предметами и явлениями. В лингвистике результат ассимиляции называется метафорой, ассоциации – метонимией.

На базе логических операций Г. Штейнталь попытался объяснить и природу языка. Однако он заметил, что существует противоречие между универсальными категориями логики и национально-специфичными категориями языка. Если законы логики универсальны, то почему существуют разные языки? Многообразие языков явно не выводится из единой логической основы. Г. Штейнталь приходит к выводу, что индивидуальный акт речи и тем самым весь язык – явление не логической природы. По мнению гумбольдтианца Г. Штейнтале, дух и психология народов и есть та причина, которая порождает разнообразие национальных языков. Язык в таком ракурсе предстает феноменом сугубо духовным.

По мнению авторов-материалистов, *природа языка социальная*. Язык возникает в первобытном коллективе как реализация потребности общения. Суть социальной концепции сводится к следующему. Человек происходит от человекообразной обезьяны, биологическая эволюция которой приводит к усовершенствованию всего организма и, в частности, головного мозга. На его базе возникает качественно иная форма отражения действительности – психика. Ей соответствует и качественно новая семиотическая система. Ее знаки освобождаются от непосредственного, биологически запрограммированного воздействия среды. Человек приобретает способность употреблять знаки в отсутствие стимула, планировать и прогнозировать свою деятельность. Все эти биологические, психические и семиотические изменения происходили в процессе общения первобытного коллектива, следовательно, язык возникает одновременно с самим человеком и обществом.

Общество не могло возникнуть раньше самого человека. Совершенно очевидно, что не может быть языка вне общества, как невозможно существование общества без языка. Требуется показать, как возникают язык и общество из зоосемиотики стада гоминидов. Для этого привлекается материал разных наук – биологии, нейрофизиологии, психологии, приматологии и др. И сегодня вопрос остается дискуссионным. Можно констатировать, что проблема качественного скачка современными научными средствами неразрешима.

Невозможность одним фактором или свойством определить природу языка приводит к синтезу разных точек зрения. В настоящее время

преобладает мнение, согласно которому язык имеет сложную биопсихосоциальную природу.

2. Сущность языка

Определение сущности языка зависит от характера научной парадигмы, в частности, от господствующего лингвистического мировоззрения. В сравнительно-историческом языкознании XIX в. наиболее существенным свойством языка признавалась его историческая изменчивость. На смену компаративистики пришел структурализм с утверждением знаковой сущности языка. В силу очевидности этого утверждения оно зачастую принимается автоматически. Между тем тезис о знаковости языка следует серьезно уточнить, потому что в таком виде он ничего не сообщает об уникальности человеческого языка.

Проблема языковой знаковости выходит за рамки лингвистики. Ведь кроме естественного человеческого языка существуют искусственные языки, языки жестов, животных, языки программирования. В XX в. сформировалась специальная наука о знаках – семиотика. В ней знак определяется как сигнал, несущий какую-то информацию. Знаки бывают естественными (дым – костер, молния – знак грозы) и конвенциональными: для студента тетрадь на парте – знак «занято», для женщины букет роз – «любовь», кирпич для водителя – «проезд закрыт». Общее свойство всех коммуникативных систем – конвенция. Между пользователями семиотической системы должна быть договоренность о содержании знаков. В противоположном случае возможны разного рода казусы, особенно в случаях межкультурной коммуникации. Знак – носитель информации. У него есть форма и содержание. В лингвистике они называются означающее и означаемое. Ф. де Соссюр выделил два свойства знака:

1. Произвольность: между означаемым и означающим нет внутренней связи.

2. Линейный характер означающих: означающие представляют собой развернутую во времени (на письме – в пространстве) последовательность языковых единиц, следующих строго одна за другой.

Содержание языковых знаков ситуативно варьируется. Разные знаки служат для обозначения одной реалии или ситуации (российский флаг, триколор). Одна ситуация может быть описана разными средствами (наши проиграли – испанцы выиграли). Знаки с противоположными словарными значениями в некоторых ситуациях (контекстах) становятся взаимозаменяемыми, к примеру, человеку на балконе находящийся в комнате может сказать «заходи» и «выходи».

Сущность человеческого языка надо искать в его специфике. Существует один признак человеческого языка, отсутствующий в животном царстве. У языка открытый характер системы. Человеческий язык продуктивен, т.е. способен к порождению бесконечного количества коммуникативных единиц, способных фиксировать постоянно усложняющиеся представления о действительности. Условие продуктивности уже с полным правом может быть названо сущностью языка.

Чем же обеспечивается продуктивность языка? Поразительно проницательный В. Гумбольдт намного опередил свое время. Он указал, что «сущность языка заключена в членораздельности, без которой язык просто был бы невозможен, а идея членения пронизывает его целиком». В XX в. членораздельность обычно называется принципом двойного обозначения (кодирования). Первое кодирование – незначимые языковые элементы (фонемы) конституируют значимые (морфемы). Второе – меньшие значимые элементы складываются в большие: морфемы составляют слова, слова – словосочетания, словосочетания – предложения. Двойное обозначение дает возможность свободного комбинирования звуков для выражения нового значения. Посредством 13 фонем гавайского языка (одного из самых простых в фонологическом отношении) можно закодировать практически бесконечное количество информации.

Знак зоокоммуникативных систем прост. Он не делится на меньшие единицы и не конструирует большие. Формальное членение совпадает в нем с содержательным. За одной звуковой формой закреплено одно значение. В коммуникации животных нет строительных блоков для создания новых сообщений. Их «язык» не больше, чем инвентарь морфологически не оформленных, синтаксически не связанных, биологически закрепленных сигналов. Человек способен к высказываниям, которых он раньше никогда не слышал и не порождал. Ситуация не детерминирует ни социальное, ни речевое его поведение. Животные действуют по инстинктивной программе и не могут из нее выйти, потому что их коммуникативная система закрыта. Например, в «языке» пчел отсутствует «слово» верх, и нет возможности его создать. Когда корм ставят на телевышку, пчела, вернувшись в улей, не может сообщить о его местонахождении.

Умения комбинировать незначимые элементы для создания знаков еще недостаточно для осуществления языковой деятельности. Ограниченные ресурсы человеческой памяти просто не позволяют хранить необходимое для нее количество осмысленных звуковых комплексов. Реализация принципа членораздельности связана с необходимостью и требует человеческого типа мышления.

3. Функции языка

Прежде чем приступить к описанию языковых функций, необходимо понять, что подразумевается под данным термином. Функция – неотъемлемый атрибут языка, форма его существования. По мнению А.А. Леонтьева, то, что присутствует в каждом речевом акте, является функцией языка. Остальные проявления речевой деятельности – функции речи. Языковые функции абсолютно универсальны, т.е. свойственны языку вообще. Они обязательны и не могут не быть реализованными в конкретном речевом акте на любом языке. Есть два критерия противопоставления языковых и речевых функций:

1. Языковые функции осуществляются совокупно в абсолютно любом высказывании. Речевые осуществляются не полной своей совокупностью и могут остаться нереализованными в конкретном высказывании. Произнося фразу, человек формирует мысль (мыслеобразующая функция), выражает ее (мыслевыражающая) и направляет ее собеседнику (коммуникативная), у которого есть тот же фонд лексических, грамматических, культурно-прагматических сведений о языковых знаках (аккумулятивная). При этом не обязательно выражаются эмоции или изъясняется воля, содержится эстетический элемент или регулируется поведение собеседника.

2. Языковые функции не имеют специфических средств своего проявления. Речевые реализуются специально закрепленными за ними средствами. Планом выражения языковых функций является весь фонд языка – от звука до предложения. Для реализации речевых функций используются конкретные средства (морфема, слово, порядок слов, интонация и т.д.) или их совокупность. К примеру, волеизъявительная функция осуществляется в русском языке несколькими способами: повелительным наклонением (Уходи), инфинитивом (Стоять!), интонацией (Скальпель! Пинцет!). Каждому жанру волеизъявления (мольба, просьба, пожелание, приказ) соответствуют собственные средства. Один и тот же жанр получает различное речевое воплощение. Просьба может содержать «волшебное слово» пожалуйста, а может быть крайне пренебрежительной: «Эй, ты, как там тебя, хватить ворон считать! Помоги-ка!».

Большинство исследователей отрицает принципиальное различие между языковыми и речевыми функциями. В отдельном высказывании они переплетены настолько тесно, что нет необходимости и возможности строго выдерживать оппозицию функция языка – функция речи.

Другой проблемой является вопрос числа языковых функций. Монофункционалисты все проявления языка сводят к одной функции. Чаще всего ею признается коммуникативная (Н.И. Жинкин, Р.В. Пазухин, Л. Блумфилд). К. Фосслер единственной функцией языка

считал функцию выражения чувств, а Г.В. Колшанский – функцию выражения мыслей. Оба называют ее экспрессивной.

Полифункционалисты различают в языке несколько функций.

Промежуточную позицию занимают ученые, считающие множество функций аспектами главной функции. В.А. Аврорин выделяет четыре языковые функции:

1. Коммуникативная.
2. Мыслеобразующая (конструктивная).
3. Мыслевыражающая (экспрессивная).
4. Аккумулятивная (накопление и использование знаний и опыта).

В учебниках по «Введению в языкознание» обычно представлен следующий минимум функций: коммуникативная (общение), номинативная (называние фрагментов экстралингвистической действительности), мыслеобразующая (формирование мысли).

Тема 4. Система и структура языка

1. Язык как система и структура.
2. Системная организация языка. Уровневая модель языка.

1. Язык как система и структура

В лингвистике существует несколько концепций языка, которые не противоречат, а дополняют друг друга. К примеру, логик и философ Л. Витгенштейн предложил инструментальную (прагматическую) концепцию. В ней речь – это вид человеческой деятельности, а язык – орудие, инструмент, с помощью которого она осуществляется. Как инструмент предназначен для практических целей, так и язык существует для решения коммуникативных задач. Такая модель языка акцентирует внимание на его коммуникативной функции, но ничего не говорит об устройстве языка, а значит, не может противоречить концепциям, детально описывающим языковой механизм.

В уровневой концепции языка язык описывается как система ярусов. Каждый уровень – самостоятельная подсистема, входящая в состав целого как структурное подразделение. Уровень характеризуется собственными категориями и единицами. Взаимодействие языковых уровней образует структуру языка. По А.А. Реформатскому, система – совокупность и взаимодействие однородных элементов, т.е. элементов одного уровня. Структура – совокупность разнородных элементов, т.е. многоуровневая организация. Системное взаимодействие горизонтально, структурное – вертикально. В целом системно-структурный механизм А.А. Рефор-

матский называет «системой систем», что не совпадает с его собственным определением системы. Логичнее было бы при таком разграничении понятий «система и структура» именовать язык *структурой систем*. Хотя обычно для обозначения целого используется именно термин *система*. Так, совокупность детских садов, школ, техникумов и вузов составляет *систему образования*. Каждый уровень является системой и структурным компонентом системы образования в целом.

Другое понимание системы и структуры представлено у Г.П. Мельникова. Здесь структура – это часть системы, наряду с субстанцией, т.е. материальной формой. Такая трактовка более близка общенаучному пониманию системы. Система – совокупность взаимообусловленных элементов, образующих целое. Структура – состав и организация этого целого. Языковая система структурируется парадигматическими отношениями и синтагматическими связями. Синтагматика – сочетаемость языковых единиц.

Парадигматика – противопоставленность языковых единиц в рамках общей для них категории. Пары и ряды единиц образуют парадигмы. Из двух членов состоит словообразовательная пара (производящее и производное слово). В русском языке падежная парадигма состоит из шести членов, родовая парадигма из трех. Синонимические ряды могут быть весьма длинными: *большой, огромный, громадный, колоссальный, грандиозный* и т.п. Синтагматика – сочетаемость языковых единиц по закономерностям данного языка. В синтагматике осуществляется выбор одного варианта из парадигмы.

Еще относительно недавно лингвисты дискутировали по поводу реальности структуры языка как совокупности отношений между его единицами. Сегодня экспериментально доказано, что связи между языковыми единицами на самом деле существуют, а не являются абстракцией (отвлечением), созданной учеными для удобства описания и систематизации речевых фактов.

Система – взаимосвязь элементов, значение которых определяется целым. Изменение одного элемента влечет изменения других. Общество – система, поэтому реформы и мероприятия в одной части влияют на другие.

Элементы системы не имеют автономного значения. Оно всегда определяется отношением к другим элементам. Известный лингвист В.М. Панов предложил для описания характеристики системы парадоксальное уравнение: $2 - 1 = 0$. С исчезновением одного члена системной оппозиции исчезают оба, т.к. содержательного противопоставления больше нет. С утратой *thou* ‘ты’ исчезает и *you* ‘вы’, т.к. современное *you* – это не ‘ты’ и не ‘вы’. В русском языке есть *мы* и

стирать, а в немецком нет ни того, ни другого, а есть *waschen* ‘мыть, стирать’.

Почему краткие прилагательные не имеют категории падежа? Потому что форма, которая формально совпадает с именительным падежом, не имеет противопоставления. Пока в английском языке сохраняется форма родительного (притяжательного), можно говорить о наличии в нем категории падежа. Если утратится и она, начальная форма перестанет быть именительным падежом.

2. Системная организация языка. Уровневая модель языка

Уровневую модель языка можно представить как многоэтажный дом. Выделяют эти «этажи» на нескольких основаниях:

Первый вариант

I этаж (коммуникативная единица):

1. Предложение.

II этаж (значимый строительный материал для предложения):

2. Словосочетание.

3. Слово.

4. Морфема.

III этаж (незначимый строительный материал для предложения):

5. Слог.

6. Фонема.

7. Дифференциальный признак.

Другой вариант – поуровневый:

I этаж – фонетический уровень.

II этаж – морфематический уровень.

III этаж – словообразовательный уровень.

IV этаж – лексический уровень.

V этаж – морфологический уровень.

VI этаж – синтаксический уровень.

Как же функционирует данная модель? Поясним на примере. На фонетическом уровне звуки определенным образом противопоставлены друг другу (парадигматика) и сочетаются по фонетическим закономерностям. Например, звук [з] противопоставлен звуку [с] как звонкий глухому. Русская фонетика запрещает сочетание звонкий + глухой, поэтому звук [з] в позиции перед глухим будет регулярно заменяться звуком [с]: *безрадостный, безоблачный – беспечальный, бесформенный*.

Звук служит структурным компонентом для единицы более высокого уровня – морфемы. На морфематическом уровне существует своя система противопоставлений и правил сочетаемости. Морфемы делятся на

корневые и служебные. Среди служебных выделяют приставки, суффиксы, окончания, постфиксы. Морфемы сочетаются по определенным законам. Но существуют некоторые ограничения на сочетаемость морфем:

1) формальная – после основы, заканчивающейся на *-к-* или *-г-*, не может стоять суффикс *-н-*. Основа будет присоединять суффикс *-ов-*, либо будет происходить чередование в корне: *парк – парковый, поток – поточный, берег – береговой, снег – снежный*.

2) смысловая – суффикс *-оват* имеет значение ‘малая степень признака, выраженного производящей основой’ и присоединяется к основам с семантикой меры, цвета, вкуса (*маловат, темноват, кисловат*). Также легко *-оват* сочетается с основами, обозначающими отрицательное качество: *глупый – глуповат, бедный – бедноват, но умный – * умноват, богатый – * богатоват*.

Морфема участвует в образовании новых слов, а значит, взаимодействует со словообразовательным и лексическим уровнями. Главной единицей словообразовательного уровня является производное слово. Оно появляется в результате реализуемой сочетаемости производящей основы и словообразовательных средств (формантов – морфем и их комбинаций). Парадигматические оппозиции этого уровня – словообразовательные цепочки, парадигмы, гнезда.

Элементами лексической системы являются слова. Они могут связываться различными отношениями: 1) смысловой мотивированности внутри одного слова: *вода – ‘прозрачная бесцветная жидкость’, ‘напиток’, ‘нечто бессодержательное и многословное’*; 2) эквивалентности: *тяжелый – тяжеловесный*; 3) противоположности: *тяжелый – легкий*.

Данные виды отношений лежат в основе категорий многозначности (полисемии), синонимичности и антонимичности, которые и организуют лексику как систему. Семантически «негативную» категорию представляет собой омонимия – равноименность разных слов.

Системность лексики проявляется и в том, что ее единицы образуют семантические поля, основанные на гипонимических отношениях (отношения рода и вида, общего и частного): *собака – овчарка, спаниель, такса; город – площадь, улица, дом* и т.п.

Наконец, системность проявляется в самом характере употребления лексических единиц. Сходные по значению слова обнаруживают совпадающую сочетаемость с другими словами (*языкознание* и *лингвистика*). Разным значениям слова противопоставлены разные синонимы и антонимы: *сухой ‘без влаги’ – мокрый* и *сухой ‘черствый’ – отзывчивый, чуткий*. Слова с далекими значениями обычно не обнаруживают общей сочетаемости (*барабан* и *необходимость*). Но контекстные условия могут ликвидировать практически любую

семантическую несовместимость. Так, в словосочетаниях *крайняя необходимость* и *крайний барабан* реализованы разные значения слова *крайний*.

Высшим уровнем в иерархически организованной системе языка является синтаксис. В конечном итоге все подчиняется ему, т.к. общаемся мы не словами, а предложениями. Все остальные единицы языка предназначены для того, чтобы быть строительным материалом для предложения.

Тема 5. Письмо

1. Понятие о письме.
2. Формирование и развитие начертательного письма.
3. Графика, алфавит и орфография.
4. Транскрипция.

1. Понятие о письме

Являясь дополнительным средством общения к устному речевому общению, письмо в своих различных формах и видах в разные эпохи по-разному соотносилось со звуковым языком. Это добавочный, вторичный способ общения. Способность передавать графическими средствами грамматический и фонетический строй языка – поздний этап развития письма. В более ранние периоды письмо могло и не передавать элементов языка, что не мешало ему быть средством общения. Выделяется широкое и узкое понятие письма.

В широкое понятие письма можно включить все виды общения людей при помощи знаков, воспринимаемых зрением. В узкое понимание письма включается начертательное письмо, связанное с использованием графических знаков. Начертательное письмо в разных своих формах либо прямо соотносится с языком, отражая в графике языковые формы, или же является вспомогательным, но не связанным с языком средством общения, т.к. не отражает в графике языковых форм.

В отличие от устной речи письмо – это созданная людьми вспомогательная знаковая система, которая используется для фиксации звукового языка. Письмо – это самостоятельная система коммуникации, которая, фиксируя устную речь, приобретает ряд самостоятельных функций. Письменная речь дает возможность усвоить знания, накопленные человечеством, расширяет сферу деятельности и общения. Не будь древних папирусов или глиняных табличек, были бы невозможны

многие знания о мире, осталась бы неизвестной история развития человечества.

История письма охватывает промежуток около 5 тыс. лет. За это время было создано огромное количество систем, многие из которых утеряны, многие до сих пор не расшифрованы. Письмо прошло длительный путь развития от зарубок на деревьях, наскальных рисунков до письма звуко-буквенного типа. Так, вначале у славян была узелковая письменность. Знаки ее не записывались, а передавались с помощью узелков, завязанных на нитях, которые заматывались в клубки. Клубки хранили в коробках. Отсюда поговорки и пословицы: наврать с три короба, узелок на память; клубки-путеводители в русских сказках.

Финикийское – греческое – византийское – славяно-кирилловское – русское – вот путь русского письма.

Основное свойство письменной речи – способность к длительному хранению информации. Письменная речь развертывается не во временном, а в статическом пространстве, что дает возможность пишущему обдумать текст, возвратиться к нему еще раз, перестроить текст или часть его, осуществить поиск нужной формы. Письменной речи свойственны, как правило, сложные синтаксические конструкции, употребление причастных оборотов, предлогов, вводных слов. Письменная речь обладает стилиобразующей функцией, что находит отражение в выборе речевых средств.

Письменная речь – в основном книжная речь, в этом качестве она обслуживает политическую, научную и другие сферы общения, в то время как разговорная используется на официальных и полуофициальных встречах и совещаниях, торжествах, в семейно-бытовой обстановке. Письменная речь строится по нормам литературного языка, и их нарушение недопустимо. Кроме того, на письме не допускаются быстрые неоправданные переходы от одной мысли к другой, отсутствие логических связей.

2. Формирование и развитие начертательного письма

Начертательное письмо зарождается как *пиктография* – рисуночное письмо. В нем искусство и письмо нерасчленимы. Однако, в отличие от искусства, здесь важны не художественные достоинства, а схожесть с объектом и опознаваемость темы. Это обозначающее в пиктограмме. Обозначаемым является жизненная ситуация, словесное оформление которой несущественно, то есть пиктограмму можно «читать» и именами и глаголами. Наглядное находит себе прямое выражение в пиктографии, а все отвлеченное расшифровывается с трудом.

С развитием понятий и абстрактного мышления возникает идеография – «письмо понятиями», когда обозначаемым является не сам

жизненный факт в его непосредственной данности, а те понятия, которые возникают в сознании человека и требуют своего выражения на письме. Эти понятия не обладают наглядностью и не поддаются рисуночному изображению. Обозначающее на первых порах остается тем же рисунком, меняется обозначаемое. К примеру, рисунок глаза как пиктограмма обозначает орган зрения, а как идеограмма – «зоркость», «бодрствование» (сравните метонимический перенос в лексике). Потребность в убыстрении письма и передаче более сложных и длинных по размерам текстов привела к схематизации рисунков, их превращению в условные значки – иероглифы.

Технический прогресс (изыскание более подходящих материалов и инструментов письма) привел к тому, что от камней и кусков дерева или коры перешли к надписям на специальных материалах. Появились пишущие орудия.

Новый этап развития письма возник в *странах Ближнего Востока*. Стимулом для этого была потребность сделать письмо более доступным для пользователей, число которых росло в связи с развитием торговли, контактов, установлением государственности. Это привело к попыткам упростить письмо, самой продуктивной из которых оказалось *фонографическое письмо*, согласно которому язык передается не только в его грамматическом строе, но и в его фонетическом облике. Самые ранние попытки в этом направлении были сделаны египтянами и ассиро-вавилонянами. Ассиро-вавилоняне стали разлагать свои сложные слова на части, созвучные с короткими словами шумерского языка (откуда они получили свою письменность), т.е. на слоги. В соответствии с этим иероглиф стал обозначать слог. Это был первый этап в развитии фонографии – силлабический, или слоговой, (к примеру, древнеиндийское письмо деванагари). При этом графические знаки являются не буквами, а силлабемами.

Следующий этап в развитии фонографического письма связан с *письменностью древних евреев и финикийцев*, где буквами обозначались согласные, передававшие корни. Между тем чередовавшиеся между ними гласные, использовавшиеся для выражения грамматических форм, обозначались на письме диакритическими знаками. Этот тип письма называется консонантным. Последний шаг на пути к фонографии сделали древние греки, которые заимствовали графические знаки от финикийцев, дополнив их и преобразовав. Они стали обозначать буквами как согласные, так и гласные. Греческий алфавит в его ионийской редакции был первым буквенно-звуковым алфавитом и послужил в дальнейшем основой для алфавитов латинского, славянских и многих других языков. Буквы таких

алфавитов передавали не просто звуки, а соответствовали основным звукам – фонемам. В этой связи такие алфавиты называются фонематическими.

На основе древнесемитских алфавитов возникло *арамейское письмо*, которое через разные типы сирийского письма распространилось на восток к уйгурам и далее к монголам и маньчжурам. Распространение арамейского письма на юг позволило заимствовать его арабам и покоренным ими народами от берегов Атлантического океана в Западной Африке до Тихого океана в Индии и Малайе. Римляне, переработав греческий алфавит, создали латиницу и передали ее всем романо-германским народам.

Начертательная манера письма тесно связана с той техникой, которой она производится. Для средневековых способов письменности характерны различные «почерки» каллиграфов-переписчиков. Прописные буквы латинского алфавита своим рисунком обязаны высеканию торжественных надписей на триумфальных арках и надгробных памятниках, а строчные идут от рукописной манеры курсива; переходным типом письма является унциальное письмо.

В развитии *русского письма* различают устав, полу-устав и вязь как каллиграфические манеры.

С переходом на полиграфическую технику Петр Первый избрал такие начертания букв, которые были удобны для печати и сближали русские буквы с латинскими.

Начертательной стороной письма и его материалов занимается особая вспомогательная дисциплина – палеография.

3. Графика, алфавит и орфография

Современное письмо использует все приемы, выработанные за многовековую историю письменности. Пиктография применяется либо в расчете на неграмотного или малограмотного читателя, либо когда неизвестен язык читателя. Идеография (и рисуночная, и иероглифическая) применяется в качестве дорожных знаков или других типов знаков. К иероглифике относятся и цифры, специальные символы наук, специальные изображения. Идеографическое письмо – это письмо для «посвященных».

Алфавит – это совокупность букв какого-либо фонографического письма, расположенных в исторически установленном порядке. Алфавит (греч. «альфа» и «бета» – первые две буквы). Точно также «аз»+«буки» (азбука).

Возникли четыре ветви восточного письма: еврейская, сирийская, иранская и арабская. Это связано с возникновением разных религий: иудаизм, восточное христианство (сирийская), зороастризм (иранская) и мусульманство (арабская).

Греческий алфавит возник в VIII–VII вв. до н.э., и в 403 г. до н.э. оформился в классический греческий алфавит из 24 букв, звуков было 33, гласных 16, согласных 17.

Возникновение латинского алфавита относится к VIII–VII вв. до н.э., т.е. 700 г. до н.э. Этот алфавит включал 23 буквы. В Западной Европе латинский алфавит утвердился благодаря книгопечатанию. Первая книга появилась в 1441 г. в Германии. Сейчас насчитывается более 70 алфавитов на латинской основе: свыше 30 европейских, 20 азиатских и около 20 африканских (классическая латиница имела 23 буквы, 35 звуков: 16 гласных, 19 согласных).

Алфавит – это та часть «инвентаря» графем фонемографического письма, которая упорядочена в стандартной последовательности, в определенном «алфавитном порядке». Так, в современный русский входят все буквы, используемые в русском письме, но не входят знаки препинания. Для алфавита важно не столько то или иное звуковое значение графемы, сколько факт ее прикрепления к определенному месту условной последовательности графем. К примеру, для русского алфавита существенно не столько то, что буква «ю» имеет разное звуковое значение в словах «юг» и «люк», сколько место этой буквы относительно других при традиционном перечислении букв.

Идеальный фонографический алфавит должен состоять из столько букв, сколько фонем имеется в данном языке. Но т.к. письменность складывалась исторически и многое в письме отражало изжитые традиции, то идеальных алфавитов нет, есть более или менее рациональные.

Существуют два алфавита, являющиеся наиболее распространенными и графически удобными: латинский и русский.

Основным видом современного письма является фонематическая фонография, хотя наряду с этим используются и другие ее приемы, к примеру, слоговое употребление графических знаков, а также консонантного метода письма (в аббревиатурах и других видах сокращения слов).

Зачастую письменность создается на основе уже существующих, более ранних образцов, что, конечно же, требует переработки, пополнения и приспособления к материалу другого языка. Для приспособления «чужого» алфавита к нуждам «своего» языка, к его фонетическому строю надо либо снабдить заимствуемые буквы добавочными знаками (нижними или перекрестными, или верхними), либо использовать лигатуры, либо употреблять для передачи одного звука комбинации нескольких букв.

Если бы алфавит был составлен в соответствии с количеством фонем, то вопрос о правописании в значительной степени был бы решен. Однако идеальных алфавитов, как отмечают исследователи, не существует,

поэтому необходимо выработать правила употребления алфавита, то есть орфографию.

Орфография – совокупность норм или правил практического письма, состоящих из: 1) правил употребления букв алфавита при написании слов, их форм и сочетаний; 2) правил написания слов и словосочетаний независимо от входящих в их написание букв.

Нормы правописания регулируются определенными принципами.

Первый принцип – фонематический, второй – фонетический. Фонематический принцип письма состоит в том, что каждая фонема выражается той же самой буквой, в какой бы позиции она не оказалась. Фонетический принцип заключается в том, что буквами отображаются реально произносимые звуки. В соответствии с этим фонематическое и фонетическое написание совпадают в сильных позициях, а в слабых различаются.

Третий и четвертый принципы орфографии – этимологический и традиционно-исторический – основаны на том, что письмо отражает не современное состояние, а прошлое: *пчел* вместо *пчол*; церковнославянское *помощник* вместо этимологического *помочник* или фонематического *помошник*.

Пятый и шестой принципы – морфологический и символический – заключаются в стремлении передать язык не через фонетику. При этом морфологические написания отражают грамматику, минуя фонетику, а символические написания стремятся различать лексические омонимы, фонетически, как правило, неразличимые. Символический принцип написания связан с проявлением своеобразной идеографии.

В любой орфографии имеет место сочетание разных принципов, но при этом выделяется ведущий принцип.

4. Транскрипция

Если орфография – общенародное письмо, складывающееся исторически и живущее традициями, *транскрипция* – искусственное письмо, использующееся в специальных целях. Транскрипция бывает фонетической, фонематической, практической.

Фонетическая транскрипция точно передает произношение. Она особенно необходима в тех случаях, когда орфография далека от произношения и не характеризуется регулярностью. Фонетическая транскрипция может использовать любой существующий алфавит, но с добавлением специальных знаков, которых нет в практическом алфавите (диакритические знаки, перевернутые буквы, лигатуры, буквы иных алфавитов и т.п.).

Фонематическая транскрипция передает каждое слово по составу фонем, не отражая возникающих в слабых позициях вариантов и вариаций. Она применяется в записях примеров и парадигм грамматики, где важна структурная, а не произносительная сторона дела. Она близка к тем системам орфографии, которые последовательно проводят фонематический принцип, и далека от орфографической записи там, где в основе орфографии лежат принципы этимологический и традиционный (к примеру, французская или английская орфография).

Наиболее часто используемыми являются система Международной фонетической ассоциации на латинской графической основе либо Русская фонетическая азбука на русской графической основе.

Необходимо различать транслитерацию и транскрипцию.

Транслитерация – это переложение буквенного написания одного языка или одной системы графики графическими знаками другой системы. Ее следует отличать от практической транскрипции. Транслитерация может и должна быть международной, т.к. она не ориентируется на какой-либо отдельный национальный алфавит, практическая транскрипция исходит именно из какого-либо данного алфавита и правил чтения его букв и буквосочетаний, принятых для данной орфографии.

Практическая транскрипция – это передача слов и их сочетаний одного языка в слова другого языка. При этом слова берутся во всей полноте их лингвистической характеристики: лексической, грамматической, фонетической и графической для введения фактов одного языка в состав и систему другого языка.

Тема 6. Классификация языков

1. Основная классификация языков мира.
2. Типологическая классификация языков: языки аналитического и синтетического строя.
3. Генеалогическая классификация.

1. Основная классификация языков мира

Каждая наука стремится познать свой объект. Один из основных способов добиться этого – составить классификации многообразных видов, в которых проявляется объект науки. Объектом языкознания является язык во всех его конкретных проявлениях – языках мира. В 1814 г. была закончена работа датского ученого Расмуса Раска «Исследование в области древнесеверного языка, или происхождение исландского языка». В ней Раск приходит к выводу о наличии

родственных связей между исландским языком и греческим и латинским языками и об отсутствии каких-либо признаков родства исландского языка с такими языками, как гренландский, баскский и финский. В 1816 г. вышла работа немецкого языковеда Франца Боппа «О системе спряжения санскрита в сравнении с таковым греческого, латинского, персидского и германского языков». Бопп на обширном материале доказывает исконное родство санскрита с целым рядом европейских языков.

В 1820 г. Александр Востоков в своем труде «Рассуждение о славянском языке» вскрывает и доказывает родственные отношения между славянскими языками.

Вот как, к примеру, А.А. Леонтьев описывает генеалогические связи русского языка: «Русский, украинский и белорусский – «дети» древнерусского. Он, в свою очередь, «сын» того языка, на котором говорили все славяне, когда они еще были единым народом, жившим на небольшой территории. Этот общий язык древних славян так и называется – общеславянский. Поищем более далеких предков. Да, мы о них уже упоминали, когда говорили о родстве славянских языков с балтийскими (литовским и латышским). У всех у них общий предок по имени балтославянский язык. А его «отец» – общеиндоевропейский язык, породивший, кроме балтославянского, еще множество индоевропейских языков».

В настоящее время на земле насчитывается от 3-х до 5-ти тысяч языков. Разница связана, во-первых, с различием диалектов и языков, во-вторых, с определением ареала и сферой использования, в-третьих, с оценкой «жизненности» языка.

Множественность языков обуславливает необходимость классификации. В современном языкознании разработано 4 классификации:

1. Ареальная (географическая) классификация основана на изучении языковой карты мира. Она описывает границы распространения.

2. Функциональная основана на исследовании функций и сфер использования языка (культурная, дипломатическая, язык образования и др.).

3. Типологическая (морфологическая) основана на данных морфологии независимо от генетической или пространственной близости, опираясь исключительно на свойства языковой структуры.

4. Генеалогическая основана на признаке родства – общего происхождения.

Самыми важными являются типологическая и генеалогическая классификации.

2. Типологическая классификация языков: языки аналитического и синтетического строя

Типологическая классификация языков стремится охватить материал всех языков мира, отразить их сходства и различия и при этом выявить возможные языковые типы и специфику каждого языка или группы типологически сходных языков, при этом опирается на данные не только морфологии, но и фонологии, синтаксиса, семантики.

Основанием для включения языка в типологическую классификацию языков является тип языка, т.е. характеристика основополагающих свойств его структуры. Однако тип не реализуется в языке абсолютно; реально в каждом языке представлено несколько типов, т.е. каждый язык политипологичен. Поэтому уместно говорить, в какой степени в структуре данного языка наличествует тот или иной тип; на этом основании предпринимаются попытки дать количественную интерпретацию типологической характеристики языка.

Наиболее распространена следующая типологическая классификация языков:

- изолирующий (аморфный) тип – неизменяемые слова при грамматической значимости порядка слов, слабое противопоставление значимых и служебных корней (к примеру, древнекитайский, вьетнамский, йоруба);

- агглютинирующий (агглютинативный) тип – развитая система однозначных аффиксов, отсутствие грамматических чередований в корне, однотипность словоизменения для всех слов, принадлежащих к одной части речи, слабая связь (наличие отчетливых границ) между морфемами (к примеру, многие финно-угорские языки, тюркские языки, языки банту);

- флектирующий (флективный) тип объединяет языки с внутренней флексией, т.е. с грамматически значимым чередованием в корне (семитские языки), и языки с внешней флексией, фузией, т.е. с одновременным выражением нескольких грамматических значений одним аффиксом (к примеру, *руками* – творительный падеж, множественного числа), сильной связью (отсутствием отчетливых границ) между морфемами и разнотипностью склонений и спряжений; в древних и некоторых современных индоевропейских языках сочетаются внутренняя флексия и фузия.

Типологическую классификацию языков нельзя считать окончательной главным образом из-за ее неспособности отразить всю специфику отдельного языка с учетом его структуры. Но в ней содержится в неявной форме возможность ее уточнения путем анализа других сфер языка. К примеру, в изолирующих языках типа классического китайского, вьетнамского, гвинейских наблюдаются односложность слова, равного морфеме, наличие политонии и ряд других взаимосвязанных характеристик.

К типичным синтетическим языкам относятся древние письменные индоевропейские языки: санскрит, древнегреческий, латинский, готский, старославянский; в настоящее время в значительной мере литовский, немецкий, русский (хотя и тот и другой с многими активными чертами аналитизма); к аналитическим: романские, английский, датский, новогреческий, новоперсидский, новоиндийские; из славянских – болгарский.

Такие языки, как тюркские, финские, несмотря на преобладающую роль в их грамматике аффиксации, имеют много аналитизма в строе благодаря агглютинирующему характеру своей аффиксации; такие же языки, как арабский, синтетичны, потому что грамматика в них выражается внутри слова, но они скорее аналитичны по агглютинирующей тенденции аффиксации. Конечно, и в этом отношении бывают отклонения и противоречия; так, в немецком артикль – явление аналитическое, но он склоняется по падежам – это синтетизм; множественное число существительных в английском выражается, как правило, один раз – явление аналитическое.

3. Генеалогическая классификация

Генеалогическая классификация установилась только после возникновения понятия языкового родства и утверждения в лингвистических исследованиях принципа историзма (XIX в.). Она складывается как итог изучения языков с помощью сравнительно-исторического метода. При этом родство некоторых языков признается доказанным, если обнаружено общее происхождение значительной части морфем этих языков, всех грамматических аффиксов и многих корней. В том числе в тех частях лексики, которые обычно отличаются особой устойчивостью: местоимения, названия некоторых частей тела, слова со значением «вода», «огонь», «солнце», «быть», «дать», «есть», «пить» и др. Общее же происхождение корней и аффиксов подтверждается наличием в них регулярных межъязыковых фонетических соответствий. Если создана сравнительно-историческая фонетика, позволяющая приближенно реконструировать корни языка-предка и проследить (по строгим правилам) их превращение в корни языков-потомков, то родство последних считается установленным.

В этом смысле бесспорно родство следующих семей языков в Старом Свете: индоевропейской, уральской (с финно-угорской и самодийской ветвями), тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, дравидийской, картвельской, семито-хамитской (афразийской), в 60-е гг. XX в. объединенных в ностратическую (борейскую) языковую семью. Удалось построить сравнительную фонетику этих языков, проследив

регулярные фонетические соответствия более чем в 600 корнях и аффиксах. Среди языков Евразии вне группировок остаются китайско-тибетская семья языков, енисейская, андаманская семьи, изолированные языки: баскский, бурушаский, айнский и некоторые языки древности: шумерский, касситский, хаттский и др. Все многочисленные языковые группы Африки (кроме семито-хамитских) объединены в три гипотетические семьи: нигеро-кордофанскую, нило-сахарскую и койсанскую.

Генеалогическая классификация языков существует в виде единственной схемы. Являясь лингвистической, она не совпадает с антропологической и, в частности, не предполагает принадлежности народов, говорящих на родственных языках, к единой расе. Хотя образование языковых семей происходит постоянно, становление их относится, как правило, еще к эпохе до появления классового общества. Современная генеалогическая классификация языков не дает оснований для поддержки популярной в старой лингвистике концепции о моногенезе языков мира. Выделяют следующие генеалогические единицы: семья, ветвь, группа, подгруппа.

Самая крупная – индоевропейская семья языков (1 миллиард 600 миллионов носителей).

Тема 7. Закономерности исторического развития языков

1. Основные закономерности развития языка.
2. Исторические изменения словарного состава слова.

1. Основные закономерности развития языка

Будучи средством общения, язык возникает и развивается в обществе. Он не может существовать вне общества, поскольку социально обусловлен как по происхождению, так и по назначению. Как явление социальное язык находится в зависимости от уровня развития общества, условий его существования. Взгляд на язык как явление социальное прочно утверждается в языкознании, начиная с работ Я. Гримма и В. фон Гумбольдта. «Язык всегда развивается в обществе, – писал В. фон Гумбольдт, – и человек понимает себя постольку, поскольку опытом установлено, что его слова понятны также и другим». Связь языка и общества отчетливо проявляется в формах существования языка, которые находятся в прямой зависимости от характера этнических коллективов, обслуживаемых языком. Для родоплеменного строя были характерны племенные языки, которые с разрастанием и территориальным

распространением племен распадались на группы родственных диалектов. Не закрепленные в письменной традиции, эти языки были недолговечными, т.к. легко забывались, особенно в случае завоевания племени, с развитием частнособственных отношений и появлением классов на смену племенным языкам и закономерности исторического развития языка пришли языки и диалекты народности. Феодалная раздробленность, слабость экономических связей в условиях натурального хозяйства привела к образованию диалектной дробности языка, причем границы диалектов, как правило, совпадали с границами государств. Ликвидация феодалной раздробленности и утверждение капиталистических отношений усиливают процессы интеграции в обществе, развитие народности укрепляет внутреннее экономическое и государственное единство, что влечет за собой потребность в едином для всего общества языке. Прослеживается тенденция к стиранию диалектных различий, преодолению диалектной дробности. На смену языкам народности приходят национальные языки, которые со временем приобретают книжно-литературную форму. Постепенно этим общенациональным литературным языкам подчиняются диалекты.

Общественная, социальная природа языка обнаруживается не только во внешних условиях его существования, но и в самой системе языка, в его фонетике, лексике, морфологии, стилистических и синтаксических конструкциях. Так, к примеру, для племенных языков характерно отношение к языку как к средству магии, отсюда широкое распространение явления табуирования слов (т.е. запрета их произношения), следствием чего было постоянное обновление словарного состава языка (так, если имя покойного совпадало с названием какого-нибудь предмета общего обихода, к примеру, животного, растения, огня, воды, считалось необходимым такое имя исключить из разговорного языка и заменить другим, поэтому в одном из племенных языков Парагвая название ягуара поменялось трижды в течение семи лет). Для этих языков характерна и чрезвычайная детализация лексики, стремление назвать каждый конкретный предмет, что позволяло первобытному человеку легко ориентироваться в окружающем мире, отсюда обилие слов, обозначающих видовые понятия, и их отсутствие для обозначения родовых понятий.

В русском языке революция 1917 г. оставила свой след не только в словарном составе языка (возникли изменения в названиях многих социально значимых институций, профессий, должностей, вместо *полиции* возникла *милиция*, вместо *жалованья* – *зарплата*, вместо *министра* – *народный комиссар* и т.д.), но и во всем его нормативно-стилистическом укладе, т.к. произошла демократизация норм и литературного языка (утратились, в частности, наиболее книжные формы интеллигентской речи

с ее сложным, развернутым синтаксисом, характерным, например, для персонажей произведений Л.Н. Толстого и А.П. Чехова).

Приспособление языка к меняющимся формам общественной жизни происходит на всех языковых уровнях. Социальная природа языка, по мнению известного французского ученого А. Мейе, особенно ярко проявляется в семантических изменениях слов.

Рост производительных сил общества, развитие науки, техники, культуры, проникновение в тайны окружающего мира, формирование новых общественных отношений находит непосредственное отражение в языке, особенно в его лексике и фразеологии, и это понятно: языковое освоение постоянно меняющегося мира требует непрерывного расширения словаря. Нельзя, однако, не признать, что прямолинейной зависимости развития языка от исторической судьбы народа нет. История языка свидетельствует о том, что многие его явления развиваются внутри самого языка и обусловлены внутренними законами его развития. Эти законы говорят о том, что каждое новое явление в языке вырастает из старого, уже существующего, создаваясь из «материала» языка и по его «правилам». К таким законам, управляющим внутренним развитием элементов языковой структуры, можно отнести следующие:

1. Закон ликвидации «участков напряжения»: этому закону в русском языке подчинены процессы расподобления и уподобления согласных друг другу, а также упрощения групп согласных.

2. Закон позиционного варьирования звуков: иллюстрацией этого закона может служить поведение шумных согласных в позиции конца слова или на стыке его морфем в русском языке (звонкие шумные согласные в этой позиции оглушаются).

3. Закон аналогии, объясняющий отступления от действия фонетических законов, вследствие которого происходит уподобление одних структурных элементов другим (ср. в древнерусском языке утрата чередований -к-/-ц- в склонении существительных с основой на -а типа *роукд* – *роуѣѣ* под влиянием действия морфологической аналогии, а именно под воздействием других членов этой парадигмы – *роукд*, *роукоу*, *роукой*) или же образование просторечной формы *хочем* по аналогии с формами *хочу*, *хочешь*.

4. Закон компенсационного развития, согласно которому утрата одних форм или отношений в языке компенсируется развитием других: в древнерусском языке упрощение системы гласных, вызванное падением, т.е. утратой редуцированных, привело к усложнению системы согласных; или развитие системы глагольных видов как компенсация утраты сложной системы времен древнерусского языка.

5. Закон абстрагирования элементов языковой структуры, согласно которому развитие абстрактных элементов языка происходит на базе конкретных: в лексике, к примеру, конкретное лексическое значение слова часто становится основой для развития абстрактного, *море* – 'часть океана' и переносное значение 'большое количество чего-либо'. В развитии словарного состава литературного языка наблюдается тенденция к росту абстрактной лексики для передачи обобщающих, отвлеченных понятий, в то время как конкретные наименования постепенно утрачиваются (к примеру, утрата русским языком древнерусских слов, обозначающих красивого человека и конкретизирующих это понятие: *доброликый* – 'красивый лицом', *добробрадый* – 'с красивой бородой', *доброносый* – 'имеющий красивый нос', *доброокий* – 'с красивыми глазами' и т.д.).

6. Закон экономии языковых средств, в соответствии с которым в языке действует тенденция к реализации оптимальной достаточности (каждому языковому значению – адекватную форму выражения), именно так работают словообразовательные механизмы языка, основанные на свертывании описательных конструкций в одну мотивированную языковую единицу (*черная ягода* → *черника*).

7. Закон дифференциации и отчленения элементов языковой структуры, согласно которому развитие языка идет по пути выделения и специализации его элементов для выражения собственно языковых значений (недифференцированное употребление союза «яко» в древнерусском языке XI–XII вв., использовавшегося в придаточных предложениях причины, следствия, сравнительных, изъяснительных, и только вследствие закона дифференциации и отчленения постепенно произошло закрепление за этим союзом сравнительного значения). Законы абстрагирования и дифференциации элементов языковой структуры по своей сути противоположны друг другу: один ведет к уменьшению языковых элементов, другой – к их увеличению. Однако это внутреннее противоречие создает динамическое равновесие в языке и является источником его развития.

Язык постоянно меняется для адекватного и современного общения. Интенсивность этого развития может быть различна: язык резко меняется в период ломки экономической, политической и социальной сферы, в процессе состыковки с другими языками и т.д.

Своеобразным стимулятором (или, наоборот, «тушителем») этих изменений является фактор внешнего характера – процессы в жизни общества. Язык и общество, как пользователь языка, неразрывно связаны, но при этом они имеют свои собственные, отдельные законы жизнеобеспечения.

Таким образом, жизнь языка, его история связаны с историей общества, но не подчинены ей полностью из-за своей собственной системной организованности. Так в языковом движении сталкиваются процессы саморазвития с процессами, стимулированными извне.

Внутренние законы развития языка проявляются внутри языковой системы, их действия опираются на их собственный языковой материал, они действуют как бы независимо от влияния общества.

Общими внутренними законами стали называть законы и принципы, которые относятся ко всем известным языкам и всем ярусам языковой структуры. Общими внутренними законами были признаны такие особенности языков, как наличие последовательных исторических форм языка, несоответствие внешней и внутренней языковых форм и, в связи с этим, различие закономерностей и темпов изменения отдельных ярусов структуры языка. В последние годы проблема общих законов языка была вытеснена проблемой универсалий.

Частными внутренними законами стали называть такие формулы и принципы, которые применимы лишь к определенным языкам или группам языков и отдельным ярусам языковой структуры. Так, фонетическим законом в славянских языках является первая и вторая палатализация заднеязычных.

Внешние законы развития языка – такие законы, которые обнаруживают связи языка с различными сторонами человеческой деятельности и истории общества.

Общие внешние законы устанавливают взаимосвязь, характерную для всех языков. Общим внешним законом является взаимосвязь общей истории языка с историей общества, связь форм существования языка с историческими общностями людей. Конечно, конкретные формы связи различны, эта общая закономерность своеобразно проявляется в отдельные периоды жизни языка и у разных народов в конкретных исторических условиях.

Частным внешним законом развития языка, по мнению двух культурных центров (Москвы и Петербурга), является различная степень связи с внеязыковыми закономерностями разных структурных единиц языка. Так, лексика языка связана с общественно-политическими и культурными изменениями в обществе, с познавательной деятельностью людей, звуки языка – с физиолого-психологическими закономерностями, синтаксис обнаруживает связь с логическими формами мысли и логическими операциями.

Причиной того, что решающим в языковом развитии (решающим, но не единственным) фактором оказывается действие внутренних законов, кроется в том, что язык является системным образованием. Язык – это не

просто набор, сумма языковых знаков (морфем, слов, словосочетаний и т.п.), но и отношения между ними, поэтому сбой в одном звене знаков может привести в движение не только рядом стоящие звенья, но и всю цепь в целом (или ее определенную часть).

Закон системности (внутренний закон развития языка) обнаруживается на разных языковых уровнях (морфологическом, лексическом, синтаксическом) и проявляется как внутри каждого уровня, так и во взаимодействии их друг с другом. К примеру, сокращение количества падежей в русском языке (шесть из девяти) привело к росту аналитических черт в синтаксическом строе языка – функция падежной формы стала определяться позицией слова в предложении, соотношением с другими формами. Изменение семантики слова может отразиться на его синтаксических связях и даже на его форме. И, наоборот, новая синтаксическая сочетаемость может привести к изменению значения слова (его расширению или сужению).

Закон языковой традиции (внутренний). Понятность закона объясняется объективным стремлением языка к стабильности, «охранности» уже достигнутого, приобретенного, но потенции языка столь же объективно действуют в направлении расшатывания этой стабильности, и прорыв в слабом звене системы оказывается вполне естественным. Но тут вступают в действие силы, не имеющие прямого отношения к собственно языку, но могущие наложить своеобразное табу на инновации. Такие запретительные меры исходят от специалистов-лингвистов и специальных учреждений, имеющих соответствующий правовой статус. Происходит как бы искусственное задерживание очевидного процесса, сохранение традиции вопреки объективному положению вещей.

Действие *закона языковой аналогии* проявляется во внутреннем преодолении языковых аномалий, которое осуществляется в результате уподобления одной формы языкового выражения другой. В общем плане это мощный фактор языковой эволюции, поскольку результатом оказывается некоторая унификация форм, но, с другой стороны, это может лишить язык специфических нюансов семантического и грамматического плана. В таких случаях сдерживающее начало традиции может сыграть положительную роль.

Сущность уподобления форм (аналогия) заключается в выравнивании форм, которое наблюдается в произношении, в акцентном оформлении слов (в ударении), отчасти в грамматике (например, в глагольном управлении). Особенно подвержен действию закона аналогии разговорный язык, тогда как литературный более опирается на традицию, что вполне объяснимо, т.к. последний более консервативен по своей сути.

Особенно активным в современном русском языке оказывается действие *закона речевой экономии* (или экономии речевых усилий). Стремление к экономичности языкового выражения обнаруживается на разных уровнях языковой системы: в лексике, словообразовании, морфологии, синтаксисе.

Развитие языка, как и развитие в любой другой сфере жизни и деятельности, не может не стимулироваться противоречивостью протекающих процессов. Противоречия (или антиномии) свойственны самому языку как феномену, без них немислимы какие-либо изменения. Именно в борьбе противоположностей проявляется саморазвитие языка.

2. Исторические изменения словарного состава слова

Словарный состав языка изменяется непрерывно и обновляется гораздо быстрее, чем другие структурные ярусы языка. Это понятно, потому что словарный состав языка, непосредственно отражая в языке действительность с ее переменами, обязан включать новые слова для обозначения новых вещей, явлений, процессов и отстранять в запас старые. Этот процесс всегда является фактом развития лексики языка, ее пополнения и стилистической дифференциации, что обогащает выразительные средства языка. Иначе говоря, при изменении словарного состава прирост его всегда превышает убыль.

Это касается преимущественно образования производных слов от уже имеющихся, заимствования и собственноязычного создания терминов и различных полисемических переносов значения.

Это, однако, мало касается основных пластов лексики, того, что называют основным словарным фондом или основным фондом лексики, который используется для образования новых производных слов и переносных значений.

Основной фонд лексики изменяется медленнее, чем периферийные и специальные пласты словарного состава, но и здесь происходят изменения: путем образования новых производных слов от непроеизводных, причем само производящее непроеизводное слово может и утратиться; например, производные слова *работа*, *работать*, *рабочий* прочно существуют в основном фонде русской лексики, а непроеизводное слово *роб* давно утрачено, но сохранилось в заимствованном из украинского языка и русифицированном сложном слове *хлебороб* (новое слово *робот* заимствовано из чешского языка). Либо путем заимствования слов из иных языков, что бывает и тогда, когда появляется новая вещь (в технике, в быту), и тогда, когда появляется необходимость выразить новое понятие в области общественных отношений или идеологии (интернациональные термины *демократия*, *революция* и т.п.), и тогда, когда данное слово хотя и

дублирует уже имеющееся, но по тем или иным причинам оказывается нужным (пример со словом лошадь, преобразованным из тюркского словосочетания *алаша ат* и потеснившим исконное слово *конь*).

Выпадение слов из словарного состава никак нельзя себе представлять как внезапное исчезновение того или иного слова; это постепенный переход слов из активного словаря в пассивный; таковы все «исторические» слова, которые когда-то называли современные эпохе реалии (т.е. факты действительности), а затем уже утраченные, например *боярин, подьячий, стрелец, кистень*, а также *нэпман, попутчик* (в переносном значении применительно к писателям в 20-е гг. XX в.). Ко совсем забытым словам можно отнести такие, как *ратай, гридень, огнищанин, вершь, кола, млин, ногата* и т.п.

Эту категорию слов – историзмы – следует отличать от архаизмов, т.е. устарелых слов, которые обозначали реалии, не утраченные, но называемые по-другому (к примеру, *вепрь – кабан, стяг – знамя, стогна – площадь, вежды – веки (верхние), грядущий – будущий, глагол – речь, токмо – только, сей – этот, реляция – донесение, рескрипт – указ, виктория – победа* и т.п.).

Архаизмы могут в отличие от историзмов воскресать, т.е. из пассивного словаря возвращаться в активный; таковы слова *совет, указ, майор, сержант, офицер* и др.

Новые слова в языке называются неологизмами; таковы для русского языка XX в. слова *большевик, партиец, оборонец, надомница, выдвиженец, значкист, колхоз, комсомол, обезличка, уравниловка, умелец* и др., не говоря уже о множестве заимствованных терминов (типа *комбайн, контейнер, скутер, глассер, танк* и т.п.).

Словарный запас человека, отражающий словарь языка, подобен «кладовой», где «полки со словами» расположены в известной перспективе: одни – ближе, что нужно каждодневно; другие – дальше, что нужно только в известных случаях и ситуациях, к таким «далеким» словам относятся архаизмы, узкоспециальные термины, слова сугубо поэтические и т.д.

Новые слова появляются в языке разными путями и в связи с разными причинами.

1. Изобретение слов встречается крайне редко, что лишний раз подтверждает устойчивость языка и его словообразовательных элементов.

К искусственно изобретенным словам относятся *гном, кодак* (фотографический аппарат), а также различные термины из кусков реальных слов (*альдегид, солипсизм*) и т.п.

2. Создание новых слов по имеющимся моделям на базе существующих в языке слов – очень продуктивный способ обновления словаря. Слова на *-изация* обозначают мероприятия, направленные на

осуществление того, что выражено корнем, отсюда по модели *легализация*, *активизация* возникли слова *военизация*, *паспортизация*, *пастеризация*, *яровизация*, *советизация*. По модели *машинист*, *артиллерист* – *значкист*, *очеркист*. По модели *метраж*, *тираж* – *листаж* и в журналистском жаргоне – *строкаж*. Древние греки составили сложное слово *hippodromos* (из *hippos* – «лошадь» и *dromos* – «бег») – «место для бегов», «плац» – *ипподром*, по этой модели позднее были образованы другие слова, связанные с новыми средствами передвижения: *велодром*, *мотодром*, *аэро(плано)дром*, *танкодром*. По образцу *библиотека* – *картоотека*, *фильмотека*, *игротека*, *фонотека*, *дискотека*.

Успешность и продуктивность такого способа состоит в том, что новым оказывается только необычная комбинация известных элементов по известной модели, имеющей свое место в системе языка.

3. Заимствования. Обогащение словарного состава языка за счет словаря других языков – обычное следствие взаимодействия разных народов и наций на почве политических, торговых, экономических отношений.

При заимствовании новое слово чаще всего приходит вместе с новыми вещами (*трактор*, *танк*, *комбайн*), с введением новых организационных форм, учреждений, должностей (*дивизия*, *батарея*, *офицер*, *генерал*, *канцелярия*, *секретарь*, *лазарет*, *ординатор*, *фельдшер*, *университет*, *консерватория*, *магистратура*, *доцент*, *деканат*, *декан*, *лекция*, *семинарий*, *семестр*, *консультация*, *экзамен*, *балл* и т.п.).

Однако бывают и такие случаи, когда заимствованное слово приходит как синоним для уже имеющегося в словарном составе заимствующего языка слова. Иногда заимствованное слово может даже вытеснить свое слово из основного словарного фонда (к примеру, *лошадь*, *собака* вместо *конь*, *пес*). При заимствованиях следует различать:

1. Происходит ли заимствование устным путем через разговорное общение или же письменным через книги, газеты, каталоги, инструкции, технические паспорта машин и т.п. При первом пути заимствованные слова легче усваиваются и осваиваются, но при этом часто подвергаются искажениям, народной этимологии; пополнение словарного состава полученными таким путем словами носит случайный характер (почему те, а не иные слова? Почему из этого, а не из другого языка?). При втором – книжном – пути заимствованные слова и по звуковому виду, и по значению ближе к оригиналам, но зато они и дольше остаются неосвоенными варваризмами в заимствующем языке, сохраняя некоторые черты, чуждые фонетике и грамматике заимствующего языка, например: *декель* (с *д* твердым), *хиатус* (с зиянием *-иа-*), *рандеву*, *колибри*, *реноме*, *коммюнике* (не подходящие по форме для именительного

падежа), *пиют*, *жюри* (с необычным в русском языке сочетанием *ию*, *юю*) и т.п.

2. Происходит ли заимствование непосредственно или через посредников, т.е. через передаточные языки, отчего может сильно меняться и звуковой вид, и значение заимствуемых слов.

Так, к примеру, слово *фазан* не непосредственно заимствовано из греческого *phasianos ornīs* – «фасийская птица» (что, в свою очередь, восходит к греческому названию реки Рион – *Phasis*), а через немецкое посредство *Fasan*, откуда *s = з*, а не *с*. Иногда одно и то же слово приходит двумя путями: непосредственно и через посредника; к примеру, немецкое *Burgermeister* – «городской голова» непосредственно вошло в русский язык как *бургомистр*, а через польское посредничество как *бурмистр*, со значением «староста» (в польском *burmistrz* – «городской голова»).

Изменение значения может при разных путях заимствования и не возникать. Так, греческое *monachos* было в русском заимствовано непосредственно как *монах* и через немецкий (где *monachos* дало *Munich*) в виде *мънихъ*, позднее *мних*, откуда в русском языке был дублет *монах* – *мних*, что представляло удобство для стихосложения.

Бывает и так, что какое-нибудь слово приходит в язык дважды, через разных посредников; так, персидское слово *saraj* – «дворец» через татар пришло в русский в виде *сарай*, а через турков, балканские народы и французский язык в виде *сераль* – «гарем».

Из того же языка слово может заимствоваться дважды в разные эпохи; тогда в заимствующем языке получают два разных слова вместо двух исторически разных форм того же слова в оригинале. Иногда заимствованное слово неузнанным возвращается обратно в свой язык с другим значением и с измененным звуковым видом.

3. Могут быть заимствования и внутри одного языка, когда общий литературный язык заимствует что-либо из диалектов, профессиональной речи, жаргонов и наоборот. При этом наблюдается такая закономерность: когда слово переходит из более узкого языкового круга (из диалекта, жаргона) в более широкий (в литературный язык), значение его расширяется; например, слова *чуять*, *следить*, пришедшие в литературный язык из профессиональной речи охотников, *опешить*, *ошеломить* – из военной речи, *цель* – из речи стрелков, *нагрузка*, *звено*, *зажим*, *смычка* – из технической речи, *ячейка* – из речи пчеловодов или рыбаков.

При обратном переходе (из литературного языка в специальный вид речи) значение сужается; например, *пиво*, *квас* – первоначально в значениях «напиток», «квашеное», позднее как названия особых напитков, *готовить* в поварском значении «стряпать», *хоронить* – в языке

могильщиков (а позднее уже и в общем) – «предавать погребению»; французское *officier* первоначально значило вообще «служащий» (от *office* – «служба», «контора»), позднее – «военнослужащий среднего командного состава»; *partisan* первоначально значило «участник», «сторонник» (от *partie* – «часть», «сторона»), позднее – «партизан».

4. Калькирование. Наряду с заимствованием иноязычных слов в единстве их значения и материального оформления (хотя бы и с изменениями того и другого), языки широко пользуются калькированием иноязычных слов и выражений.

5. Расширение словарного состава путем словообразования следует рассматривать в грамматике, потому что словообразование – явление грамматическое, хотя результаты этого процесса получают свое место в лексике; что же касается обогащения словарного состава путем переноса значений уже имеющихся слов, то это сфера лексики.

6. В лексике может происходить дифференциация по значениям в пределах даже близкородственных языков. Так, примечателен тот факт, что в славянских языках в этом отношении существует известная закономерность: в южнославянских языках значение данного слова, общего для славянских языков, может быть нейтральным, тогда как в восточнославянских и западнославянских значения этих слов могут быть антонимичными, к примеру, *вонь* в старославянском языке имеет значение «запах» (безотносительно к его качеству), в русском *вонь*, *вонять* – это «дурной запах», а в чешском *voneti* – «благоухать».

ПЛАНЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ

Тема 1. ЯЗЫКОЗНАНИЕ КАК НАУКА И ЕГО СВЯЗЬ С ДРУГИМИ НАУКАМИ (4 ч.)

А. Устно ответить на вопросы:

1. Языкознание как наука: объект языкознания (искусственный, естественный, мертвый, живой языки). Проблема определения предмета языкознания.
2. Предметные области современного языкознания.
3. Методы исследования в языкознании.
4. Связь языкознания с другими науками.
5. Сущность языка.
6. Общественный характер природы языка.

В. Выполнить упражнения:

1. Познакомиться с основными терминами и понятиями темы (см. Глоссарий).

2. Подготовить рефераты:

1. Социоллингвистика как наука.
2. Нейролингвистика как наука.
3. Семиотика как наука.
4. Языкознание и религия.

3. Решить задачи 1, 2 (см. Задачи по введению в языкознание).

4. Охарактеризовать следующие языки по параметрам *живой / мертвый, естественный / искусственный*: санскрит, французский, латинский, старославянский, русский, эсперанто, суахили, литовский, воляпюк, португальский.

5. Порассуждать, чем отличается наблюдение от эксперимента? Обоснуйте свой ответ на примере темы «Вербальная агрессия в студенческой среде», «Норма права в сознании носителя языка».

6. Законспектировать: А.М. Пешковский «Объективная и нормативная точка зрения на язык» (см. Хрестоматийные материалы).

ЛИТЕРАТУРА

Лекция, [2; 4; 5; 8; 15].

Тема 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЯЗЫКА (2 ч.)**А. Устно ответить на вопросы:**

1. Связь развития языка с историей общества.
2. Логосическая теория происхождения языка.

3. Теория звукоподражания.
4. Междометная теория происхождения языка.
5. Теория происхождения языка из жестов.
6. Теория общественного договора.
7. Теория трудовых выкриков и трудовая теория.

В. Выполнить упражнения:

1. Познакомиться с основными терминами и понятиями темы (см. Глоссарий).

2. Подготовить рефераты:

1. Образование национальных языков.
2. Норма как основа литературного языка.
3. Роль деятелей культуры в становлении и совершенствовании литературного языка.

3. Решить задачу 3 (см. Задачи по введению в языкознание).

4. Законспектировать: А.А. Леонтьев «Генетические корни мышления и речи». В книге: Леонтьев, А. А. Возникновение и первоначальное развитие языка / А.А. Леонтьев. – М. : АН СССР, 1963. – 140 с.

ЛИТЕРАТУРА

Лекция, [2; 4; 5; 8; 15].

Тема 3. ПРИРОДА, СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ ЯЗЫКА (2 ч.)

А. Устно ответить на вопросы:

1. Идеальное и материальное в языке.
2. Биологическое, социальное и индивидуальное в языке.
3. Язык, речь, речевая деятельность.
4. Функции языка.

В. Выполнить упражнения:

1. Познакомиться с основными терминами и понятиями темы (см. Глоссарий).

2. Подготовить рефераты:

1. Додекаэдрная структура слова.
2. Общественные функции языка.
3. Частные функции языка.
4. Экспрессивная функция языка и средства ее выражения.

3. Решить задачи 4, 5, 6 (см. Задачи по введению в языкознание).

ЛИТЕРАТУРА

Лекция, [2; 4; 5; 8; 15].

Тема 4. СИСТЕМА И СТРУКТУРА ЯЗЫКА (4 ч.)

А. Устно ответить на вопросы:

1. Устройство речевого аппарата и функции его частей.
2. Артикуляция звука и ее фазы.
3. Фонема и система фонем.
4. Классификация морфем.
5. Изменение морфемной структуры слова.
6. Понятие о словообразовании. Производная и непроизводная основы.
7. Словообразовательное значение. Словообразовательный тип.
8. Способы словообразования.
9. Слово как центральная единица языка.
10. Лексическое значение слова, его развитие, типы.
11. Лексико-семантические группировки слов.
12. Стилистическое расслоение словарного состава языка.
13. Грамматика и ее предмет.
14. Грамматическая категория, грамматическое значение и грамматическая форма.
15. Основные способы выражения грамматических значений.
16. Части речи и члены предложения.
17. Словосочетание и предложение.

В. Выполнить упражнения:

1. Познакомиться с основными терминами и понятиями темы (см. Глоссарий).

2. Подготовить рефераты:

1. Развитие фонетики как отрасли науки.
2. Фонология как наука.
3. Учение о фонемах И.А. Бодэуна де Куртенэ.
4. Продуктивные словообразовательные типы в русском языке.
5. Авторское словообразование в художественной литературе.
6. Межъязыковая омонимия.
7. Ономастика как раздел лексикологии.
8. Этимология как раздел языкознания.
9. Части речи в «Поэтике» Аристотеля.

10. Л.В. Щерба о частях речи.

11. Учение о предложении А.А. Потебни.

3. Решить задачи 11–14, 16–23 (см. Задачи по введению в языкознание).

ЛИТЕРАТУРА

Лекция, [2; 4; 5; 8; 15].

Тема 5. ПИСЬМО (2 ч.)

А. Устно ответить на вопросы:

1. Предыстория письма.
2. Основные этапы истории письма.
3. Алфавиты, графика и орфография.
4. Специализированные системы письма.

В. Выполнить упражнения:

1. Познакомиться с основными терминами и понятиями темы (см. Глоссарий).

2. Подготовить рефераты:

1. Возникновение славянской письменности.
2. Славянские алфавиты.
3. Палеография как область языкознания.
4. Стенография как особая система письма.

3. Решить задачи 7–10 (см. Задачи по введению в языкознание).

4. Законспектировать: Е.Д. Поливанов «О трех принципах построения орфографии» (Гируцкий, А. А. Введение в языкознание : практикум / А. А. Гируцкий, Г. А. Камлевич. – Минск : Асар, 2008. – С. 205–208).

ЛИТЕРАТУРА

Лекция, [2; 4; 5; 8; 15].

Тема 6. КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ (2 ч.)

А. Устно ответить на вопросы:

1. Праформа, праязык, языковая семья, языковая группа.
2. Языки мира.
3. Генеалогическая классификация языков.

4. Типологическая, или морфологическая, классификация языков.
5. Ареальная и функциональная классификация языков.

В. Выполнить упражнения:

1. Познакомиться с основными терминами и понятиями темы (см. Глоссарий).

2. Подготовить рефераты

1. Общая характеристика восточнославянских языков.
2. Общая характеристика западнославянских языков.
3. Общая характеристика южнославянских языков.

3. Решить задачи 24–28 (см. Задачи по введению в языкознание).

4. Законспектировать: Э. Бенвенист «Классификация языков» (см. Хрестоматийные материалы).

5. Подготовиться к тесту по теме «Письмо».

ЛИТЕРАТУРА

Лекция, [2; 4; 5; 8; 15].

**Тема 7. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ЯЗЫКОВ (4 ч.)**

А. Устно ответить на вопросы:

1. Понятие языковой ситуации.
2. Основная историческая закономерность, которая прослеживается в развитии языков
3. Основные пути образования национальных литературных языков.
4. Внешние законы развития языка.
5. Внутренние законы развития языка.

В. Выполнить упражнения:

1. Познакомиться с основными терминами и понятиями темы (см. Глоссарий).

2. Подготовить реферат:

1. Звуковые законы русского языка.

3. Решить задачи 29–30 (см. Задачи по введению в языкознание).

4. Законспектировать В.В. Иванов «Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему» (см. Хрестоматийные материалы).

5. Подготовиться к итоговому тесту.

ЛИТЕРАТУРА

Лекция, [2; 4; 5; 8; 15].

Репозиторий БрГУ

ХРЕСТОМАТИЙНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

А. М. ПЕШКОВСКИЙ

**«ОБЪЕКТИВНАЯ И НОРМАТИВНАЯ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ
НА ЯЗЫК»**

Объективной точкой зрения на предмет следует считать такую точку зрения, при которой эмоциональное и волевое отношение к предмету

совершенно отсутствует, а присутствует только одно отношение – познавательное. Ни чувство, ни воля, конечно, не исчезают при этом, но они как бы переливаются целиком в познание. Человек не хочет ничего от изучаемого предмета ни для себя, ни для других, а он хочет только его познать. Он не испытывает от него самого ни удовольствия, ни неудовольствия, а испытывает только величайшее удовольствие от его познания. Так как эмоционально-волевое отношение тесно связано с оценкой предмета, то отсутствие оценки – первый признак объективного рассмотрения предмета. Такова точка зрения наук математических и естественных. Понятия прогресса и совершенства абсолютно невозможны в математических науках. В естественных науках они, правда, уже имеют применение, но в чисто эволюционном смысле. Когда говорят, что цветковые растения совершеннее папоротников, папоротники совершеннее листовых мхов и т.д., то имеют в виду только то, что первые *сложнее* вторых, что в них части (органы и клетки) более *дифференцированы*, а никак не то, что первые в каком-либо отношении *лучше* вторых. При телеологическом миропонимании, которое само по себе, конечно, ни принципиально, ни фактически не враждует с натурализмом, а, напротив, часто сочетается с ним в одно органическое целое, это большая сложность, правда, расценивается как большее приближение к мировому идеалу: прогресс природы связывается с прогрессом человечества. Но, во-первых, самый критерий оценки берется и здесь не из эмоционально-волевого запаса оценивающего, а из объекта наблюдения, а затем, что важнее всего, в самый процесс познания эта оценка абсолютно не вмешивается. В прикладных отраслях естествознания мы встречаемся уже с прямой оценкой предметов изучения, с делением их на хорошие и плохие («полезные» и «вредные» растения и животные), но критерий «совершенства» здесь еще пока *общечеловеческий*. Понятия пользы и вреда берутся в элементарном, чисто материальном, «зоологическом» смысле, не могущем вызвать разногласий ни у каких двух представителей вида *homo sapiens*. Поэтому по отношению к отдельной личности эта точка зрения еще остается объективной, хотя по отношению ко всему человечеству она уже явно субъективна (для самого себя, конечно, всякое животное и растение полезно). Наконец, переходя к гуманитарным наукам, мы вступаем в область неизбежного и, быть может, даже необходимого субъективизма, и притом субъективизма в собственном смысле слова, т.е. *индивидуального, личного*. В самом деле, ни одна из гуманитарных наук (кроме, может быть, психологии, если ее брать в строго эмпирическом отрыве от философии) не может обойтись без понятия прогресса, притом уже не только в эволюционном смысле, но и в культурно-историческом, а потому и неизбежно *этическом*. От этического

идеала и от этической оценки изучаемого не может отказаться (и фактически не отказывается вплоть до ультраэволюционного в теории и ультраэтического на практике марксизма) ни одно направление гуманитарной мысли. А единого этического идеала у человечества пока что нет. Следовательно, здесь субъективная оценка фактов вытекает из самой сути дела.

Если подходить к науке о языке с этим различием субъективного и объективного, как оно намечено выше, то языковедение окажется наукой не гуманитарной, а *естественной*. Понятие языкового прогресса в нем целиком заменяется понятием языковой эволюции. Если в начальном периоде нашей науки и были оживленные споры о преимуществах тех или иных языков или групп языков друг перед другом (например, синтетических перед аналитическими), то в настоящее время эти споры приумолкли. Совершенно так же, как зоолог и ботаник в конце концов вынуждены признать *каждое* животное и растение совершенством в своем роде, в смысле идеального приспособления к окружающей среде, так же и современный лингвист признает *каждый* язык совершенным применительно к тому национальному духу, который в нем выразился. И не только к целым языкам, но и к отдельным языковым фактам лингвист, как таковой, может относиться в настоящее время только объективно-познавательным. Для него нет в *процессе изучения* (заранее подчеркиваю это условие ввиду всего последующего) ни «правильного» и «неправильного» в языке, ни «красивого» и «некрасивого», ни «удачного» и «неудачного» и т.д., и т.д. В мире слов и звуков для него нет правых и виноватых. Как пушкинский «дьяк в приказах поседельный», он «Спокойно зрит на правых и виновных, Добру и злу внимая равнодушно, Не ведая ни жалости, ни гнева...» с той лишь разницей, что и в конечном итоге он ни одного факта не осудит, а лишь *изучит*. Эта точка зрения, для современного лингвиста сама собой подразумеваемая, столь чужда широкой публике, что я считаю не лишним иллюстрировать это объективное отношение на отдельных конкретных примерах, чтобы читатель видел, что оно возможно по отношению ко всякому языковому факту, хотя бы даже вызывающему глубокое негодование или гомерический смех у каждого интеллигента, в том числе и у лингвиста вне его исследовательских задач.

Прежде всего, по отношению ко всему народному языку (т.е., например, для русиста ко *всему* русскому языку, кроме его литературного наречия) у лингвиста, конечно, не может быть той наивной точки зрения неспециалиста, по которой все особенности народной речи объясняются *порчей* литературного языка. Ведь такое понимание приводит к взгляду, что народные наречия образуются из литературных, а этого в настоящее время не допустил бы в сущности и ни один профан, если бы он

хоть на одну минуту задержался мыслью на предмете, по которому принято скользить. Слишком уж очевидно, что и до возникновения литератур существовали народы, что эти народы на каких-то языках говорили и что литературы при своем зарождении могли воспользоваться только этими языками и ничем другим. Таким образом, современные, например, русские наречия и говоры есть для лингвиста только потомки более древних наречий и говоров русских, эти последние – потомки еще более древних и т.д., и т.д., вплоть до самого момента распада русского языка на наречия и говоры, а литературное наречие есть лишь одно из этих областных наречий, обособившееся в своей истории, испытавшее благодаря своей «литературности» более сложную эволюцию, вобравшее в себя целый ряд чужеродных элементов и зажившее своей особой, в значительной мере неестественной, с точки зрения общих законов развития языка, жизнью. Понятно, что народные наречия и говоры не только не могут игнорироваться при таких условиях лингвистом, а, напротив, они для него и составляют главный и наиболее захватывающий, наиболее раскрывающий тайны языковой жизни объект исследования, подобно тому, как ботаник всегда предпочтет изучение луга изучению оранжереи. Таким образом, какое-нибудь «вчера» будет для него не испорченным «вчера», а образованием чрезвычайно древнего типа, аналогичным древнецерковнославянскому «днесь» («дньньсь»), древнерусскому и современному «здесь» («сьдесь»), современным народным («летось», «лонись», «ономнясь») и другим, составившимся из родительного падежа слова «вечер» с особой формой основы («вьчера») и указательного местоимения «сь» (равн. современному «сей», ср. аналогичные французские образования «сесі» и «села»); какое-нибудь «купалси», «напилен» не будет испорченным «купался», «напился», а будет остатком чрезвычайно древнего (общеславянского и, может быть, даже балтийско-славянского) образования возвратной формы с дательным падежом возвратного местоимения (древнерусское и древнецерковнославянское «си» = себе); какие-нибудь «пекёт», «текёт», «бегит», «сидю», «видю», «пустю» не вызовут в нем улыбки, а наведут его на глубокие размышления о влиянии 1-го лица ед. числа на остальные лица всех чисел и об обратных влияниях последних на 1-е, об удельном весе того и других в процессе языковых ассоциаций и т.д. Есть, конечно, в народных говорах и не самородные факты, а заимствованные из литературного наречия, которое в силу своих культурных преимуществ всегда оказывает крупное влияние на народные говоры. Сюда относятся такие факты, как «сумлеваюсь», «антиресный», «дилехтор», «я человек увлекающий», «выдающие новости» и т.д. На первый взгляд уж эти-то факты как будто должны определиться как «искажения» литературной речи. Но и тут наука

подходит к делу с объективной меркой и определяет их как факт смешения языков и наречий (в данном случае местного с литературным), находя в каждом отдельном факте смешения свои закономерные черты («сумлеваюсь» – народная этимология, «дилехтор» – диссимиляция плавных и т. д.) и рассматривая само смешение как один из наиболее общих и основных процессов языковой жизни. Когда при мне переврали раз название нашей науки, окрестив ее «языконоведением», я тотчас занес этот факт в свою записную книжку как яркий и интересный пример так называемой контаминации, т.е. слияния двух языковых образов (языковедение – законоведение) в один смешанный. Всевозможные индивидуальные дефекты речи, картавенье, шепелявенье и т.д., проливают иногда глубокий свет на нормальные фонетические процессы и привлекают к себе не меньший интерес лингвиста, чем эти последние. Совершенно случайные обмолвки открывают иной раз глубокие просветы в области физиологии и психологии речи. Даже чисто искусственные факты постановки человеком неверного ударения на слове, которое он узнает только из книг («роман», «портфель»), дают интересный материал для суждения о языковых ассоциациях данного индивида. Когда меня спросили на юге, как надо говорить: «верноподданнический» или «верноподданический», я отметил у себя оба факта для последующего размышления о них.

Такова объективная точка зрения на язык. Как видит читатель, она диаметрально противоположна обычной, житейско-школьной точке зрения, в силу которой мы над каждым языковым фактом творим или, по крайней мере, стремимся творить суд, суд «скорый» и зачастую «неправый» и «немилостивый». Мы или признаем за фактом «право гражданства», или присуждаем его сурово к вечному изгнанию из языковой сферы. Суд этот обычно бывает пристрастнейшим из всех судов на земле, т.к. судья руководится, прежде всего, собственными привычками и вкусами, а затем смутным воспоминанием о каких-то усвоенных на школьной скамье законах – «правилах». Но, во всяком случае, он убежден, что для каждого языкового случая такие правила существуют, что все, чего он не доучил в школе, имеется в полных списках, хранящихся в недоступных для профана местах, у жрецов грамматической науки, и что последние только составлением этих списков «живота и смерти» и занимаются. Т.к. это убеждение в существовании объективной, общеобязательной «нормы» для каждого языкового явления и необходимости этой нормы для самого существования языка составляет самую характерную черту этого обычного житейско-интеллигентского понимания языка, то мы и назовем эту точку зрения нормативной. И нашей

ближайшей задачей будет исследовать происхождение этой точки зрения как вообще в гражданской жизни, так и, в частности и по преимуществу, в школе.

Когда человеку, относившемуся к языку исключительно нормативно, случается столкнуться с подлинной наукой о языке и с ее объективной точкой зрения, когда он узнает, что объективных критериев для суждения о том, что «правильно» и что «неправильно», нет, что в языке «все течет», так что то, что вчера было «правильным», сегодня может оказаться «неправильным», и наоборот; когда он вообще начинает постигать язык как самодовлеющую, живущую по своим законам, величественную стихию, тогда у него легко может зародиться отрицательное и даже ироническое отношение к своему прежнему «нормативизму» и к задачам нормирования языка. И чем наивнее была его прежняя вера в существование норм, тем бурнее может оказаться, как у всякого новообращенного, его новое отрицание их. От такого поверхностно-революционного отношения к нормативной точке зрения я решительнейшим образом должен предостеречь читателя. Ближайший анализ покажет, что для литературного наречия наивный нормативизм интеллигента-обывателя, при всех его курьезах и крайностях, есть единственно жизненное отношение, а что выведенный из объективной точки зрения квиетизм был бы смертным приговором литературному наречию.

Прежде всего, при ближайшем рассмотрении оказывается, что среди многих отличий литературного наречия от естественных, народных наречий и языков как раз самым существенным, прямо, можно сказать, конститутивным, является именно это стремление говорящего так или иначе нормировать свою речь, говорить не просто, а как-то. В естественном состоянии языка говорящий не может задуматься над тем, как он говорит, потому что самой мысли о возможности различного говорения у него нет. Не поймут его – он перескажет, и даже обычно другими словами, но все это совершенно «биологически», без всякой задержки мысли на языковых фактах. Крестьянину, не бывшему в школе и избежавшему влияния школы, даже и в голову не может прийти, что речь его может быть «правильна» или «неправильна». Он говорит, как птица поет. Совсем другое дело человек, прикоснувшийся хоть на миг к изучению литературного наречия. Он моментально узнает, что есть речь «правильная» и «неправильная», «образцовая» и отступающая от «образца». И это связано с самым существованием и с самым зарождением у народа литературного, т.е. образцового, наречия. И зарождается-то оно как «лучшее», как язык *преобладающего* в каком-либо отношении (не всегда литературном, а и политическом, религиозном, коммерческом и т.д.) племени и *преобладающих* в тех же отношениях классов, как язык, который *надо* для успеха на жизненном поприще усвоить, заменив им

свой, доморощенный, житейский язык, т.е. как некая норма. Существование языкового идеала у говорящих – вот главная отличительная черта литературного наречия с самого первого момента его возникновения, черта, в значительной мере создающая самое это наречие и поддерживающая его во все время его существования. С точки зрения естественного процесса речи, с точки зрения, так сказать, физиологии и биологии языка, эта черта совершенно неестественна. Если сравнить речь с другими привычными процессами нашего организма, например с ходьбой или дыханием, то «говорение» интеллигента будет так же отличаться от говорения крестьянина, как ходьба по канату от естественной ходьбы или как дыхание факира от обычного дыхания. Но эта-то неестественность и оказывается как раз доказательством в нем существования литературного наречия.

Присмотримся поближе к основным чертам этого литературно-языкового идеала. Первой и самой замечательной чертой является его поразительный консерватизм, равного которому мы не встречаем ни в какой другой области духа. Из всех идеалов это единственный, который лежит целиком позади. «Правильной» всегда представляется речь старших поколений, предшествовавших литературных школ. Ссылка на традицию, на прецеденты, на «отцов» есть первый аргумент при попытке оправдать какую-либо шероховатость. Нормой признается то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет. Сама по себе нормативность не связана с неподвижностью норм. В области права мы имеем пример норм, еще более принудительных и в то же время как раз подвижных, произвольно и планомерно изменяемых. Не то в языке. Здесь норма есть идеал, раз навсегда уже достигнутый, как бы отлитый на веки вечные. Это сообщает литературным наречиям особый характер постоянства по сравнению с естественными наречиями, мешает им эволюционировать в сколько-нибудь заметных размерах. Современный образованный итальянец легко читает Данте, современный же итальянский крестьянин вряд ли бы разобрался в языке родной деревни XIII в. Если в языке «все течет», то в литературном наречии это течение заграждено плотиной нормативного консерватизма до такой степени, что языковая река чуть ли не превращена в искусственное озеро. Нетрудно видеть, что этот консерватизм не случаен, что он тесно связан опять-таки с самым существованием литературного наречия и литературы. Разговорный язык может меняться в каком угодно темпе, и беды не произойдет, потому что мы говорим с отцами нашими и дедами, но не далее. Читая Пушкина, мы уже говорим с прадедом, а для англичанина, читающего Шекспира, и для итальянца, читающего Данте, это «пра» удесятерится. Если бы литературное наречие изменялось быстро, то каждое поколение могло бы пользоваться лишь литературой своей да предшествовавшего поколения,

много двух. Но при таких условиях не было бы и самой литературы, т.к. литература всякого поколения создается всей предшествующей литературой. Если бы Чехов уже не понимал Пушкина, то, вероятно, не было бы и Чехова. Слишком тонкий слой почвы давал бы слишком слабое питание литературным росткам. Консерватизм литературного наречия, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы.

Второй особенностью литературно-языкового идеала является то, что этот идеал всегда местный. Мы все стараемся говорить не только, как говорили наши отцы, но и как говорят в Москве, в частности на сцене Малого и Художественного театров. Взоры и слух всех французов обращены на небольшую площадку сцены Comedie Française. Эта особенность, опять-таки связанная с самой сущностью и происхождением литературного наречия (наречие возобладавшего племени, занимавшего определенную территорию), оказывается в культурно-историческом отношении не менее важной. Если языковой консерватизм объединяет народ во времени, то равнение на языковой центр (Москва, Париж и т.д.) объединяет народ территориально. Основным свойством языковой эволюции признается в современном языкознании дифференциация языков, в силу которой всякий говор стремится обособиться от других говоров, распасться в свою очередь на говоры и сделаться наречием, всякое наречие стремится сделаться языком, всякий язык – целой языковой группой родственных языков и т.д. Словом, здесь эволюция совершенно аналогична эволюции животного и растительного мира и протекает целиком по дарвиновской схеме, по принципу «расхождения признаков»: разновидности делаются видами, виды – родами и т.д. Так в естественном состоянии, но опять-таки не так при существовании литературного наречия. Литературное наречие не только объединяет различные части народа, говорящие на разных наречиях, как межрайонное, понятное всюду, оно и непосредственно воздействует на местные наречия и говоры, нивелируя их своим влиянием и задерживая процесс дифференциации. А на такое непосредственное воздействие одна литературная, книжная традиция без живого, звучащего в национальном центре образца вряд ли оказалась бы способной. Говоря популярно, если бы рязанцы, туляки, калужане и т.д. не прислушивались бы к Москве, у них на месте нынешних наречий и говоров образовались бы в скорости свои рязанский, тульский, калужский и т.д. языки и национальности, и с русской национальностью было бы покончено. Притягивая ребенка, посредством нормирования его языка к национальному центру – Москве, школьный учитель охраняет внутреннее, духовное единство нации, как солдат на фронте охраняет территориальное единство ее. И насколько эта охрана еще важнее военной,

ясно из того, что территориальное распадение не исключает возможности последующего слияния, а духовное распадение – навеки.

Все, о чем я говорил до сих пор, касается той стороны литературно-языкового идеала, которая определяется понятиями «правильного» и «неправильного». Но ведь, кроме правильности, мы требуем от речи и многого другого. Из этого другого я коснусь здесь только того, чего мы все требуем от себя и от других, всегда и везде, требуем так же неумолимо, как правильности, именно ясности речи. Наш собеседник может говорить плоско, худосочно, неизобразительно, растянуто, неточно даже – мы со всем этим будем мириться. Но, если он будет говорить не понятно, мы просто прекратим разговор. Мне могут возразить, что понятность требуется и в естественной речи, что она есть необходимое условие всякой речи как процесса социального и что в этом отношении известного рода «норма» рисуется в уме даже дикаря: говорящий непонятно представится ему именно ненормальным. Но дело в том, что в естественном состоянии языка на норме этой никогда не приходится настаивать и даже не случается о ней подумать. В естественном состоянии все, кроме сумасшедших и сумасшедствующих (колдуны, шаманы, заклинатели), говорят понятно. Даже в нашей деревне говорят непонятно только придурковатые да те, которые хотят «свою образованность показать» (т.е. задетые уже литературным наречием). В литературном наречии, напротив, все всегда и везде говорят в той или иной степени *непонятно*. Это может показаться парадоксом, но я прошу вспомнить любое собрание, любой доклад, любой спор. Разве не обращаются всегда к докладчику с просьбой *разъяснить* то или иное положение (причем вопросы обличают зачастую *полное* непонимание вопрошателей), разве не занимаемся мы в наших спорах преимущественно выяснением того, что мы *хотим сказать*» или *хотели сказать*», и разве не расходимся в результате всех этих выяснений часто глубоко непонятными и непонимающими? Я прошу вспомнить, сколько времени тратится в наших спорах на действительное выяснение истины и сколько на устранение словесных недоразумений, на уговор о значении слов (это все в лучшем случае, когда спорящие не просто твердят каждый свое, а стараются понять друг друга); прошу вспомнить, сколько времени тратится юристами на выяснение смысла того или иного свидетельского показания, того или иного закона; прошу вспомнить, сколько людей в науке, в поэзии, в философии, в религии заняты исключительно толкованием чужих мыслей, выраженных подчас самими творцами как будто бы классически ясно и просто, но тем не менее всегда создающих целый ряд «толков», сект, течений, направлений и т.д.; прошу все это вспомнить – и читатель согласится со мной, что *затрудненное понимание* есть необходимый спутник литературно-

культурного говорения. Дикари просто «говорят», а мы все время что-то «хотим» сказать. Мы, как слепцы, ищем с протянутыми руками друг друга в воздухе. Каждый вполне понимает только свою собственную речь. Это создает усиленный спрос на ясность в литературном наречии. Чем непонятнее культурные люди вынуждены говорить (почему – об этом ниже), тем понятнее они хотят говорить. После правильности ясность следует считать наиболее общепризнанной, наиболее интенсивно сознаваемой нами чертой нашего литературно-языкового идеала. Самая правильность даже оценивается нами так высоко в сущности как необходимое условие ясности.

Ряд предыдущих сопоставлений первобытных условий жизни языка с культурными, вероятно, привел уже читателя к догадке, что «непонятность» литературного наречия для самих говорящих на нем обуславливается общей сложностью культурной жизни. Но я все-таки анализирую здесь, в чем состоит эта сложность с чисто лингвистической точки зрения, чтобы показать, что повышенные по сравнению с естественным состоянием заботы о ясности наравне с заботами о правильности являются необходимым условием самого существования литературного наречия.

Еще Пауль в свое время показал, что естественная речь (конечно, и разговорно-литературная, поскольку она одной стороной своей примыкает к естественной) по природе своей эллиптическая, что мы всегда не договариваем своих мыслей, опускаем из речи все, что дано обстановкой или предыдущим опытом разговаривающих. Так, за столом мы спрашиваем: «Вам кофе или чай?»; встретив знакомого, спрашиваем: «Ты куда?»; услышав надоевшую музыку, говорим: «Опять!»; предлагая воду, скажем: «Кипяченая, не беспокойтесь!»; видя, что перо у собеседника не пишет, скажем: «А вы карандашом!» и т.д. Такие случаи, когда подающий воду говорит: «Это кипяченая вода», или следящий за письмом говорит: «А вы пишете карандашом», принадлежат, несомненно, к более редким. Язык по природе экономичен в средствах. Нетрудно видеть, что эта экономия возможна только при двух, уже указанных выше условиях: 1) общности обстановки (обеденный стол, вода, писание) и 2) общности предыдущего опыта (музыка). Каждая из вышеприведенных фраз сама по себе совершенно непонятна и может иметь бесконечное количество значений в зависимости от этих двух фактов. Карандашом можно не только писать, им можно заткнуть отверстие, подрисовать брови, растолочь обратной стороной кристалл и т.д., и т.д. Фраза «А вы карандашом!» может иметь соответственно этому огромное количество значений. Точно так же вопрос: «Вам кофе или чай?» – имеет в устах хозяйки одно значение, в устах встретившихся в магазине знакомых, делающих покупки, – другое, в

устах лекторов по технологии, распределяющих между собой лекции о культурных растениях, – третье и т.д., и т.д. И все это мгновенно и без малейшего усилия понимается благодаря общей обстановке и общему опыту. Даже и наиболее недоговоренное из предыдущих примеров восклицание: «Опять!», могущее иметь уже поистине бесконечное количество значений, на практике всегда будет понято наиболее точным образом. Можно даже сказать, что точность и легкость понимания растут по мере уменьшения словесного состава фразы и увеличения ее бессловесной подпочвы. Чем меньше слов, тем меньше недоразумений. Это прямо приводит нас к причинам «непонятности» литературной речи. Чем «литературнее» речь, тем меньшую роль играет в ней общая обстановка и общий предыдущий опыт говорящих. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить два полюса этой стороны речи: разговор крестьянина с женой об их хозяйстве и речь оратора на столичном митинге. Первые говорят только о том, что или перед их глазами, или переживается ими сообща в течение всей жизни ежедневно; второй говорит обо всем, *кроме* этого. Обстановка в его речи совершенно отсутствует, а предыдущий опыт распадается на индивидуальные опыты тысячи съехавшихся со всего света лиц, объединенных только общностью человеческой природы. Во сколько же раз ему труднее быть понятным и во сколько раз больше он поэтому должен *стараться* говорить понятно! Всякий, кому случалось составлять уличное или газетное объявление о продаже пианино, прекрасно помнит, как он именно составлял его, а не просто писал, как он обдумывал каждое слово и как нередко он рвал черновики. Почему это? Потому, что трудность языкового общения растет прямо пропорционально числу общающихся, и там, где одна из общающихся сторон является неопределенным множеством, эта трудность достигает максимума. А во всякой печатной (т.е. собственно литературной) речи это именно так и есть: книги печатаются для неопределенного множества лиц. Понятно, что в противовес этой неизбежной затрудненности общения в культурном обществе должен был чисто биологически возникнуть культ слова, культ умения говорить, что для естественных условий звучит абсурдно. И если бы даже ни правописание наше, ни грамматика нашего литературного наречия сама по себе, ни словарь его не представляли никаких трудностей (предположение, конечно, фантастическое), мы все равно учились бы и учили бы родному языку в школе, потому что каждый из нас, как только он выйдет из пределов домашнего обихода, как только он заговорит о том, чего нет и не было ранее перед глазами его собеседника, должен уметь говорить, чтобы быть понятным.

Основная и наибольшая часть этого умения говорить дается в школе. Жизнь сравнительно мало прибавляет к приобретенному в школе. Отсюда понятна колоссальная государственно-культурная роль постановки родного языка в школе, именно как предмета нормативного. Там, где дети усиленно учатся говорить, там взрослые не теряют бесконечного количества времени на отыскивание в словесном потоке собеседника основной мысли и не изливают сами таких потоков вокруг своих мыслей, там люди не оскорбляют друг друга на каждом шагу, потому что лучше понимают друг друга, там люди меньше судятся, потому что составляют более ясные контракты, а если судятся, то по лучшим законам, потому что законодатели сами выучились в школе говорить и т.д., и т.д. Умение говорить – это то смазочное масло, которое необходимо для всякой культурно-государственной машины и без которого она просто остановилась бы. Если для общения людей вообще необходим язык, то для культурного общения необходим как бы язык в квадрате, язык, культивируемый как особое искусство, язык нормируемый.

Такова роль нормативного изучения родного языка в школе. Может возникнуть вопрос: а как же наука с ее объективной точкой зрения? Ведь нормативная точка зрения не научна. Мирится ли все это с насаждением языковой науки в школе, за которое мы все теперь так ратуем?

Не только мирится одно с другим, но и требует одно другого. Противоречие этих двух точек зрения только, как это мы тотчас увидим, мнимое.

Прежде всего, беря вопрос во внешкольном, широком масштабе, мы должны признать, что противоречие факта и идеала, сущего и должного, свойственно вообще нашей мысли во всех областях ее. И наука с жизнью давным-давно уже поделили между собой эти вещи: наука взяла себе «сущее», а жизнь – «должное»; там же, где «должное с очевидностью основывается на «сущем», создались специальные, промежуточные между жизнью и наукой сферы – прикладные, нормативные науки (нормативность метафизического свойства я здесь для простоты оставляю в стороне). Политическая экономия изучает законы хозяйственной жизни, как они даны самой жизнью, т.е. объективно, а экономическая политика направляет эту жизнь по желанному руслу, т.е. действует субъективно на основе объективных данных экономической науки. Наука о финансах изучает законы финансовой эволюции государства, а финансовая политика извлекает из этого изучения уроки для направления финансовой жизни государства по желательному пути и т.д., и т.д. И в других областях даже принято, чтобы практик был хоть немного и теоретиком, чтобы государственный деятель знал и историю, и политическую экономию, и финансовое право, и множество других вещей, которые ему не мешают, а,

наоборот, помогают. В свою очередь, и теоретики постоянно вмешиваются в этих областях в сферу практики, дают советы, являются сторонниками определенных государственных мер соответственно своим *научным* симпатиям и убеждениям и т.д. Словом, наука изучает, жизнь творит, а мост между наукой и жизнью вполне налажен. Конечно, всякий ученый-экономист прекрасно знает, где он перестает быть политико-экономом и становится экономическим политиком, всякий финансовед знает, что он превращается в финансового деятеля, и всякий обыватель знает, где он из наблюдателя государственной, правовой, экономической и т.д. жизни (а наблюдает жизнь и изучает ее, конечно, всякий, и от научного изучения такое изучение отличается только несистематичностью и неметодичностью) превращается в активного участника ее. Раздвоение наблюдения и действия во всех других областях, кроме языковой, так элементарно, что не требует даже размышлений. Напротив, в языке все так привыкли к действию и так далеки от наблюдения и изучения, что, внезапно распознав язык как предмет наблюдения и изучения, готовы забыть, что они непрестанные творцы того самого процесса, который наблюдают; и что эти две свои роли – роль наблюдателя и роль творца – каждый сам в себе должен разделить и в первой быть объективным, а во второй субъективным (насколько вообще допускает это такая объективная сфера, как язык). В начале статьи я все время подчеркивал, что лингвист, как таковой, не знает оценки языковых фактов, что для лингвиста в *процессе изучения* все факты хороши. Теперь, я надеюсь, мои подчеркивания ясны. Лингвист не как лингвист, а как участник языкового процесса, как член данной языковой общины, конечно, расценивает языковые факты наравне со всеми прочими образованными людьми, с той лишь разницей, что у него для этой расценки гораздо больше специальных знаний. И не только расценивает, но сплошь и рядом активной проповедью вмешивается в процесс языковой эволюции (хотя опять-таки подчеркиваю, что стихийность языковых явлений плохо мирится с индивидуальным вмешательством и придает ему всегда вид донкихотства). Точно так же и обыватель, поскольку он наблюдает язык и интересуется им (случай не частый, конечно), является частично лингвистом, а поскольку морщится от каких-нибудь «местов» или «делов» – языковым политиком, человеком, участвующим в нормировании речи. В школе эти две стороны должны войти в теснейшее соприкосновение уже по одним методическим причинам. Изучение одних сухих «норм» высшей «литературности» без объяснения, откуда они взялись, насколько совпадают с разговорной действительностью и насколько отличаются от нее, было бы нестерпимо скучным. Это равнялось бы зубрению языкового «свода законов» без всякого юридического освещения, что, как известно, ни в одной

юридической школе не практикуется. С другой стороны, одно наблюдение над языком без всякого практического применения этого наблюдения было бы, по крайней мере для школьника первой ступени, безусловно, не по плечу. Теоретический интерес должен поддерживаться практическим, практический – теоретическим. Ребенок должен отчетливо понимать, что он учится хорошо говорить, но что для того, чтобы этому научиться, надо прислушиваться к тому и подумать над тем, как люди говорят. Уже и в детском уме объективная и нормативная точки зрения должны прийти в должное равновесие и взаимодействие. Но для этого прежде всего надо, чтобы последнее твердо и стройно установилось в уме учителя, чему я и хотел посодействовать настоящим сообщением.

В.В. ИВАНОВ ИЗ КНИГИ «ЛИНГВИСТИКА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ: ВОПРОСЫ К БУДУЩЕМУ»

11. Языковая ситуация мира и прогноз на ближайшее будущее

Всего в мире в конце завершившегося века было больше 6 000 языков. Согласно часто высказывавшемуся прогнозу в ближайшие десятилетия останется не более десятой их части – около 600 языков. Повсеместно осуществляется языковой сдвиг к немногим языкам; большинство языков мира сохраняется на протяжении нескольких поколений только в маленьких группах говорящих преимущественно старшего поколения: из 187 индейских языков Северной Америки 149 уже не выучиваются детьми. У большей части говорящих использование «туземного» языка постепенно переходит к числу функций недоминантного правого полушария, после чего этот (некогда главный в данном коллективе) язык медленно заменяется используемым в доминантном (обычно левом) полушарии главным языком данного общества. В качестве примеров умерших или умирающих языков, с которыми мне самому приходилось иметь дело, я могу назвать енисейский югский (мне удалось записать одну из последних старух, говоривших на этом языке, летом 1962 г.), серрано (мой информант весной 1989 г. мог только комментировать сделанную им магнитную запись мифологических текстов его матери и тетки; в 1994 г. оставался только один говоривший на этом языке) и некоторые другие американские индейские калифорнийские, айнский (в декабре 1991 г. в доме для престарелых на Хоккайдо мне удалось найти старуху, помнившую мифологические тексты на этом языке; она мне сказала: «Приезжай еще, я знаю тебе ехать издалека. Но здесь мне не с кем поговорить, кругом одни японцы»). В 1953 г., когда я занимался в Латвии финно-угорским (финно-балтским) ливским языком, на нем

говорила еще целая деревня у входа в Рижский залив; к началу этого века оставалось всего несколько говорящих.

По мере вытеснения многих умирающих языков вырастает роль нескольких основных. Изучение самых распространенных языков современности приводит к парадоксальному выводу: роль английского языка уменьшается, согласно прогнозу численности говорящих на самых крупных языках на середину XXI в. Языковые последствия глобализации и компьютеризации неожиданны: несомненен провал идеи *melting pot* – котла, где будто бы перевариваются все языки, заменяемые якобы американским английским.

Динамика изменения взаимоотношения между английским и испанским языками отражена и по совсем недавно напечатанным данным переписи 2 000 г. в США: рост испаноязычного населения отмечен во всех крупных городах. Это сказалось уже и в предвыборной кампании и языковой политике нового президента, одним из первых шагов которого было проведение в Белом доме церемонии, где и он, и другие видные политики говорили по-испански.

Одновременно с процессом исчезновения языков идет меньше изучаемый лингвистами процесс дифференциации, особенно заметный у самых распространенных языков (устные варианты китайского, как кантонский, давно решительно отличаются от байхуа; я был в Лондоне на деловой встрече с переводчиками современных русских писателей, один из них озабоченно спросил: «А на какой язык переводить – английский или американский?»). Новые языковые различия возникают при дроблении исходного языка на диалекты и образовании смешанных языков (пиджинов и креольских) как следствие распада государств, миграции населения и других процессов дезинтеграции или интеграции. При оценке возможностей будущего развития нужно учитывать и постепенное (хотя, вопреки ожиданиям, крайне медленное) использование компьютеров для автоматического перевода. Пока что работающие программы, как правило, построенные без учета лингвистических достижений, дают переводы с таким числом ошибок, которое предполагает необходимость последующего вмешательства человека-редактора, если задача не ограничена примитивными (к примеру, туристическими) надобностями. Но по мере быстрого развития возможностей компьютеров станет вероятным и такое применение автоматических переводов, которое по отношению к языкам, для которых будут созданы соответствующие словари, грамматики и правила перевода (в том числе и устного), по существу исключит необходимость их замены другим (более распространенным) языком.

Примером положительного влияния результатов технического прогресса на развитие языков можно признать языковую ситуацию на международной космической станции. Американские и русские космонавты, на ней работавшие, владели обоими языками (хотя английский язык в космосе более употребителен) и пользовались их соединением, в шутку названное Russenglish. Похожее объединение языков (без потери индивидуальности каждого из них) можно предположить и по отношению к возможным совместным полетам людей разных национальностей на Луну и Марс. Пока – временно? – отступила на второй план задача выработки единого языка для человечества на земле (при выборе способа общения уже существующего, как английский, или специально разработанного, как эсперанто, или в большей степени теоретически обоснованные языки, в начале научной разработки которых участвовали такие лингвисты, как Есперсен, Сепир, Трубецкой).

Преодоление тенденции к резкому сокращению числа языков представляется одной из весьма важных задач языковой политики того объединенного человечества, о котором можно мечтать в пору современного опасного обострения религиозных, этнических и языковых конфликтов.

В исчезновении таких своеобразных по своей структуре языков, как американские индейские, заключается большая опасность потому, что с ними может пропасть и еще пока сохраняющаяся возможность проникновения в другие, отраженные в них, способы описания и постижения мира. Каталогизация таких способов кажется одной из подготовительных задач при решении проблемы того, что может объединить все человечество.

Мечта и надежда на скорое организационное объединение всего человечества, о необходимости которого говорили такие выдающиеся деятели, как А.Д. Сахаров, сейчас может казаться утопической. Я сам этого не думаю. Начиная с 1994 г. я участвую в международной организации «Триглав» (теперь ассоциированной в качестве неправительственной с ООН), ставящей своей главной целью детальное обсуждение взаимопомощи разных частей человечества, в частности, помощи развивающимся бедным странам со стороны развитых, более богатых. Начиная с совещания в 1994 г. в Триглаве (под Любляной в Словении) экспертов, готовивших со стороны ООН посвященное этой теме совещание в верхах в Копенгагене, мы на своих встречах (в Триглаве, Копенгагене – под эгидой правительства Европы – и в Бостоне) искали путей экономического и культурного объединения всех народов; этому же посвящена подготовленная нами книга «Свечи во тьме», предисловие к которой написал Вацлав Хавел (сходные задачи он пробовал решить на

серии встреч «Форум 2000», где были религиозные, политические и научные представители разных культурных традиций и стран; я был на первой из этих встреч в 1997 г.). В статье «Навстречу Ноосфере» в этой книге я пытался развить идеи Тейяра де Шардена и Вернадского. Объединение всех людей в ноосфере предполагает раскрытие возможностей каждой из используемых ими знаковых (а, следовательно, и языковых) систем. Только развитие того, что вносит каждая традиция (в частности, языковая), может сделать реальным их объединение. По мере того, как выявляется неправота и неосуществимость попытки навязать всем одну (в том числе и языковую) систему, все более существенным представляется план объединения разных традиций путем выявления связывающих их общих принципов, совместимых с концепцией ноосферы. В этой связи и универсальная типология языков (особенно семантическая) приобретает жгучий интерес, выходящий за пределы лингвистики.

12. «По-просту»:

языки Великого княжества Литовского

Одним из особенно интересных примеров взаимодействия многих языков, систем письма, вероисповеданий, этнических групп на территории одной страны была на протяжении нескольких столетий (с XIV до XVII в. н.э. и позднее) языковая ситуация Великого княжества Литовского. Мне несколько раз приходилось сталкиваться со следами этого диковинного языкового мира, обломки которого дожили до наших дней. Первый раз это было летом 1958 г., когда знакомые литовские диалектологи пригласили В.Н. Топорова и меня участвовать в их экспедиции в литовские деревни на территории Белоруссии. Пробывая записать архаический диалект жителей этих деревень, я услышал и их необычную для меня славянскую речь, где узнавал знакомые польские, белорусские и русские элементы в новом соединении. Когда я спросил их, что это за язык, на котором они говорят, они мне ответили: «По-просту». Позднее я узнал, что так назывался и славянский язык канцелярий Великого княжества Литовского.

С другим языковым остатком этого государства я столкнулся в Трокае под Вильнюсом, где литовские друзья-лингвисты познакомили меня с первосвященником караимов Фирковичем. Караимы, когда-то приведенные из Крыма литовским великим князем Витовтом и составлявшие основу лейб-гвардии литовских великих князей, на протяжении половины тысячелетия продолжали жить в Литве. В то время они составляли еще большую часть населения Трокая. Я побывал в их молельном доме, напоминавшем синагогу (Фиркович мне рассказывал, как он объяснял Пилсудскому, а потом нацистскому гаулейтеру Прибалтики, чем караимы, по языку тюрки, отличаются от евреев). В семейном архиве Фирковичей я увидел образцы написанных еврейским и арабским письмом

ранних восточнославянских текстов, составленных на территории Великого княжества Литовского.

Еще раз я смог не на востоке, а на западе – в Польше – наблюдать продолжение традиций того странного веротерпимого союза разных религий и языков, который просуществовал на этой земле несколько веков. В 1988 г. (через 30 лет после той поездки в литовские деревни) я приехал на конференцию в Беловежье, в места близ польско-белорусской границы. Участникам конференции показали местные села. Поразило, что католический костел, православная церковь и мечеть стоят рядом в одной деревне (до нацистских зверств были и синагоги) и священники поддерживают друг с другом добрососедские отношения.

С середины 1990-х гг., по мере того как в Европе происходили радикальные изменения и готовилась ее интеграция, история языков и культурных традиций Великого княжества Литовского все больше стала привлекать внимание ученых. В Будапеште состоялись две международные конференции, этому посвященные, вышли сборники докладов и статей. Мои аспиранты, увлеченные этой проблематикой, устроили в феврале 2001 г. в Лос-Анджелесе международную конференцию, где были специалисты из России, Израиля, Италии. Вместе с Пьетро Дини, который один из первых на современном уровне знаний описал эту необычную историческую ситуацию в своей книге о балтийских языках, мы набросали общий план изучения функций каждого из почти 30 языков Великого княжества Литовского в их взаимодействии. Этот план мы доложили и обсудили на лос-анджелесской конференции с некоторыми из возможных участников будущей работы. Следующая конференция состоялась в Москве в доме Балтрушайтиса в апреле 2002 г. Тем временем я начал изучать тексты, записанные восточными видами письма. Армяне, перешедшие на тюркский язык, родственному древнему печенежскому, записывали свои тексты армянским письмом. Я находил в этих старинных документах, обращенных к польскому королю, формулы, знакомые мне по древнетюркским памятникам.

Этот симбиоз вер и языков для историка языка благодетелен. Благодаря ему на этой территории сохранились уникальные образцы славянской речи, записанной арабским письмом. Есть 4 вида «литовско-польских» (в других терминах «белорусских») кыпчакско-татарских рукописей, писанных арабским письмом и переведенных с арабских и тюркских подлинников: 1. «Китабы» (или «Аль-китабы» от арабск. *kitab* ‘книга’, форма с определенным артиклем *al-kitab*). Эти тексты содержат богословские, нравственные и исторические рассуждения, религиозные истории и мифологические повествования. 2. «Тэфсиры» (от арабск. *tafsir* ‘комментарий, толкование’) представляют собой построчный

перевод текстов Корана на польский язык. 3. «Хамаилы» (от арабск. *hama'il* 'талисман') – маленькие куски бумаги с магическими заклинаниями. У одного из высших мусульманских духовных лиц (муфтия) Вильнюса хранились такие бумаги с записанными кириллицей частями Корана и их славянским переводом. Но большинство хамаилов, как и «далавары» (от тюркск. *dua-lar* 'молитвы'), написаны по-арабски или на одном из тюркских диалектов. 4. «Теджвиды» (от арабск. *tadjvid* 'правила верного чтения Корана') написаны «по-просту». В «западнорусских» (или «рутенских») текстах, переведенных с арабского или тюркского, встречаются ключевые термины, заимствованные из языка оригинала (например, арабск. *farz* 'нравственное обязательство, необходимое поведение'). Переводить на «просту мову» начали во второй половине XVI в., когда на нее переходит большинство татар, живших в Великом княжестве Литовском. Но потом рукописи копировались и в них вносились изменения, сближавшие переводы с разговорным языком. Последний специалист по такому изготовлению копий умер в 1979 г.: это был Лут Мухла, имам Довбучицкий. Как отмечает в своей книге Дини, дальнейшее развитие исследований в этой области может быть связано и с изучением взаимодействия языков в прибалтийской области. По мнению многих лингвистов, занявшихся этой проблемой в последние годы, эти языки образуют «циркумбалтийский языковой союз». В частности, с его существованием связывают некоторые из характерных явлений, объединяющие древненовгородский диалект с языками околбалтийской зоны. Значительный интерес представляют многочисленные следы контактов древненовгородского с нижненемецким, которые свидетельствуют о вовлечении Новгорода в систему междуганзейских языковых связей. Поставленный Исаченко вопрос о том, что было бы в случае другого исхода столкновения Москвы и Новгорода, можно было бы дополнить соображением о вероятном опережении Новгородом тех языковых связей с Европой, которые датируются послемосковским – петербургским – периодом.

Оглядываясь на более раннюю историю Восточной Европы, соположение религий и языков, напоминающее позднейшую картину Великого княжества Литовского, можно было бы предположить и в Хазарском царстве, отчасти предвосхитившем пестроту позднейших языковых конгломератов. Двигаясь еще дальше в пространстве и времени, с империями этого космополитического типа можно сравнить, с одной стороны, Византию, с другой, – целую россыпь языков (не меньше 30-ти) и вер, соседивших в Центральной Азии с Кушанским царством или его частично продолжавших.

Для современного мира характерно наличие десятков и сотен языков внутри одного государства (России, Индии, Пакистана, Ирана, Индонезии, Филиппин, ряда стран Африки, Бразилии, Мексики, Канады, США) в отличие от тех европейских стран с одним главным национальным языком, которые долгое время казались примерами основного пути языкового развития. Ошибочность этого традиционного узко-западноевропейского взгляда, в наше время приводящего к непрекращающемуся кровопролитию, лучше всего видна на таких примерах, как движение басков в Испании.

Когда немецкие романтики подступали к идее единства нации и языка, они не могли предположить всю степень опасности, заложенной для истории Европы в тех ложных толкованиях, которые эта тема позднее нашла в их собственной стране у Бисмарка и его последователей, а позднее у идеологов тоталитарных государств – не только в искажениях принципов сравнительного языкознания в нацистской расистской «арийской» пропаганде, но и в разглагольствованиях Сталина о признаках нации, потом им продолженных людоедской практикой в пору его откровенного русского шовинизма. На самом деле вся новейшая история Европы говорит о целесообразности взаимодействия и взаимообогащения двух и больше языков в пределах одной страны. Любая попытка заменить этот естественный процесс искусственным насильственным насаждением одного языка не имеет под собой научной почвы. Если даже «неразумные хазары» могли следовать куда более широким принципам, то приходится только удивиться нередко в наш век непониманию того, насколько важна терпимость не только в религии, но и в языковых и культурных отношениях между народами. В этом смысле учитывание старого опыта больших государств, внутри которых осуществлялась такая терпимость, кажется обязательным для наших современников. Поэтому языковое многообразие таких государств, как Великое княжество Литовское, по-прежнему остается одной из актуальных глав европейской истории.

13. Языки большого города

Большие языки современности сохраняются в диаспоре и в сочетании с другими в многоязычии при наличии компактных этнических групп. На всем протяжении многотысячелетней истории городов они отличались языковым многообразием.

Приведу кратко предварительные данные обследования языков Лос-Анджелеса. Всего в городе говорят примерно на 224 языках (т.е. почти все языки мира, на которых говорят в США, представлены здесь хотя бы одним или несколькими говорящими или большими группами населения). Наиболее распространены и используются в средствах массовой коммуникации (на специальных каналах и станциях телевидения и радио)

11 языков, из которых 5 входят в число 10 самых распространенных языков мира (китайский-байхуа, испанский, английский, русский, японский), а 3 других (корейский, вьетнамский, китайский кантонский) входят во вторую десятку самых распространенных языков мира. На материале этого одного города можно составить статистически правдоподобную картину, отчасти воспроизводящую соотношения в мире в целом и сходную с динамикой развития в некоторых других частях Америки. Самой многочисленной языковой группой города, включающей немногим меньше половины населения, является испаноязычная. Испанский язык представлен несколькими его латиноамериканскими вариантами, прежде всего мексиканским (на нем говорит значительная часть испаноязычного «чиканского» – *chicanos* – населения Лос-Анджелеса в его более южных и восточных частях), сальвадорским (главным образом в группе кварталов около Корейского города и Даун-Тауна – условной центральной части города) и гватемальским, аргентинским. Соотношение между уже достаточно далеко друг от друга отстоящими 19 диалектами латиноамериканского испанского языка представляет исключительный интерес для исторического языкознания. Обычно при обсуждении путей образования таких языковых семей, как индоевропейская, используется сравнение с романскими языками, развитие которых основывалось на различиях между местными вариантами вульгарной латыни в Римской империи после ее распада. Но едва ли не лучший пример подобной начальной дифференциации после миграции на большие расстояния далеко от первоначальной области распространения (что особенно важно и в случае индоевропейской семьи) представляют разошедшиеся друг от друга варианты латиноамериканского испанского. Также весьма существенной представляется проблема позднейших контактов и схождения разошедшихся диалектов. В Лос-Анджелесе группы выходцев из разных стран Центральной и Южной Америки оказываются в контакте друг с другом. Часть испанских диалектов несет на себе и следы контактов с местными америндейскими языками: так, употребление испанской клитики *lo* могло измениться под воздействием конструкций с *o*- в языке нахуатль. С этим вопросом соприкасается и проблема разного рода пиджинов (первичных результатов смешения и одновременного употребления двух языков) и креольских языков (с выработанной грамматикой, отличной от обоих исходных языков, при скрещении которых они возникли), основанных на испанском. К последним в широком смысле можно отнести и ладино – испано-еврейский язык сефардов, сохранявший некоторые архаические черты. В настоящее время число говорящих на ладино резко сократилось. Когда в букинистический

магазин в Лос-Анджелесе принесли стопку изданий на ладино, оказалось трудным найти человека, способного разобраться в этих текстах.

По частично обнародованным данным последней переписи населения (2 000 г.) для Лос-Анджелеса (как и для других больших городов не только граничащего с Мексикой юга Калифорнии, но и восточных штатов США) за последние 10 лет характерен рост именно испаноязычного населения. В Лос-Анджелесе к нему относится и очень значительное число нелегальных «чиканских» иммигрантов, ежегодно пересекающих мексиканскую границу (их число делает затруднительной окончательную оценку общего числа говорящих по-испански). Различия между языком этих иммигрантов, получающих самую низкооплачиваемую работу и занимающих, соответственно, самое низкое положение на общественной лестнице, и испанским языком и его диалектами и вариантами у других частей населения являются преимущественно социолингвистическими (а не только связанными с разницей в географии исходного диалекта).

В Лос-Анджелесе вторым по числу говорящих (около трети населения), но все еще первым по значимости в административной, политической, технологической, правовой, образовательной и экономической жизни города остается американский стандарт английского языка. Основная масса выходящих в городе изданий, показываемых в кино фильмах, большинство компьютерных программ, передач по телевидению и радио использует английский язык. Он оказывает существенное влияние на многие другие языки в городе и служит основой для целого ряда используемых в нем пиджинов, особенно легко образующихся в семьях с неравномерностью языковых возможностей разных поколений: при малом знании английского у старшего поколения, в отличие от младшего, возникают такие пиджины, как англо-корейский, англо-японский, англо-«чиканский», англо-цыганский и др. В Лос-Анджелесе используются и креольские языки, основанные на английском, как ямаикский. Из социолингвистических вариантов, по мнению многих, близких к превращению в особые языки, в последние годы значительное внимание привлекал к себе язык основной массы черного населения, так называемый *Eubonic* (Лос-Анджелес принадлежит к 5 городам США с самым обширным черным населением). Остаются предметами дискуссии его языковой статус, возможные (но пока точно не доказанные) связи с языками африканских предков черного населения и проявления креольского типа (например, в грамматическом своеобразии нулевой связки настоящего времени).

Хотя часть младшего поколения стремится к полному переходу на английский язык, в последние годы среди многих молодых эмигрантов

возникает стремление к возврату к языку родителей или родины. В связи с этим, как и из-за растущей роли испанского и нескольких других распространенных языков, сохраняемых внутри компактных групп населения (китайский в Китай-городах и т.п.), модель «переплавляющего котла», в котором все языки эмигрантов сливались бы в английский, если и остается верной для части языков, то с очень большими оговорками. Вероятно, что она полностью перестанет работать еще через одно поколение.

Третьим по численности в Лос-Анджелесе является армянское меньшинство (около полумиллиона говорящих на двух стандартных вариантах – восточном, распространенном в Армении, и западном, связанном с Ливаном и сопредельными странами; две трети выехавших из Армении за последние 20 лет поселились в Лос-Анджелесе, который стал самым населенным городом армянской диаспоры). Компактная группа армяноязычного населения обитает в Глендейле, где есть армянская библиотека, используемая как клуб (например, для выступлений приезжающих из Армении).

Четвертым из индоевропейских языков, представленных большими группами населения в Лос-Анджелесе, является фарси (в частности, в Вудвуде, где на главной улице расположены многочисленные бытовые предприятия и магазины с персидскими вывесками, магазины книг на фарси, как мусульманских, так и издаваемых левой эмиграцией, и т.д.). В вывесках на фарси, написанных арабским письмом, замечается комбинация персидских и арабских форм с заимствованными из английского: *Tehran Market* (название продовольственного магазина) и т.п.

На примере вещания на фарси можно рассмотреть некоторые из вопросов, возникающих в связи с использованием средств массовой коммуникации. Три радиостанции вещают на фарси из Лос-Анджелеса. На протяжении последних 13 лет работает по замкнутому каналу (closed-circuit) радиостанция KRSI (Голос Ирана), в настоящее время она помещается в Беверли Хиллз (престижный район города, расположенный близко к местам с преимущественно персидскоязычным населением в Вудвуде). Вначале она работала как часть системы общественного вещания, использующего частные пожертвования. Недавно она начала ежедневные двухчасовые передачи на Иран. Другая станция, KIRN, вещающая по-персидски из Лос-Анджелеса, начиная с августа 1999 г., в первое время существования ориентировалась почти исключительно на музыкальные передачи, избегая определенной политической направленности. Но перемены во вкусах большинства радиослушателей вынудили эту станцию увеличить объем новостей и обсуждений на фарси, которые теперь занимают до 70 % времени. По желанию публики

устраиваются прямые трансляции из Ирана. Директор программ станции Афшин Горгин принял на работу известного политического радиобозревателя Шахнавазхана, который теперь выступает вместе с другими корреспондентами.

Третья лос-анджелесская станция, KSMI (Национальный Голос Ирана), вещающая по-персидски, начала работать в конце сентября 2000 г. Ее учредителем и президентом стал Бехруз Насер, американец иранского происхождения, 20 лет занимавшийся бизнесом. К нему работать перешли некоторые из бывших сотрудников первой из перечисленных выше радиостанций (KRSI). Аудитория слушателей новой станции, вещающей через спутник, включает говорящих на фарси в США и других странах. На Иран двухчасовые передачи через спутник идут по 2 часа ежедневно. С лингвистической точки зрения существенны современные технические способы установления и сохранения связей по эфиру с Ираном. Такие средства связи позволяют поддерживать сообщение с родиной после эмиграции (на уровне отдельных людей важную роль в этом смысле играют телефонные разговоры, а в последнее время и электронная почта, несмотря на трудности, связанные с использованием нелатинских фонтов).

Пятый из языков индоевропейской семьи, представленных значительной группой населения в Лос-Анджелесе, – русский. Самой древней частью русскоязычного населения являются молокане, приехавшие в Лос-Анджелес больше чем сто лет назад из Мексики после выезда из России (где их преследовала официальная православная церковь). Хотя группа невелика по своему числу (порядка 5 тысяч говорящих), в восточном Лос-Анджелесе (к востоку от Даун-Тауна, где было их первоначальное место жительства), они до сих пор хорошо сохраняют свой диалект, который называют «молоканским»: член группы в ответ на вопрос о его языке сообщает, что говорит «по-молокански».

Первая (послереволюционная) волна эмиграции представлена в Лос-Анджелесе немногочисленными сохранившими язык людьми старшего поколения и преимущественно их детьми и внуками, многие из которых группируются, как и семьи детей эмигрантов второй (послевоенной) волны, вокруг православных церквей. Есть небольшое число русских художественных произведений, написанных и изданных по-русски эмигрантами двух первых волн (книга стихов В.Ф. Маркова).

Основная масса говорящих по-русски принадлежит к третьей волне, связанной с еврейской эмиграцией из СССР и (после его распада) из России и Украины (особенно Одессы) в последней четверти XX в. Районы Ферфакса и Западного Голливуда, где живет основная масса эмигрантов этого времени со своими семьями (с детьми, родившимися уже вне России), отличаются сочетанием черт и центров еврейской культуры

(синагоги, Еврейский культурный центр, в котором выступают вообще приезжающие из России), и русского языка (на вывесках, в книжных и продовольственных магазинах, в которых продаются эмигрантские и русские газеты). В семьях этого типа идиш за редкими исключениями ограничен самым старшим поколением (дедушек и бабушек), а молодежь знает его преимущественно как тайный код, на котором взрослые / старшие общались между собой (в последнее время наблюдается тенденция к возрождению идиш, молодежь смотрит старые нью-йоркские фильмы на идиш, слушает лекции об этом языке и практически им занимается с преподавателями). Иврит в преимущественно двуязычных русско-еврейских семьях известен тем членам семьи, кто приехал в США через Израиль, где занимался ивритом и на нем говорил. Древнееврейский язык Ветхого Завета отчасти известен тем, кто получил соответствующее образование в семьях, приехавших из Израиля. В православных семьях с помощью воскресных школ при православных церквях поддерживается знание русского извода церковнославянского. Представители младшего поколения, которые ездят в Россию и поддерживают связи с друзьями там, сохраняют и восстанавливают знание русского языка, который у многих эмигрантов старшего поколения подвергся сильному английскому влиянию (описанному с рядом преувеличений в не вполне серьезных сочинениях журналистов и лингвистов, где повторялись анекдоты, публикуемые в газетах). В языке младшего поколения отмечается потеря стилистической ценности слова, стирание границы между (молодежным) сленгом и стандартным языком, нарушение прагматической системы коммуникационных значимостей. Часть перемен в языке эмиграции была подготовлена диалектными (в частности, южнорусскими) особенностями, которые были в языке эмигрантов еще до их отъезда. Значительную помощь сохранению русского языка оказывают телевизионные передачи из России, за которыми большая часть русскоязычного населения следит регулярно: для того чтобы смотреть передачи НТВ (теперь соединение программ 4-го и 6-го российских каналов), во многих русскоязычных домах установлены специальные «тарелки».

Из языков Востока Азии в Лос-Анджелесе в двух основных вариантах представлен самый распространенный язык мира – китайский. В Лос-Анджелесе на нем говорит около четверти миллиона человек. Кроме давно существовавшего в Даун-Тауне старого Китай-города (China Town) возникла новая часть города с преимущественно китайским населением в Монтерей-парк. Используются в личном общении и в средствах массовой коммуникации два стандарта разговорного китайского языка – байхуа (путунхуа) и кантонский.

Один из центров компактного проживания японоязычного населения находится в Даун-Тауне в районе Малого Токио.

Корейский город с постоянно растущим населением возле главной деловой магистрали города Уилшир окончательно сформировался в последние десять лет после расовых беспорядков 1992 г., нацеленных главным образом против корейского населения, тогда в большой степени состоявшего из вновь прибывших. В Корейском городе значительное число корейских магазинов, фирм, агентств. В оформлении домов и улиц широко используется корейская письменность.

По числу говорящих (около 100 тысяч) турецкоязычная группа в Лос-Анджелесе больше аналогичных в других городах Америки.

В Орандж-Каунти, поблизости от основной части Лос-Анджелеса, образовалась группа вьетнамцев, насчитывающая около 70 000 говорящих и представляющая собой одну из самых больших компактных групп вьетнамского населения за пределами Вьетнама. В расположенном в этом районе Маленьком Сайгоне около полутора тысяч небольших предприятий и деловых учреждений, обслуживающих местное население. Основная его масса неграмотна и находится ниже черты бедности.

Весьма тягостна также общая картина жизни большой группы говорящих на кхмерском языке беженцев из Камбоджи, укrywшихся в свое время от Пол Пота. Они обосновались компактной группой на Лонг-Бич. Представители старшего поколения многоязычны, знают французский и китайский. Для трехязычных кхмеров английский оказывается четвертым языком, который они начинают учить по приезде в Лос-Анджелес. Есть много смешанных китайско-кхмерских семей, где старшее поколение хорошо говорит по-китайски. Элементы китайского языка используются и в сленге кхмерской молодежи. Смешение разных языков и использование пиджина, на этом основанного, в качестве койне представляет отличительную особенность групп, эмигрировавших из Юго-Восточной и Восточной Азии. Двужычие при параллельном использовании тайского языка характерно для тайской общины. Хотя число говорящих на языке хмонг, переселившихся из Лаоса после убийства религиозного лидера Шонг Луэ (изобретателя письма *paḥawh Nmong*, в Лос-Анджелесе невелико, в городе и к югу от него есть люди, не только говорящие на этом языке, но и применяющие для записи и чтения текстов на нем систему письма *paḥawh Nmong*. Несколько лет назад с помощью вьетнамцев, работающих в коммерческих фирмах, была устроена в Лос-Анджелесе выставка произведений народного искусства хмонг.

К числу наиболее распространенных языков Лос-Анджелеса принадлежит также тагальский – главный язык острова Лусон на Филиппинах и основной язык Филиппин как государства. В Лос-

Анджелесе живут большие группы выходцев с островов Полинезии, говорящие на самоанском, тонга и других австронезийских языках.

Весьма существенной по числу говорящих в Лос-Анджелесе (как в целом в Калифорнии) является арабоязычная группа населения. Арабский язык представлен значительным числом местных вариантов, сильно отличающихся от классического арабского.

Существует группа выходцев из Бразилии, говорящих на бразильском варианте португальского, но среди них много нелегальных иммигрантов, поэтому установить их общее число нелегко.

Около половины эмигрантов из Аргентины по языку своего детства и по языку родителей связаны с итальянским, но у младших поколений язык уже не сохранился.

Начиная с XIX в., в Лос-Анджелесе жила большая группа немецкого населения, издавалась немецкая газета, в языке которой отразились местные диалектные особенности. В нацистское время город привлек многих известных писателей (Томас Манн, Леон Фейхтвангер), композиторов (Шёнберг), ученых (Карнап, Рейхенбах), вынужденных эмигрировать из Германии и Австрии. Большая вилла Фейхтвангера «Аврора», на которой писатель жил до самой смерти, остается одним из культурных центров для немецкоязычного населения (здесь хранится и часть огромной библиотеки писателя, частично переданной в Университет Южной Калифорнии в Даун-Тауне; в этом университете хранился и архив Шёнберга, в недавнее время по желанию его наследников возвращенный в Вену). Немецкая публичная библиотека есть в Институте Гёте, остающегося основным культурным центром для немецкоязычного населения города. В нем устраиваются выступления авторов, приезжающих из Германии (большую аудиторию несколько лет назад собрала Криста Вольф, читавшая отрывки из своих сочинений).

Число читающих на французском языке сокращается. Об этом свидетельствует, в частности, состоявшееся в 2001 г. закрытие большого французского книжного магазина «Cité» (одной из причин могла быть также конкуренция с системой продажи книг через Интернет и относительно очень высокие цены на книги для интеллектуалов, преимущественно продававшиеся в магазине). Существует школа, где преподавание идет полностью по-французски. Кроме детей консульских работников, в ней учатся также и выходцы из богатых собственно американских семей: элитарность этого и некоторых других учебных заведений определяется очень высокой платой за обучение.

Особенностью сложившихся в последнее время групп населения, говорящих на языках, которые представлены в Лос-Анджелесе относительно малочисленными компактными группами, является

связывание разных (религиозных, культурных, политических) форм объединения в одно целое. Болгарское сообщество (в которое входят и многие говорящие на македонском языке) собирается во время служб в двух православных церквях. На верхнем этаже здания, где находится православная церковь, работает ресторан, служащий также местом политических обсуждений. Почти единодушная монархическая ориентация собирающихся здесь эмигрантов выразилась в том, что зал был еще несколько лет назад украшен большим портретом царя (тогда еще в изгнании – до его триумфального возвращения на родину).

Особенности относительно небольших групп населения, прибывших первоначально из (Юго-)Восточной Европы, можно рассмотреть на примере цыганской общины (около 5 тыс., одна из самых больших групп цыган в США). Первая волна цыган-иммигрантов прибыла в Лос-Анджелес в начале XX в. главным образом с Балкан, из бывшей Турецкой (Османской) Империи (теперешней Сербии и прилегающих областей). Местные цыгане, происходящие от этой первой волны, большей частью говорят на мачванском диалекте (от сербск. *Маиша*), принадлежащем к влашской группе цыганских диалектов. Следующие волны цыганских (как и других европейских) иммигрантов приезжали в конце каждой из двух мировых войн из Восточной Европы (теперешней Украины и России). Они и их потомки, составляющие большинство цыганского населения города, говорят на калдерашском (калдэрэрском) диалекте той же влашской группы. Они живут в разных частях Лос-Анджелеса (в частности, в Западном Голливуде и Даун-Тауне), часто меняют место жительства, сохраняя отчасти навыки кочевой жизни. Язык поддерживается только общением внутри семьи и общины, школьное обучение и средства массовой информации на цыганском языке отсутствуют. Все члены общины многоязычны, каждый из них понимает оба диалекта (хотя мачванский менее употребителен) и говорит хотя бы на одном из них. Но, кроме того, цыгане в повседневной жизни преимущественно говорят на двух основных языках города – на английском и испанском – и часто хотя бы в ограниченном объеме на языках Юго-Восточной и Восточной Европы (сербском, болгарском, румынском, албанском, новогреческом – демотике, украинском и русском). Хотя цыганская община рассеяна по городу, тем не менее она сохраняет отдельное обособленное существование. В разговорах между цыганами, которые называют себя *rom* («цыганин, говорящий по-цыгански»), все остальные жители города, не говорящие по-цыгански, обозначаются как *gadzo* (не-цыганин). Противопоставление *rom* – *gadzo* можно рассматривать как частный случай общепсихологического различия *чистый* – *нечистый*. В общении между цыганами широко применяется пиджин, основанный на цыганском с

использованием очень значительного числа английских слов, нередко составляющих большую часть всего высказывания. Два собственно цыганских диалекта (калдерашский и мачванский) используются только в случаях секретного разговора, а также в ругательствах и беседах сентиментального характера (объяснение в любви). Для соблюдения секретности особенно пригоден мачванский диалект, за пределами Лос-Анджелеса малоизвестный (по этой причине он и в научной литературе почти не описан). Употребление цыганского языка в ругательствах и в беседах повышено эмоционального свойства согласовалось бы с предположением о его правополушарной соотнесенности в отличие от левополушарной у английского (и, возможно, испанского) у тех же индивидов. Что же касается ругательств на цыганском языке, их семантика (внутренняя форма) и синтаксическая структура полностью сохраняют тождество восточнославянским выражениям, в этом варианте цыганского калькированным с русского или украинского. Если разговор идет между представителями двух диалектов, каждый из них употребляется по очереди. Поэтому каждый говорящий пассивно знает оба диалекта, хотя говорит обычно только на одном из них. Дети больше говорят по-английски, вставляя некоторые цыганские слова. Но они пассивно овладевают языком, понимают его и могут на нем говорить. По мере взросления они все больше говорят по-цыгански. Цыганский считается языком взрослого мужчины, повзрослев, молодой человек начинает больше на нем говорить, что выглядит как языковой аналог ритуала инициации (похожие явления наблюдаются и в других языках и объясняют устойчивость пожилой группы говорящих на протяжении ряда поколений в языках, которые без достаточных оснований причисляются к вымирающим).

Некоторые грамматические черты обоих диалектов цыганского языка (отсутствие подлинного инфинитива, заменяемого личными глагольными формами, употребление артиклей) и такие фонологические признаки, как наличие двух гласных фонем среднего ряда, показывают устойчивость отраженных в них характеристик балканского языкового союза, некоторые другие члены которого (болгарский, румынский, новогреческий) тоже относятся к числу языков Лос-Анджелеса. Вместе с тем набор оппозиций в системе согласных (как и тип динамического интенсивного словесного ударения) совместим с допущением о вхождении языка в евразийский языковой союз, также широко представленный среди языков Лос-Анджелеса.

Современный большой город обладает большим числом учебных заведений, дающих образование, в том числе и языковое, разных уровней. Около 91 языка (несколько меньше половины всех языков города)

преподается в школах – общественных, церковных, частных. Есть школы (например, французская), где преподавание всех основных предметов ведется на одном иностранном языке (плата за обучение не для французов очень высокая, поэтому здесь система приближается к кастовой). Наряду с новыми центрами образования значительную роль в жизни города по традиции играют церкви, храмы, религиозные центры разных вероисповеданий. В церковных школах преподаются священные языки: кроме уже названных древнееврейского и церковнославянского можно отметить классический арабский и коптский. Последний преподают в ряде коптских церквей, посещаемых многими коптами-христианами, чей разговорный язык – египетский вариант арабского. В центрах буддистского просвещения преподается классический письменный тибетский язык.

Из мертвых языков Европы, важных для современной культуры, но отчасти также и для некоторых (юридических, медицинских) сторон современной жизни, в Лос-Анджелесе уделяется внимание латинскому языку. Совместными усилиями Университета Калифорнии в Лос-Анджелесе и Центра Гетти создается программа Виртуальной Реальности Рима. На базе виллы Гетти, построенной по образцу римских вилл знатных людей, предполагается создать условия для восприятия с помощью современной техники культуры и быта древнего Рима, виртуальный образ которого за определенную (большую) сумму посещает клиент программы. Общение с ним должно вестись на латыни. Программа вступает в действие в ближайшие годы.

Первоначальными языками той местности, где возник потом город Лос-Анджелес, были америндейские языки юто-ацтекской группы, известные как габриелено (название этому и нескольким другим языкам юто-ацтекской группы было дано испанскими монахами соответствующих миссий), отчасти уже только или преимущественно по сохранившимся архивным материалам. Язык кахуилла, на котором говорили в деревушке с пятьюдесятью жителями в районе нынешней Сен-Фернандо-Вэллей, еще сохраняется в отдалении от города в районе Палм-Спрингз, в пустыне Мохейв и проходе Сан-Горгонио; общее число говорящих в 1990 г. составляло 35 человек. В это же время на лусеньо говорило 43 человека; об умирании серрано см. выше. По мере распространения языков иммигрантов языки туземного населения были почти полностью вытеснены. Названные языки юто-ацтекской группы, на которых перед созданием города Лос-Анджелеса говорили на территории предшествовавшего ему поселения Yanga, сами не были исконными на этой территории. До их прихода с юга основными языками этого района были еще сохранившиеся в XIX в. диалекты чумаш (по одной из классификаций туземных америндейских языков составляют особую группу).

На протяжении почти шеститысячелетней письменной истории больших городов (а возможно и в предшествующий дописьменный период, о котором можно судить по фольклорным и другим косвенным свидетельствам) после неолитической («городской» по археологу Чайлду) революции они отличались наличием нескольких языков, используемых одновременно (как в Эбле, Угарите, Хаттусасе); в редких случаях, когда этого нет, обычно сосуществование многих других систем знаков (как в Афинах времени Перикла). Исключительное языковое разнообразие, характерное для таких городов – мегалополисов новейшего времени, как североамериканские (Торонто, Нью-Йорк, Чикаго, Бостон), можно пояснить приведенным примером Лос-Анджелеса.

14. Языковая биография личности

Нейролингвистические данные показывают, что новорожденный уже отличает голос матери от других звуков, в частности музыкальных. Можно думать, что языковое развитие начинается еще в эмбриональном периоде и продолжается всю жизнь. Большая литература посвящена изучению языка ребенка в его становлении. На проведенных в середине 1990-х гг. конференциях в Москве (в Голицыно) и Женеве, посвященных памяти Выготского и Пиаже, я убедился в том, что вслед за этими крупнейшими психологами прошлого века большинство исследователей сосредоточено на изучении сменяющих друг друга периодов развития. Для лингвиста одной из увлекательных задач остается изучение младенческого лепета, предшествующего усвоению родного языка. С одной стороны, в нем можно увидеть вероятную тренировку на произнесение любых звуков, в том числе и таких, которые могут не встречаться в языковом окружении младенца (как щелкающие звуки – clicks, присущие только койсанским языкам и другим соседним с ними языкам Южной Африки – семьи банту и, по ван Гиннекену, принадлежащих к остаткам древнейшего устного языка; мне случалось слышать их в лепете московских младенцев). С другой стороны, работы по глоссолалии (в частности, последняя книга Якобсона и Во) позволяют предположить, что некоторые тенденции к предпочтению определенных как бы экзотических звуко сочетаний (не только у поэтов, но и у крестьян – членов секты «глаголящих») могут восходить к этому раннему возрасту (я бы, например, предложил дать такую гадательную интерпретацию признанию Пастернака относительно особого значения для него звучания таких слов, как *магний*). На этом пути кажется возможным искать и корни поэтической звуковой зауми, приобретшей особое значение у таких поэтов минувшего века, как Хлебников и Арто (оба они представляют редкие примеры полного выявления индивидуального языкового творчества).

Ко времени после усвоения родного языка относятся «лепые нелепицы», занимавшие Чуковского и имитированные задолго до него любимыми детскими писателями, в частности Кэрроллом, который по этой причине оказался созвучен сюрреалистам – раннему Арагону и тому же Арто. Дети любят грамматически правильно построенные бессмысленные или противоречащие обычным смысловым правилам тексты, потому что сами их строят. Как позднее (после писателей и психологов) поняли логики и лингвисты (Карнап и Щерба), подобные тексты важны для понимания отличия грамматических значений от лексических.

Раннее усвоение двух или более языков может наложить печать на все последующее развитие ребенка и взрослого. В русской традиции знаменателен пример двуязычия Пушкина. Короткие планы произведений, написанные им по-французски, вместе с другими его французскими текстами позволяют предположить, что два основных его языка различались функционально: языком поэтического выражения по преимуществу был русский (я не исключаю и отчасти подобную роль для него итальянского в последние годы жизни, когда он им владел достаточно свободно, но как языком разговора и поэтического чтения, т.е. восприятия). А французский (как и у многих его современников, друзей, корреспондентов и собеседников, как Чаадаев) был главным языком логического рассуждения (скорее всего, левополушарного; в том же смысле вспомогательную роль мог играть латинский, ср. его терминологическое употребление в «Путешествии в Арзрум»). Такая же логически-рассудительная роль французского языка очевидна в дипломатической, публицистической и политической сторонах жизни Тютчева. Но русский оставался, как и у Пушкина, основным средством для его поэзии и языком повседневного общения вне салонов, когда он бывал на родине. С такими интеллектуальными собеседниками, как Гейне, Тютчев разговаривал по-французски (это был основной язык салонного общения в тогдашнем Мюнхене, где они встречались). Но в тех стихах, которые, как показал Тынянов, навеяны Гейне, Тютчев явно следует ритму и звукописи немецкого подлинника (ср. *Es treibt dich fort vom Ort zu Ort – Из края в край, из града в град*). Немецкий должен был иметь значение и в повседневной жизни для Тютчева в двух его браках с немками. Иначе говоря, по своей функции немецкий язык у него мог оказываться ближе к русскому, чем к французскому.

Проведенные в последние десятилетия нейролингвистические исследования показали, что при полном сходстве функций двух языков в многоязычном обществе (например, английского и китайского в Сингапуре) они почти одинаковым образом представлены в доминантном

полушарии. Но возможны и ситуации не только разделения языков по полушариям, но и наличие нейролингвистического конфликта между ними.

Выдающемуся немецкому лингвисту Леви принадлежат увлекательные исследования о языке старого Гёте, где показаны значительные языковые различия, связанные с возрастом и напоминающие у пожилого автора типологию классического санскрита. Леви задавал вопрос, можно ли найти аналогичные явления в языке других писателей, продолжавших сочинять до глубокой старости, как Лев Толстой. Эта «герантологическая» область лингвистики остается малоразработанной, как и поставленная в этих работах Леви проблема языка отдельной личности.

Было бы важно наметить языковые периоды, отличающие разные времена в жизни человека, оставившего по себе словесные свидетельства, как школьные латинские стихотворные тексты Рембо, где уже выражена архетипическая тема призвания поэта, французские стихи и проза совсем юного Рембо и его же позднейшие письма из Африки.

Изучены отдельные трагические повороты языковой судьбы. В стихотворении «Horloge» Бодлер приписывает своим часам способность говорить на любом языке и ставит рядом равнозначные английское *Remember!*, французское *Souviens-toi!* и латинское *Esto memor!* В свой сборник, где во французских стихотворениях немало отдельных латинских речений, вместе с французскими стихами он включает и стихотворение на латыни, стилизующее позднюю рифмованную поэзию. С английского он много переводит (Эдгара По и Де Квинси).

Бодлер болел сифилисом и в конце жизни почти полностью потерял речь. Единственное, что он мог произнести (по-видимому, правым полушарием, сохранявшим эту способность и после полного разрушения речевых зон левого полушария), было богохульственное французское ругательство.

Роман Якобсон изучил языковую сторону катастрофы, пережитой другим великим поэтом, Гёльдерлином. После того как с ним порвала его любимая женщина (та, которой, называя ее Диотимой, он посвятил лучшие свои стихи), Гёльдерлин переменялся, по мнению психиатров, заболел паранойей. Он продолжал писать стихи. Но из них исчезают эгоцентрические слова, себя поэт называет различными именами (преимущественно итальянскими), избегая шифтера – личного местоимения «я» (ср. у того же Рембо высказывание «я – это другой», привлечшее внимание Бенвениста и интересное для понимания Другого, ставшего после Когена, Бахтина и Бубера одной из главных тем философии XX в.). Демографы уверяют, что в скором времени в развитых

странах пожилые люди составят едва ли не основную часть населения. В этом случае из перечисленных проблем самой острой станет язык в старости и его возможное консервирующее влияние на историю языка общества в целом.

Возникает вопрос: в какой мере предложения по улучшению словоупотребления, в котором представители старшего поколения (например, такие маститые писатели, как Солженицын) видят ошибки и отступления от духа языка у младших по возрасту групп говорящих, в самом деле отражают собственно языковые процессы или же по существу являются просто свидетельствами соответствующих биологических и социальных различий? Особенно наглядно это проявляется по отношению к таким слоям лексики, которые быстрее всего обновляются в каждом следующем поколении, как слэнг и вообще слова с эмоциональным звучанием. Автор (как, скажем, Бродский) после вынужденного отъезда из России может продолжать пользоваться в своих произведениях словами этого рода, которые к тому времени в разговорном языке уже оказываются замененными другими синонимами. Литература может закреплять словоупотребление, расходящееся с тем, которое преобладает в современной речи.

15. Методы реконструкции и их роль

Проблема реконструкции представляет интерес для всех наук, исследующих изменение во времени и имеющих дело с косвенными данными, по которым можно пытаться восстановить прошлое (в связи с реконструкцией детства как задачей психологии об этом писал еще в 1920-е гг. Л.С. Выготский, использовавший интересные теоретические работы тех лет, специально посвященные этому вопросу). Хотя большинство естественных наук достаточно интенсивно занимается «историей времени» (Хокинг) и восстановлением ранних или исходных состояний (Большой взрыв и т.п.) и сделаны первые шаги в построении временных логик (прежде всего Прайором), еще предстоит последовательно сравнить соответствующие выводы в этих науках и в тех гуманитарных дисциплинах, которые (как сравнительно-историческое языкознание) давно заняты решением аналогичных задач. Основой для реконструкции в современной лингвистике является выявление элементов более древней системы внутри данного языка, т.е. внутренняя реконструкция (в отличие от внешней, опирающейся на сравнение с другими языками). Такие архаизмы в современном языке выделяются благодаря их изолированному положению в системе: например, в русском языке глаголы бытия (рус. *есть* – *суть*, причем последняя форма в отличие от нем. *sind* или франц. *sont* стилистически ограничена, встречается в учебниках математики, в поэзии, например, как бы в качестве

окаменевшей цитаты из учебника или стилистически используемого вульгаризма у Бродского), тип склонения слова *путь*, формы личных местоимений: *мы – нас* и т.д. Многие такие пережиточные древние формы сохраняются в часто употребляемых словах: реконструкция может опираться на статистические характеристики слов и форм. Поскольку подавляющее большинство языков являются смешанными, т.е. содержат (в разных количественных соотношениях) элементы, полученные из разных языков, им предшествовавших или на них в разное время повлиявших, одной из важных задач при внутренней реконструкции оказывается вычленение такого слоя в языке, который принадлежит другому языку, в случае русского – прежде всего, церковнославянскому (в его русском изводе). На следующем этапе проводится сравнение данного языка (и выявленных в нем разных слоев, связанных с заимствованиями) с другими языками. Каждый язык может быть представлен как результат преобразования во времени предшествовавшего ему языка, например, современный русский язык является результатом преобразования во времени древнерусского языка, а этот последний восходит к общеславянскому праязыку. Все славянские языки происходят из диалектов этого праязыка, который реконструируется на основании сравнения их всех друг с другом при учете предварительных результатов внутренней реконструкции. Но русский язык представляет собой соединение множества L_T основных элементов, прямо продолжающих древневосточнославянский древнерусский диалект, с очень большим числом элементов множества L_S , восходящих к церковнославянскому и более древнему старославянскому (исторически южнославянскому) диалекту, чем объясняются, например, такие дублеты, как рус. *ж* : старослав. *жд* – *надежный* : *надежда*, *межа* : *между* и т. д.

Реконструкция предшествующего состояния может быть описана как восстановление такого процесса перекодирования, при котором каждое слово (и его составляющие – морфологические и звуковые части – морфемы и фонемы), относившееся к более древнему состоянию языка, заменяется соответствующим ему словом, отвечающим более позднему состоянию языка. Иначе говоря, при передаче языковых сообщений по каналам связи между поколениями осуществляется перекодирование (с частым искажением, как и в случае мутации при передаче генетической информации). В теории Шеннона рассматривается случай, когда имеются два разных кода, с помощью которых кодируется язык. Именно этот случай представляется наилучшей моделью для описания изменения языка во времени. Каждая праславянская праязыковая форма, входившая в набор элементов праязыка $L_{com\ sl}$, заменяется в L_T соответствующей формой, перекодированной согласно звуковым законам исторической фонетики

древнерусского языка, а в L_s – формой, отвечающей правилам исторической фонетики старославянского языка. В реальных древнерусских текстах обнаруживается оба типа отображений исходных праславянских форм. В качестве иллюстрации можно привести найденный в 2000 г. новгородской археологической экспедицией текст псалтыри. Он представляет собой древнейший датируемый старославянский документ рубежа X и XI вв. н.э. (скорее всего, первого десятилетия XI в.), соответственно в нем еры (редуцированные сверхкраткие гласные $\text{ь} = \text{сверхкраткое } u$ и $\text{ь} = \text{сверхкраткое } i$) уже перекодированы по правилам старославянской фонетики. В древнерусском языке этого времени эти фонемы еще сохраняются, не подвергаясь изменениям. Псалтырь, переведенная с греческого старославянским монахом, была переписана древнерусским писцом. Поэтому на начальных страницах псалтыри отражена старославянская звуковая форма соответствующих слов, а в последующей части текста уставший древнерусский переписчик в ряде случаев меняет звуковую форму слов в согласии с древнерусским произношением, в отношении еров еще близким к праславянскому.

Случай, подобный русскому языку, когда оба языка (кода), исторически предшествующих данному, родственны друг другу (т.е. восходят к диалектам одного и того же праязыка), встречается достаточно часто: например, таково соотношение германских элементов раннедревнеанглийского (западногерманского) и древнескандинавского (северногерманского) происхождения в английском, греческого и индоевропейского догреческого происхождения в греческом, латышского и балтийского куршского в латышском и т.п. Но возможно и заимствование большой группы слов из неродственного языка, например, ранние китайские заимствования в японском. Можно изучать сравнительным способом фонетические соответствия между японскими числительными древнекитайского происхождения и сходными элементами в таких исходно родственных китайскому языках, как классический тибетский. Но рядом с заимствованными числительными в японском употребляются и исконные слова алтайского происхождения, имеющие соответствия в корейском, тунгусо-маньчжурском, монгольском, тюркском.

Реконструкция, или «постсказание», (*postdiction* по Хемпелю) может быть проверена или фальсифицирована (в попперовском смысле) при открытии таких новых данных, которые не были известны в то время, когда осуществлялась реконструкция. Так, например, происхождение аффрикаты типа $*c$ из палатализованного $*k$ перед гласным переднего ряда, образовавшимся из древнего дифтонга, подтвердилось при недавнем открытии исключительного архаизма древненовгородского и

древнепсковского диалектов, где в берестяных грамотах еще сохраняется праславянский облик соответствующих слов. В наиболее восточной ветви индоевропейских языков – тохарских языках Восточного (Китайского) Туркестана – письменные памятники которых, относящиеся ко 2-й половине I тыс. н.э., дешифрованы около столетия назад, найдены подтверждения таким реконструкциям, как *gēki ‘слова, речь’ для праслав. *gēci (откуда русск. речь). Для методологии сравнительно-исторического языкознания большое значение имело подтверждение большого числа индоевропейских реконструкций при дешифровке хеттского и других древних индоевропейских языков Малой Азии. Особенно существенным достижением явилось установление Куриловичем соответствия хеттского h и гипотетической индоевропейской фонемы, за 50 лет до этого восстановленной Ф. де Соссюром благодаря внутренней реконструкции внутри индоевропейского праязыка.

Открытия последних лет продемонстрировали возможность проверки очень точных предсказаний, касающихся слов, заимствованных одним языком из другого, отдаленно ему родственного. В 1974 г. выдающийся иранист М. Шварц опубликовал список ряда тохарских слов, в которых он предположил заимствования из тогда незасвидетельствованных слов восточноиранского бактрийского языка, известного в то время лишь по немногим текстам. Крупнейшее достижение иранского языкознания, состоящее в обнаружении очень большого числа (порядка сотни) бактрийских документов, позволило через четверть века подтвердить догадку Шварца: во вновь обнаруженных бактрийских текстах найдены такие реконструированные им раньше слова, как бактр. αγαλυο: тохар. В akālk, A ākāl ‘желаемый’; бактр. φροцууο: тохар. В rḡamañk ‘надежда’; двоякая реконструкция многоступенчатого заимствования была осуществлена Шварцем в отношении нескольких слов среднеиндийского пракрита Крорайны (Лулана), тексты на котором написаны индийским письмом кхароштли. Эти слова заимствованы из бактрийского в тохарский, откуда в пракрит крорайнских текстов.

Другой чертой современного периода в развитии сравнительно-исторических исследований является распространение методов реконструкции на большие отрезки текстов. Оказывается возможным восстановление не только отдельных слов, но и целых мифопоэтических формул и фрагментов текстов.

В частности, для индоевропейской мифопоэтической традиции оказывается возможным восстановление древнейших стихотворных схем, из которых выводится дальнейшее развитие стиха в отдельных литературах. Здесь также осуществлена проверка предложенных ранее реконструкций. Исследованные в последние годы образцы анатолийских

(хеттских и лувийских) стихов и песен подтверждают некоторые из метрических схем, раньше предложенных для общеиндоевропейского. Реконструкция возможных метрических схем зависит от тех особенностей слоговой и акцентуационной структуры словаря и текстов, восстановление которых может быть достигнуто с помощью сравнительного языкознания и ограничено его пределами.

Возможности реконструкции соответствующих характеристик архаического индоевропейского стиха и его языка (*Indogermanische Dichtersprache*) определяются крайней консервативностью соответствующих традиций. В поэзии на древних индоевропейских языках на протяжении тысячелетий сохраняются с минимальными изменениями метрические схемы поэтических формул, путем монтажа которых образуется стихотворный текст. Эта установка на повторение старой формулы характеризует «холодные» культуры (термин Леви-Строса) в отличие от «горячих», которые стремятся к построению принципиально новых текстов (несущих поэтому максимальное количество информации).

Но в той мере, в какой возможности авторов литературных текстов не исчерпываются теми вероятными применениями метра, которые зависят от просодических особенностей данного языка, по отношению к литературе в еще большей степени, чем применительно к языку, на первый план выдвигаются возможности, связанные с культурными влияниями. Поэтому, скажем, для ранней римской (латинской) драматургии существенное значение может иметь реконструкция на основе этрусских и пунических прообразов.

Мысли фон Вригта о применении теории информации к истории делают вероятным приложение некоторых из изложенных соображений и к другим гуманитарным наукам. Сравнение ученого, производящего реконструкцию, с детективом, намеченное еще в методологической работе лингвиста А. И. Смирницкого о сравнительно-историческом языкознании, было развернуто в исследовании методов истории у Хинтикки в связи с изучением возможностей абдукции (тем же кругом идей и той же метафорой детектива в ее сюжетном воплощении объясняется структура романа Эко «Имя розы» и направление примыкающих к нему эссеистических сочинений того же автора об абдукции). Проблема «улик», на основе которых строит свои выводы историк, и методов реконструкции события на их основе объединяет разные науки, занятые восстановлением прошлого. «Машина времени», построенная сравнительно-историческим языкознанием, не только может служить методологическим (часто пока недостижимым) образцом для других наук, решающих на своем материале сходные задачи, но и в принципе может способствовать объединению разных реконструкций прошлого: лингвистических, археологических,

антропологических. Существуют многие области словаря древних праязыков, где сопоставление с данными других наук необходимо (например, при изучении и реконструкции названий металлов, домашних животных и растений). На этом пути возможна не только взаимная проверка выводов, полученных независимо друг от друга, но и определение древнего расселения носителей праязыков и направлений их ранних миграций, приведших к диалектному членению.

16. Связи между макросемьями

Особенностью того развития, которое сравнительно-историческое языкознание получило на протяжении прошлого века, в особенности благодаря работам В. М. Иллича-Свитыча и его последователей, является практически неограниченное углубление реконструкции. Каждый раз выбирается определенный хронологический срез, для которого проводится реконструкция. Этот срез определяется числом и характером языков, которые по правилам исторической фонетики и грамматики сравниваются с данным, и соответствующими лексико-статистическими подсчетами. За праславянской реконструкцией, относимой к второй половине I тыс. н.э., при движении в глубь лингвистического времени следует получаемая благодаря сравнению славянского с восточнобалтийским (литовским, латышским и близким к ним диалектам) и западнобалтийским (прусским и другими вымершими языками, известными по скудным данным) реконструкция существовавшего не меньше чем за тысячелетие до этого гипотетического балто-славянского праязыка. К IV–V тыс. до н.э. по выводам лексикостатистики (глоттохронологии) в согласии с другими данными, относится реконструируемый на основании сравнения балто-славянского с другими индоевропейскими языками общеиндоевропейский праязык. Результаты его восстановления можно соотнести с реконструкцией, выполненной для другой группы предположительно родственных языков. Эту операцию можно повторять несколько раз. Ограничения накладываются только изнашиванием морфов и изменениями базисного словаря. Однако число сохраняющихся элементов и, соответственно, надежность реконструкции при таком удалении в прошлое существенно уменьшается.

Как установил Иллич-Свитыч, индоевропейский праязык входит в более обширную ностратическую макросемью. Лежащий в основе всех ее диалектов ностратический праязык может быть реконструирован для времени ранее 10 000 лет до н.э. Начатые в недавнее время сравнения ностратической макросемьи с другими основными макросемьями позволяют надеяться на реконструкцию некоторых элементов вероятного исходного языка, на котором могли говорить около 50 000 лет до н.э. его

носители – первые представители *Homo Sapiens Sapiens*, которые к этому времени переселяются из Африки.

На протяжении будущего столетия можно надеяться на уточнение отношений между основными макросемьями языков мира (с праязыками древнее 10 000 лет), как и в пределах каждой из этих семей:

I. Ностратическая (по В. М. Илличу-Свитычу и его последователям включает семьи: индоевропейскую, картвельскую, уральскую – финно-угро-самодийскую и юкагирский, алтайскую – тюркский, монгольский, тунгусо-маньчжурский, корейский и японский, эламско-дравидийскую, а также, вероятно, «евразийские» по Гринбергу: эскимосско-алеутский и чукото-корякский; положение нивхского и айнского, сопоставляемого также с аустро-тайским, проблематично).

II. Афразиатская (семито-хамитская) (по В. М. Илличу-Свитычу входит в ностратическую макросемью).

III. Севернокавказско-енисейско-сино-тибетская (+ на-дене?) (в эту макросемью могли также входить отдельные изолированные языки Евразии: баскский, бурушаски, мертвые языки Ближнего Востока: шумерский).

IV. Аустро-тайская (в эту макросемью включаются австронезийские, в том числе малайско-полинезийские языки, а также мяо-яо и тайские).

V. Австроазиатская (в эту макросемью включаются вьетмыонгские языки, мон-кхмер, мунда); предположено отдаленное родство этой семьи с аустро-тайской; в этом случае они возводятся к одной аустрической макро-макросемье.

VI. Австралийская.

VII. Индотихоокеанская (по Гринбергу; папуасские языки и другие языки района Новой Гвинеи недостаточно описаны).

VIII. Американдейская (по Сепиру-Суодешу, Гринбергу, Мейтсон).

IX. Нило-сахарская (по Гринбергу, макросемья недостаточно исследована; часть языков обнаруживает сходство с ностратическими).

X. Конго-кордофанская (макросемья состоит из нигеро-конголезской и кордофанской; она может быть родственна нило-сахарской макро-макросемье; в этом случае они возводятся к одной конго-сахарской или «суданской» макро-макросемье).

XI. Койсанская.

Поскольку нарисованная генетиками (Кавалли-Сфорца и др.) картина древнейшего расселения человечества предполагает наличие хотя бы примитивных способов передвижения по воде, кажется полезным сравнение предполагаемой лексики мореплавания в разных (макро)семьях.

Согласно этой генетической реконструкции, предки современного человека, двигаясь по воде (вдоль берега?) из части Африки, соответствующей современной Эфиопии и Сомали, переселяются в направлении Аравии, Индии и Юго-Восточной Азии. На протяжении примерно 10 000 лет это движение, около 40 000 лет назад, приводит их в Австралию, на острова Тихого Океана и к Америке. Другая часть переселенцев из центральной Евразии, куда они приходят с юга, движется на Запад и постепенно овладевает Европой, уничтожая там и на Ближнем Востоке неандертальцев (до того препятствовавших непосредственному переселению из Африки через Синайский перешеек, в обход чего и было предпринято описанное сложное движение). С этой схемой расселения, полученной генетиками, согласуется лингвистическая гипотеза о древнем отдаленном родстве подавляющего числа существующих языков (возможное исключение могут составлять такие стоящие обособленно языки Юга Африки, как койсанские, но с исторической точки зрения они недостаточно изучены). Предполагается, что детали этой общей картины должны проясниться по мере реконструирования праязыков макросемей и путей их разделения на отдельные семьи, взаимные отношения которых друг к другу еще должны уточняться.

17. Аффективная сторона текста. Уменьшительность: четверостишие Бунина и тохарские параллели

Несколько течений в лингвистике начала прошлого века (Балли и Вандриес, школа Фосслера и Шпитцер) правильно отмечали значимость аффективной стороны языка. Это направление не получило значительного развития. Между тем его выводы были бы важны не только для понимания многого в различии языков поколений (каждое следующее поколение вводит свои оценочные слова типа *cool*) и темпов изменений (особенно словаря), но и для уяснения уже затронутых в другой связи выше принципов организации целого текста, в частности литературного.

В русском фольклоре (а отчасти в архаизирующем разговорном и поэтическом стилях), как и в некоторых других близких славянских и балтийских (в частности латышской) традициях, важнейшую роль играет прием последовательного образования уменьшительных форм существительных. Рассмотрим второе (последнее) четверостишие стихотворения Бунина «*Степь*» – «*Синий ворон от падали алый*»:

Синий ворон пьет *глазки* до *донушка*,

Собирая по *косточкам* дань.

Сторона ли моя, ты, *сторонушка*,

Вековая моя *глухомань*.

В тексте 17 слов, из них 4 (набранные мной курсивом), т.е. немногим меньше четверти, – уменьшительные формы существительных. Из этих

форм 2 стоят в особенно заметной рифменной позиции, последняя из них повторяет главное (ключевое) слово, сперва в обращении (к стране – «стороне») названное в обычной форме, а затем повторенное в уменьшительной форме (прием усилительного повтора), причем на это слово приходится и синтаксическая пауза. Стилистический эффект связан с трагическим несоответствием уменьшительных форм и чудовищности описываемого – *глазки*, их *донушко*, да и *косточки* относятся к падали, пожираемой вороном, а *сторонушка*, которую автор в двух последних строках дважды называет «своей», этой именно картиной описывается и характеризуется.

О достаточно древних параллелях к таким фольклорным (по истокам) построениям в славянских традициях говорит тохарский поэтический текст Джатакамалы, где в 2 строках соединяются 4 подобные уменьшительные формы: *kokalyiškam yäkwaskam* ‘повозочки (и) лошадки’, *säsüškam [p]aiyyiškam* ‘сынков ноженьки’ (все 4 формы образованы от слов индоевропейского происхождения и могли бы быть древними, хотя это не обязательно; подчеркнутые мной уменьшительные тохарские суффиксы типологически, а возможно, и генетически сходны со славянскими).

Из интересных общелингвистических вопросов, связанных с уменьшительностью, я обратил внимание на одну фонетическую особенность уменьшительных форм. Во многих языках аффиксы, выражающие это значение, содержат палатализованные, или палатальные, гласные. В языках, где (как во многих африканских) есть тоны, высокий или восходящий тон обычно характеризует уменьшительные формы. Там, где структура языка это позволяет, высокий тон сочетается с палатализованностью (например, в латышских диалектах, описанных Руте-Дравиня в ее книге об уменьшительных формах). С акустической точки зрения оба эти признака сходны. Можно думать, что ономатопоэтическое выражение уменьшительности высотой тона относится к числу универсальных свойств языка. Подобные закономерности звукового символизма, которые, как соотношение противопоставления «большой» – «маленький» с различием гласных [a] – [i], проверены методами экспериментальной психологии, нужно рассматривать как возможные, но не обязательные: во французской паре *grand* ‘большой’ – *petit* ‘маленький’ эта тенденция побеждает, в других языках только намечена, но есть много языков, где исторические обстоятельства помешали ее осуществлению.

Вероятно, что каждое следующее поколение при усвоении родного языка пытается внести в него те черты, которые соответствуют этим универсальным закономерностям. Но коррекция со стороны родителей и воспитателей вместе с другими социальными факторами (влияние средств массовой информации и чтения) может стереть следы таких

начинающихся нововведений. На этих примерах можно проследить противоборствующие тенденции, определяющие характер развития языка.

18. Парные слова с начальным губным носовым

Одной из наиболее впечатляющих программ будущих возможных исследований связи звучания и значения в языке (особенно поэтическом) для меня остается глава к последней книге Романа Jakobson (написанной вместе с Линдой Во) о звуковом облике языка с эпиграфом из Малларме. Из тех проблем, которые Jakobson наметил еще в первых своих работах (в частности, в книжке о Хлебникове), я довольно долго занимался одной. На протяжении многих лет я собирал материалы, касающиеся распространенных во многих языках парных сочетаний слов, где второе слово отличается от первого только начальным губным носовым *m*- (иногда в сочетании с предшествующим шипящим спирантом *ʃ*-, как в идиш: *ʃm*-), заменяющим любой первый согласный или добавляемым к следующему за ним гласному: тип русск. *гоголь-моголь*. В многочисленных поездках по Кавказу я давно обратил внимание на то, что из разных языков кавказского ареала этот распространенный в них прием попадает в тот вариант русского языка, который был распространен на Кавказе. Он обычно используется в живой речи для образования оборотов с сильно выраженной эмоциональной (иногда негативной) или иронической окраской: *сумки-мумки* (в смысле: эти бесконечные сумки – от водителя такси); *деньги-меньги*. Он попадает и в анекдотах (например, армянских), стилизирующих русско-кавказский пиджин: *культур-мультир* (где исходное слово взято из формы, которую в пиджине может получить слово *культура*). Фазиль Искандер, умело стилизирующий русскую речь описываемых им краев, использовал и этот прием в сочетаниях вроде *зелень-мельень*. Первым из побывавших на Кавказе писателей эту местную языковую черту подметил Лев Толстой: в «Казаках» у него уже встречается *хурда-мурда*. В пародийной передаче речи «кавказцев» аналогичное *хурд-мурд* используется у Хлебникова в пародии на стихотворение О. Розановой рядом с чисто хлебниковским *господь-мосподь*. В других местах у него появляются *могатырь*, *можар*, *можарище*. В некоторых своих сочинениях Хлебников нанизывает целые грозди таких пар: *богу-могу*, *девы-мевы*, *руки-муки*, *косы-мосы*, *очи-мочи*. В других случаях он не изобретает второе слово, доставлял его к уже существующему, а семантизирует разницу между двумя словами языка (*вера-мера*), которые можно представить как входящие в такую пару.

Чем больше я расширял в пространстве и времени круг сопоставлений, тем более заметным оказывалось сходство далеко отстоящих друг от друга языков и культур. Некоторые языки, в частности тюркские, где встречаются пары типа *tabak-mabak*, могли оказать влияние

на соседние. Но число языков, где встречается этот прием, очень велико. В него входят арабский, персидский, курдский, осетинский, индонезийский, монгольские наряду с современными западноевропейскими языками. В некоторых языках (в том числе и древних) вместо носового смычного может использоваться неносовый или губной сонант, но функции его остаются теми же самыми.

Можно предположить разные причины, почему именно губной согласный выступает в роли универсального заменителя любого другого согласного. Кажется возможным сравнить это с ролью губных согласных для ранних этапов детского языка, когда среди первых слов обычно произносятся такие, как мама и папа. Быть может, на этом пути найдутся следы раннего развития не только детей, но и тех черт языков взрослых, где отразились те же общечеловеческие особенности.

19. Синэстетизация: Хлебников, Рембо, Скрябин

Цветовые соответствия фонемам языка меня начали занимать (а в каком-то смысле и мучить) достаточно рано, когда (начиная с 1944 г., т.е. с четырнадцати с лишним лет; для желающих исследовать биохимию психических процессов можно добавить: через год после гормональной зрелости) я стал систематически писать стихи и одновременно напряженно вчитываться и вслушиваться в стихи русских поэтов тех веков, которые теперь мы называем пушкинским и серебряным. У себя, но и у других поэтов (даже самых любимых), я делил стихи и строки по тем цветовым ассоциациям, которые они у меня вызывали. Занимаясь на первом курсе университета (двумя годами спустя) общей и русской фонетикой, я понял, что яркими красками для меня переливались сонанты, звонкие согласные, шипящие (но не свистящие), гласные заднего ряда (но иногда и закрытый гласный верхнего подъема переднего ряда, но не среднего; гласные воспринимались в зависимости от окружающих согласных), а остальные фонемы казались серыми и бесцветными. Это чувство с напряженностью определяло строение собственных стихов и отбор самых часто повторяемых строк других поэтов и на других языках, которыми я владел или занимался: мне кажется, что впервые я испытал это ощущение, прочитав в 1942 г. стихотворение Верлена *La lune blanche Luit dans le bois*, где почти все строки были ярко окрашены (по-французски я разговаривал с четырех лет). Эта овладевшая мной синэстетическая разборчивость продержалась лет шесть и только постепенно стала отступать.

Занимаясь десятилетия спустя анализом стихов Хлебникова, я понял, что у него отчасти сходные синэстетические впечатления были дифференцированы по отдельным согласным фонемам. В комментариях к «Бобэоби» и к «Звукописи весны» Хлебников пояснял, что он имел в виду одно-однозначные соответствия фонемы и цвета: *б* – красный, *в* – синий (о

глазах, в других случаях – зеленый, эти два цвета во многих языках не различаются), *n* – черный, *l* – белый (слоновая кость), *z* – желтый, *z* – золотой. Женское лицо с ярко-красными губами, синими глазами, общим обликом цвета слоновой кости, желтой золотой цепью на шее изображалось звукописью в стихах:

Бобэоби пелись губы,
 Вээоми пелись взоры,
 Пиээо пелись брови,
 Лиэээй пелся облик,
 Гзи-гзи-гзэо пелась цепь...

К несколько более позднему времени относится хлебниковский пейзаж, где можно по звукописи различить зелень дерева, темный ствол, цвет неба и черного грача:

Вэозивея – зелень дерева,
 Нижеоты – темный ствол,
 Мамэами – это небо,
 Пучь и чапи – черный грач...

Хлебников в прозаическом комментарии к этим стихам ссылается на предшествующий опыт французских поэтов. Он называет при этом Бодлера и Малларме, но не Рембо, у которого как раз и находится наиболее близкая параллель к его собственному эксперименту. Недавний разбор Леви-Строса подтвердил принадлежность сонета «Гласные» ко всему тому большому интеллектуальному и эстетическому движению, в которое входила и вагнеровская идея «общего целостного искусства», и открытие самим Леви-Стросом (для него Вагнер – один из предшественников его структурной антропологии) музыкального взаимопроникновения разных кодов в мифологическом мышлении. В России к этому слиянию разных видов искусства тяготел Скрябин. Как Хлебников хотел найти однозначные соответствия фонемам, Скрябин устанавливал (в «Прометее» и потом в незаконченной «Мистерии» и частично сохранившемся «Предварительном действе» к ней) однозначные соответствия между цветами и тональностями.

Как показал Н.Н. Николаенко, результаты работы которого по цветовым ассоциациям на материале односторонних электросудорожных шоков близки к тому, что выяснили сходные исследования группы Сперри на материале людей с расщепленным мозгом, функции называния цвета (левым полушарием) и его распознавания (главным образом правым полушарием) оказывается возможным четко разделить в эксперименте. На меня произвел сильное впечатление эпизод, когда мы вместе с Балоновым и Деглиным разговаривали после шока с больной, успешно до заболевания начинавшей заниматься изобразительным искусством. Я еще раньше

думал о поражающей в письмах Ван Гога особой сосредоточенности на цвете и его названиях. В психиатрическом описании заболевания талантливой художницы, вошедшей в историю под ее именем (без фамилии) Алоиза, фиксируются ее рассуждения о роли красного цвета. Попав недавно в Лозанну, в поразительном музее «сырого» искусства я мог увидеть композиции Алоизы, выполненные строго в красном цвете. Психологические индивидуальные и общекультурные ассоциации цвета мы начали изучать в начале 1990-х гг. с канадским психологом У. Шаффриром. Набор цветов, фиксируемых в языковых названиях, установлен для всех известных науке языков. Он стандартен: если есть иерархически менее значимый цвет (например, зеленый), то в языке заведомо есть более значимые цвета (желтый). Вероятна гипотеза о наличии соответствующих генов. Три основных цвета (черный – белый – красный) есть во всех языках мира; различия этих цветов используются во всех мифологиях и других символических системах. В этой области языковые универсалии устанавливаются вполне отчетливо. Но обнаруживаются и разительные отличия некоторых культур (как «синяя революция» в истории французского искусства и культуры) и творческих индивидуальностей.

Из впечатляющих примеров в русской культуре XX в. можно было бы сослаться на то, как в романе «Петербург», начиная с первой его главы, Андрей Белый использует на новый лад противопоставление «красного» и «черного», исходно являющееся универсальным и общечеловеческим (желающие убедиться в поразительном многообразии культурных применений этого цветового различия могут обратиться к описанию его роли в обрядах африканского племени ндембу, изученных в книгах выдающегося этнолога В. Тернера). Другим богатым по материалу примером может быть эссе о желтом цвете кинорежиссера и теоретика искусства С.М. Эйзенштейна. Готовясь к созданию цветных фильмов (одним из первых примеров которых был эпизод пира опричников во второй серии его «Ивана Грозного»), Эйзенштейн разбирал символику цвета в других видах искусства, в частности словесного (и здесь его предшественником был Андрей Белый, изучавший использование названий цветов и цветочные эпитеты в русской классической поэзии и у Гоголя). Продолжая поиски Вагнера и Скрябина, Эйзенштейн мечтал о таком синтезе искусств, который объединил бы их все в новом сочетании, использующем все невиданные возможности современной техники. В этом направлении не так много сделано, хотя попытки создания такого синтетического искусства, включающего и словесные компоненты, предпринимались многократно.

20. Остаточная энтропия языка и сложность

Начало второй половины XX в. ознаменовалось несколькими крупными открытиями, которые обозначили новый этап в развитии науки в целом. Назову те из них, которые вошли в научный обиход на моих глазах в период моего научного становления и подтвердили важность дешифровочного подхода (который стал моделью всех крупных научных достижений): для меня самыми значительными были обнаружение в 1953 г. генетического кода (результат подготовивших работу Крика и Уотсона исследований, с самого начала в поисковых работах Гамова ориентировавшихся на лингвистическую модель), выявление реликтового излучения (подтвердившего надежность методов реконструкции исходного состояния в физике и космологии: между высказанным тем же Гамовым в 1948 г. предположением о возможности этого излучения и его открытием в 1965 г. прошло 17 лет), дешифровка в 1952 г. письменности майя Ю.В. Кнорозовым (основанная на его теории коммуникации, тем самым прошедшей проверку опытом) и в том же году крито-микенской письменности Вентрисом и Чедвиком (которые убедительно показали значимость выявления формальных структур). Но едва ли не самым поразительным для всего моего поколения было знакомство с теорией информации, которая дала возможность измерять то, что относится к духовной деятельности человека, необычайно раздвинув тем самым границы точного человеческого знания. Меня заинтересовала работа Шеннона о теоретико-информационном подходе к дешифровке (вскоре удалось вместе со Шрейдером и Пробстом приступить к реализации кнорозовского проекта дешифровки с частичной помощью компьютеров). Мне, кроме того, еще повезло в том отношении, что я в 1960–1963 гг. принимал участие в тех занятиях А.Н. Колмогорова стихом и языком, которые привели к созданию его теоретико-информационной модели стиха, а потом и к идее сложности.

Энтропия языка, по А.Н. Колмогорову, складывается из чисто смысловой информации, или информационной емкости (h_1), и гибкости, или остаточной энтропии (мера синонимии $\gamma = h_2$):

$$H = h_1 + h_2 \quad (1)$$

Поскольку второе из этих слагаемых может быть получено из энтропии в целом путем вычитания другой составляющей – информационной емкости, в том же смысле можно говорить об остаточной энтропии: та энтропия, которая остается после выражения определенных мыслей, может быть затрачена на избранный метр, переносы, характер рифмовки и другие особенности художественной формы. Эти затраты энтропии на поэтическую форму могут быть точно подсчитаны. Если коэффициент β , характеризующий ограничения, налагаемые стихотворной

формой, и определяющий соответствующую свободу обращения поэта со словесным материалом, больше гибкости языка, или остаточной энтропии γ :

$$\beta > \gamma \quad (2)$$

то выражение заданной мысли в данной форме невозможно. Поэтому неравенство

$$\gamma > \beta \quad (3)$$

является необходимым условием для осмысленного поэтического творчества и стихотворного перевода.

Энтропия языка в общем случае при комбинаторном подходе понимается Колмогоровым как «показатель разветвленности возможностей продолжения речи при данном словаре и данных правилах построения фраз»; для русского языка в целом она была оценена сотрудниками Колмогорова как

$$H = 1,9 \pm 0,1 \quad (4)$$

Однако стилистические ограничения, характеризующие литературный жанр, снижают оценку энтропии, получаемой при угадывании последующих букв, до

$$H_{lit} = 1,1 \pm 0,1 \quad (5)$$

Для русского классического рифмованного ямба затраты остаточной энтропии по Колмогорову составляют

$$h_2 = 0,4 \quad (6)$$

В таком случае информационная емкость для этого жанра русского языка предположительно характеризуется как

$$h_1 = H_{lit} - h_2 = 1,1 - 0,4 = 0,7 \quad (7)$$

Эту последнюю величину можно также оценить экспериментально, сравнив между собой разные русские переводы одного и того же иностранного текста или разные русские словесные описания ситуации, изображенной на одной и той же картине, схеме или географической карте. Исследованием синонимии в последние десятилетия также занимались специалисты по лексической семантике, которые (иногда – как Анна Вежбицкая – прямо следуя за давней мыслью Лейбница) пробовали ввести набор основных семантических единиц. С их помощью можно описать более отвлеченную часть обиходного словаря языка и синонимические преобразования, его характеризующие. Можно надеяться, что развитие исследований синонимии естественного языка (в частности, русского, для которого в последнее время выполнены работы по синонимическому словарю, идущие в том же направлении) может привести и к оценке той остаточной энтропии, которая характеризует гибкость языка. При усложнении поэтической формы и соответственном повышении затрат на нее остаточной энтропии гибкость поэтического языка может быть увеличена путем более широкого употребления слов в метафорических

значениях. Семантическая структура языка запрещает только смешение значений слов внутри одного конкретного семантического поля (например, названий музыкальных инструментов или растений и их частей), но в поэтическом языке любое слово одного семантического поля может быть использовано как метафорическое обозначение денотата слова другого семантического поля (*Стволы извилисты и голы, Как будто арфы и виолы* у Мандельштама). Поэтому повышенная образность произведений с особенно изощренной поэтической формой (например, «Божественной комедии» и продолжающих ту же традицию терцин Пушкина и Блока) легко объясняется в соответствии с неравенством (3).

С этой точки зрения для сравнительно-исторической поэтики значительный интерес может представить техника древнеисландских кеннингов, для которых в работах по реконструкции индоевропейской поэзии указаны прообразы в кеннингах общеиндоевропейских (отраженных уже у Гесиода и Гомера). Логическая структура кеннингов изучалась Ю.И. Маниным. Значительное повышение гибкости языка древнеисландских аллитеративных стихов, достигаемое благодаря систематическому использованию кеннингов, указывает на то, что при жесткости формальных ограничений, наложенных на стих, оказывалось необходимым повышение остаточной энтропии.

Обе введенные Колмогоровым величины – чисто смысловая информация (h_1) и гибкость, или остаточная энтропия (мера синонимии $\gamma = h_2$), могут быть оценены количественно, что представляет собой значительный шаг вперед по пути создания эстетики как экспериментальной научной дисциплины, о чем мечтал еще Андрей Белый. Сама необходимость и возможность дать оценку каждой из этих двух величин в их взаимозависимости обусловлены двусторонним знаковым характером поэтического текста – наличием в нем плана содержания (семантики) и плана выражения, в письменном языке кодируемого буквенным письмом (отсюда расчеты количества информации, приходящегося на одну букву текста). Занятия этой областью стохастической семиотики подвели Колмогорова к выработке теории сложности, представляющей также крупный шаг в развитии тех аспектов математического знания, которые важны для науки в целом. В частности, им были предложены методы исследования уникального сообщения, не входящего в совокупность других сообщений, подобных данному, а стоящего вполне особняком (случай, особенно важный для истории художественной литературы и других видов искусства).

Отчетливое понимание этой особенности словесного и других искусств привело Колмогорова к такому изложению основ теории информации, которое строится вне обращения к теории вероятностей.

Вместе с тем понятия «энтропии» и «количества информации» оказываются применимыми к индивидуальным объектам, в частности таким, которые являются произведениями художественной литературы или других видов искусства.

Благодаря этому толкованию теории информации в контексте теории алгоритмов центральным становится понятие сложности программы P , по которой строится индивидуальное сообщение. Сложность определяется длиной этой программы.

Современная математическая теория стиха, позволяющая приближенно оценить сложность программы построения стихотворного текста, может быть одной из иллюстраций подобного подхода к индивидуальным сообщениям.

21. Замечания к проблеме методологии гуманитарных наук

С самого начала моих размышлений о языке и языкознании (после того, как я в 1947 г. прочитал Соссюра и Сепира) я стал думать о соотношении этой науки с более общими занятиями знаками (семиологией Соссюра, нынешней семиотикой, в «тартуско-московской» школе в 1960–1980-е гг., составившей главный предмет наших обсуждений). Стало ясным, что язык как абстрактная система знаков входит в число объектов, изучаемых логической семиотикой и теми областями логики, которые составляют особую математическую дисциплину. В то время, когда в Праге вырабатывались перенятые нами четверть века спустя в студенческие и аспирантские годы принципы подхода к структурному описанию фонологической и грамматической систем языка, Венский кружок намечал более широкое понимание языка, вслед за Карнапом развитое Рейхенбахом в книге, где языковые категории рассмотрены с точки зрения математической логики. Мы пытались усвоить выводы из работ этих ученых, а потом и продолжить их занятия в тот период, когда я вместе с В.А. Успенским и П.С. Кузнецовым затеял университетский кружок по математической лингвистике. В те годы (1957–1958) один из главных семинаров, где мы занимались вместе с такими логиками, как Д.А. Бочвар (в его институте, где его предметом исследований была химия), был посвящен тщательной проработке книги Карнапа о логическом синтаксисе языка. Одним из первых значимость этой линии исследований для языкознания оценил Ельмслев. В кругу связанных со мной молодых лингвистов, начинавших в первые годы после смерти Сталина свободные занятия наукой, прямым последователем Ельмслева и переводчиком его главного труда был умерший молодым исключительно одаренный Ю.К. Лекомцев. Первым из нас он основательно изучил некоторые разделы математики и пробовал применить их в

лингвистических и семиотических занятиях. Несомненной заслугой многих лингвистов (главным образом русских и американских), которые работали на перекрестке этих наук во второй половине XX в., было выяснение применимости ряда понятий математической логики к изучению естественного языка. Предпринятый в нескольких течениях русской науки (математической лингвистики в том очень широком смысле, в каком она тогда у нас понималась) и американской порождающей грамматики и порождающей семантики опыт перенесения принципов построения формальной системы на естественный язык полезен не столько по непосредственным результатам (сказавшимся главным образом в прояснении многих вопросов синтаксической структуры), сколько как некоторая модель возможной будущей науки (пока еще никак не построенной). Обозначившееся в США противопоставление порождающей грамматики, увлекшейся формализмом и иногда внешней кажущейся математикообразностью рассуждений, и содержательно более богатой функциональной лингвистики как бы символизирует две дороги, которые непременно должны соединиться. Функциональная лингвистика научится более строгим и точным методам доказательств, а некоторые части наследия порождающей грамматики (которая как теория, претендовавшая на не оправданную фактами языка универсальность, скорее всего, не найдет продолжения) соединятся с данными вновь описываемых языков.

Связи языкознания, с одной стороны, и шенноновской теории информации и колмогоровской теории сложности, с другой, представляют примеры того, как в будущем могут начать складываться отношения между научными дисциплинами. Вместо традиционно наследуемых и охраняемых условных границ между ними наступит время исследований по проблемам, а не по установленному условному размежеванию сфер занятий. Можно надеяться, что от принятой сейчас традиционной и весьма консервативной классификации знаний уже скоро останутся одни воспоминания.

Следуя мыслям того же Колмогорова, которые он не раз излагал в переписке и разговорах, можно было бы разделить математику (и отдельные входящие в нее дисциплины), науки об общих идеях (примерами которых может быть информация и сложность), которые достаточно абстрактны, чтобы объединить несколько разных областей, но при этом лишены отвлеченности математики, и конкретные сферы исследования.

Общие идеи по мере того, как их изложение становится более абстрактным, частично могут пересекаться с определенными разделами математики. Как не раз напоминал в своих публикациях на эту тему В.И. Арнольд, с математической точки зрения Рене Том занимался просто

теорией особенностей, но сфера приложения теории катастроф (в том числе и к языку, о чем у Тома есть специальная работа) гораздо шире. Том хотел использовать язык топологии для прояснения семантики нескольких употребительных глаголов. Настаивая на том, что связи лингвистики и математики не лежат исключительно или главным образом в сфере числовых характеристик языка, Роман Якобсон отмечал, что одно из центральных понятий лингвистики в его понимании – инвариант – находит наиболее адекватное представление в топологии.

Опять-таки, возвращаясь к примеру Колмогорова, можно напомнить, что теория вероятности как математическая дисциплина входит в теорию меры. Однако, например, применяя к изучению языка и речи (в том числе поэтической) вероятностные методы, мы мало думаем об основаниях теории вероятности, которые требуют знакомства с теорией меры. Можно надеяться, что наиболее плодотворным соприкосновением с математикой для лингвистики может оказаться именно поиск и выработка общих идей, объединяющих ее с другими науками. Кроме сказанного выше об информации убедительным примером может оказаться теория симметрии. Теория симметрии представляет собой приложение теории групп. В такой же мере, в какой по Янгу физика после Эйнштейна целиком строится на понятии симметрии, его аналог выдвигается на первый план и в синхронной и диахронической лингвистике. Здесь можно снова вспомнить Панини и его продолжателей, а возможно, и тех их предшественников, деятельность которых хотел реконструировать Соссюр. Та строго симметричная картина форм и категорий санскрита, которой мы им обязаны, отчасти самим языком, но едва ли не в большей степени его первоописывателями была построена исходя из того принципа, который после структуралистов мы называем системностью и наличием структуры. С этим связано высокое эстетическое совершенство системы Панини. Возможность осуществления не менее эстетически привлекательных построений в диахронической лингвистике, в частности в «Мемуаре» Соссюра и в последующих теориях корня Бенвениста и Куриловича, в большой степени основывалась на использовании нескольких замечательных идей древнеиндийских грамматиков (классификация глагольных классов, разделение корней *set* и *anit*). Последовательное применение симметрии для внутренней реконструкции составляет отличительную черту книги Гельба о реконструкции протоаккадского. Особой эстетической стройностью отличаются реконструкции праностратического, предложенные Илличем-Свитычем. Принципы симметрии лежат и в основе разных вариантов исследования аналогии в грамматических изменениях от младограмматиков до Куриловича. Основные достижения разных школ психофонетики и фонологии (в

частности, якобсоновских двоичных различительных признаков) и тех геометрических представлений систем фонем, которые начал еще князь Трубецкой, и грамматических значений (падежей по Якобсону) также можно изложить как описание симметрических отношений. В работах по симметрии давно уже приводятся в качестве примеров такие семантические противопоставления, как «левый» и «правый». Мне думается, что именно на этом пути можно найти решение едва ли не самых сложных проблем семантического исследования. Переделывая (но, быть может, с большим основанием) высказывание, касавшееся предельно общих вещей (мира в целом), я бы рискнул сказать, что *лингвистика спасется красотой* (самого предмета исследований и того, как можно суметь его представить в наиболее адекватном описании).

При рассмотрении того, как абстрактную систему знаков использует конкретный говорящий (и описывает конкретный лингвист), языкознание вступает в область, пограничную не только с психологией и философской прагматикой, но и с современной физикой, где на первый план выдвигается наблюдатель и, соответственно, вырастает роль субъективного начала. Антропный принцип, утверждающий потенциальную значимость будущего наблюдателя с самого начала той Вселенной, в которой мы живем, среди нескольких возможных следствий может иметь семиотические и лингвистические: предполагается наличие у наблюдателя средств сообщения о наблюдаемом и соответственно эволюция, направленная на то, чтобы их выработать. Хокинг формулирует следствия из слабой версии антропного принципа как обусловленную структурой Вселенной возможность задавания ее разумными обитателями и наблюдателями вопросов о ее устройстве. Тем самым предполагается наличие у них и разума, и способов выражения и обсуждения мыслей, основанных на наблюдениях.

Выявление закономерных повторов в развитии («волн» или циклов) особенно важно для прогнозирования будущего (по отношению к языку немногие опыты предвидения будущего, например, английского языка у Сепира и русского у Поливанова и Петерсона, при их успешности остаются единичными, как и единократным было участие крупных лингвистов – князя Трубецкого, Сепира, Есперсена – в планировании международного языка, который в глобальном мире не получает пока поддержки).

Науки о человеке изучают его поведение, в том числе и речевое, в пространстве-времени макромира. Некоторые аспекты оказываются близкими социальной физике, выводы которой существенны, например, для описания сложения человеческих коллективов.

Согласно замечательной мысли Соссюра, пока еще не получившей достаточно плодотворного развития, лингвистика и другие семиотические дисциплины, оперирующие, как и экономика, категорией ценности, именно поэтому должны строго разделять синхронный срез и диахронию. Но, как и по отношению к биологической и социальной эволюции человека, особую значимость (в том числе и для прогнозирования будущего) приобретает выявление в синхронном состоянии языка архаических черт, унаследованных от прошлого, в том числе и весьма отдаленного.

По мере того, как убыстряющийся технологический прогресс может вести ко все увеличивающемуся появлению новых языковых элементов, иногда затрудняющих понимание для непосвященных (см., например, выше о сокращениях), кажется все более важным выявление универсальных принципов языковой структуры, которые должны сохраняться при преобразовании существующих языков и при проектировании новых (в том числе искусственных). Если, согласно новейшим исследованиям, именно развитие языка и символики других знаковых систем (семиосферы) было основой для сдвига в выработке технических средств (техносферы) у предков современного человека, то и последующая эволюция всей техносферы может зависеть от ноосферы и семиосферы, прежде всего от состояния и изменения естественных и искусственных языков.

Э. БЕНВЕНИСТ **«КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВ»**

Проблема классификации языков – очень важная проблема, и потребовалась бы целая книга, чтобы изложить ее достаточно хорошо. В одной лекции невозможно ни полностью охватить эту тему, ни обосновать новый метод. Ниже предполагается лишь дать обзор господствующих в настоящее время теорий и показать, на каких принципах они основаны и каких результатов можно достичь с их помощью. Общая проблема классификации языков распадается на ряд частных вопросов, которые могут быть весьма различными в зависимости от рассматриваемого типа классификации. Однако для всех этих частных вопросов характерно то, что каждый из них, будучи строго сформулирован, целиком охватывает как проблему классификации языков, так и проблемы, связанные с изучением того языка, который подлежит классификации. Этого вполне достаточно для того, чтобы оценить значение соответствующих исследований, присущие им трудности, а также тот разрыв, который имеется между намеченной целью и средствами ее осуществления.

Первой классификацией, которой занялись лингвисты, была так называемая генеалогическая классификация, т.е. классификация, распределяющая языки по семьям в зависимости от предполагаемой общности их происхождения. Самые ранние попытки такой классификации восходят к эпохе Возрождения, когда появление книгопечатания дало возможность познакомиться с языками ближних и дальних народов. Уже сам факт сходства между языками очень скоро привел к объединению их в семьи. Таких семей вначале было гораздо меньше, чем в настоящее время. Объяснения же различий между языками искали тогда в библейских мифах. С открытием санскрита и возникновением сравнительной грамматики метод классификации становится более научным. И хотя мысль о едином происхождении языков в это время еще полностью не отбрасывается, но все более и более точно определяются условия, при которых возможно установление генетической близости языков. Методы, апробированные на материале индоевропейских языков, были распространены впоследствии на многие другие языки, так что в настоящее время большинство языков сгруппировано в генетические семьи. Труд по описанию языков мира вряд ли может быть сейчас выполнен иным способом. В настоящее время глоттогонические гипотезы уже не занимают ученых, а пределы познаваемого и доказуемого очерчиваются все более точно; тем не менее наука не отказалась ни от поисков связей между языками малоисследованных стран, например между языками Южной Америки, ни от попыток объединения целых семей, например индоевропейской, семитской и т.д., в более обширные группировки. И при этом не наука о языках позволила заложить основу классификации, но, наоборот, именно с классификации, сколь наивна и туманна она ни была вначале, начинается развитие науки о языках. Сходство между древними и современными языками Европы обусловило создание теории, объясняющей это сходство.

Данное соображение до некоторой степени объясняет те противоречия, которые возникают в связи с проблемой генеалогической классификации. Ведь именно в самих недрах чисто генетической и исторической лингвистики в течение нескольких последних десятилетий родилось общее языкознание. Из-за того, что общее языкознание стремится в настоящее время преодолеть историческую перспективу и выдвинуть на первый план синхроническое изучение языков, оно вынуждено иногда предпочитать генетическому принципу классификации другие принципы. Интересно выяснить, в какой мере эти теоретические разногласия влияют на рассматриваемую нами проблему классификации языков.

Для любой классификации, какова бы она ни была, прежде всего нужно указать признаки, на которых она основана. Для генеалогической

классификации такими признаками являются признаки исторического характера. Сторонники генеалогической классификации стремятся объяснить как совершенно явные, так и менее очевидные сходства и различия между языками определенного ареала их общим происхождением. Здесь начинается применение сравнительного и индуктивного метода. Если лингвист располагает древними свидетельствами, достаточно убедительными и обширными, то он может восстановить непрерывную связь между последовательными состояниями одного языка или совокупности языков. Наличие такой непрерывной связи нередко позволяет сделать заключение, что различающиеся ныне языки развились из единого источника. Доказательством их родства является наличие регулярных черт сходства, т.е. соответствий между полными формами, морфемами и фонемами отдельных языков. Соответствия в свою очередь группируются в ряды, число которых тем больше, чем более родственны сопоставляемые языки. Соответствия являются убедительными лишь в том случае, если удастся полностью исключить такие факторы, как случайное совпадение, заимствование из одного языка в другой или обоих из одного общего источника, результат конвергенции языков. Доказательства оказываются решающими, если соответствия удастся сгруппировать в пучки. Так, соответствие между лат. est: sunt, нем. ist: sind, франц. e: sont и т.д. предполагает определенные фонетические соответствия, а также тождество морфологической структуры, типа чередования, глагольных классов и значения. Каждое из этих тождеств можно подразделить на ряд признаков, также находящихся в соответствии; для каждого из этих признаков в свою очередь можно найти аналогии в других формах этих языков. Короче говоря, здесь сочетаются условия столь специфические, что предположение о родстве рассматриваемых языков можно считать доказанным.

Этот метод хорошо известен: он был проверен при установлении нескольких семей языков. Доказано, что он с успехом может быть использован при изучении языков, не имеющих письменной истории, родство которых устанавливается только на основании их современной структуры. Прекрасным примером такого исследования является проведенное Блумфилдом сравнение четырех основных языков центральной алгонкинской группы – фокс, оджибве, кри, меномини. На основе регулярных соответствий Блумфилд установил развитие пяти консонантных групп со вторым элементом k в этих языках и реконструировал в общеалгонкинском языке прототипы sk, sk, xk, hk, nk. При этом одно соответствие, ограниченное формой «он красный», не поддавалось объяснению: группа Sk в языках фокс и оджибве (фокс – meskusiwa, оджибве – miSkuzi) аномально соответствует группе hk в

языках кри и меномини (кри – *mihkusiw*, меномини – *mehkon*). На основании этого автор постулировал в протоалгонкинском особую группу *sk*. И лишь впоследствии он имел случай подтвердить предположение об особой группе *sk* ссылкой на диалект Манитоба языка кри, где рассматриваемая форма выступает в виде *mihtkusiw* с группой *-htk-*, отличной от *-hk-*. Регулярность фонетических соответствий и возможность в известной степени предвидеть процесс фонетического развития не ограничивается каким-либо определенным типом языка или какой-либо определенной областью. Поэтому нет оснований считать, что «экзотические» или «примитивные» языки требуют иных принципов сравнения, чем языки индоевропейские или семитские.

Доказательство первоначального родства требует нередко очень длительных и обременительных изысканий по отождествлению единиц на всех уровнях анализа: по отношению к отдельным фонемам, сочетаниям фонем, морфемам, сочетаниям морфем и по отношению к целым конструкциям. Эта работа связана с рассмотрением конкретной субстанции сравниваемых элементов. Так, например, прежде чем говорить о соответствии лат. *fere* и скр. *bhara-*, необходимо доказать, что латынь закономерно имеет *f* там, где санскрит имеет *bh*. Никакое исследование родства языков не может избежать этого, и определение места каждого языка в классификации является итогом большой работы по отождествлению конкретных единиц сравниваемых языков. При этом необходимо учитывать условия, при которых это отождествление происходит, т.к. без их учета доказательство невозможно.

Однако мы не можем установить универсального способа для определения формы классификации языков, родство которых может быть доказано. Наше представление о какой-либо семье языков и место, которое мы отводим языкам этой семьи, отражает в действительности, и это нужно себе уяснить, модель частной классификации, классификации индоевропейских языков. Нельзя не признать, что это наиболее полная и, по нашим современным требованиям, наиболее удовлетворительная классификация. Сознательно или бессознательно лингвисты используют данную модель всякий раз, когда они приступают к классификации менее известных языков. В этом есть своя положительная сторона, т.к. использование хорошо разработанной классификации заставляет лингвистов соблюдать большую строгость при обработке нового материала. Однако отнюдь не очевидно, что те критерии, которыми пользуются обычно при классификации индоевропейских языков, имеют всеобщую применимость. Одним из самых веских аргументов в пользу индоевропейской общности является сходство числительных, которое сохраняется по сей день в течение более чем двадцати пяти веков. Но

устойчивость числительных объясняется, вероятно, такими специфическими причинами, как развитие экономики и обмена, известное индоевропейским народам с очень давнего времени, а не «естественными» или универсальными мотивами, общими для всех языков. Бывает, что числительные заимствуются из другого языка. Иногда даже в целях удобства или по иным причинам целые группы числительных могут заменяться другими группами числительных.

Далее, и это главное, нет уверенности в том, что модель классификации, построенная для индоевропейского языка, является универсальным типом генеалогической классификации. Особенность индоевропейских языков заключается в том, что каждый язык примерно в одинаковой степени участвует в общем типе. Даже с учетом всех инноваций распределение основных признаков общей структуры в языках одной и той же степени древности является ощутимо сходным, как это подтверждается в случае с хеттским или как это можно предположить по тому немногому, что известно, например, о языках фригийском или галльском. Посмотрим теперь, как распределяются общие особенности в языках семьи банту, родство которых установлено достаточно надежно. Ареал языков банту делится на географические зоны; каждая зона включает группы языков, для которых характерны определенные общие фонетические и морфологические признаки; эти группы состоят из подгрупп, подразделяющихся на диалекты. Такая классификация, основанная на очень неравномерном материале, является целиком предварительной. Приведем ее в том виде, в каком она обычно излагается, указав те несколько особенностей, на основании которых разделяются географические зоны языков банту.

Северо-западная зона: односложные префиксы; слабо развитая глагольная флексия; своеобразие в формах именных префиксов.

Северная зона: двусложные именные префиксы; образование локатива путем префиксации; большое разнообразие увеличительных префиксальных образований.

Зона Конго: как правило, односложные префиксы; гармония гласных; образование производных глаголов путем необычного сложения суффиксов; как правило, сложная тональная система.

Центральная зона: односложные и двусложные префиксы; именные классы для аугментатива, диминутива и локатива; широкое распространение производных глаголов и идеофонов; система трех тонов.

Восточная зона: относительно простая фонетика; система трех тонов; упрощенные глагольные формы; образование локатива и при помощи префиксации, и при помощи суффиксации.

Северо-восточная зона: наличие тех же особенностей, что и для вышеперечисленных зон, более упрощенная морфология из-за влияния арабского языка.

Центрально-восточная зона является переходной между центральной и восточной зонами.

Юго-восточная зона: односложные и двусложные префиксы; суффиксальные локатив и диминутив; сложная тональная система; сложная фонетика с наличием импловзивных, фрикативных латеральных и изредка щелкающих (clicks) звуков.

Центрально-южная зона является переходной между центральной и юго-восточной зонами при наличии сходства с центрально-восточной зоной: система трех тонов; импловзивные звуки и аффрикаты; однослоговые именные префиксы с латентным начальным гласным.

Западная и центрально-западная зоны представляют собой «промежуточный тип» между западной и центральной зонами с чертами зоны Конго: чрезвычайно развитая ассимиляция гласных; деление именных классов на одушевленный и неодушевленный.

Подобная картина, даже будучи весьма схематической, свидетельствует о том, что внутри ареала можно наблюдать переходы от одной зоны к другой, так что те или иные особенности усиливаются в определенном направлении от зоны к зоне. Эти особенности можно сгруппировать в соответствии с переходами от одной зоны к другой, зоны с односложными, а также двусложными префиксами при наличии областей, в которых оба типа сосуществуют; степень распространения идеофонов; зоны с трехтонной и многотонной системами. Какова бы ни была структурная сложность, лишь частично отраженная в перечисленных признаках, представляется, что от языков «полубанту» в Судане до языков зулу каждая зона определена скорее отношением к соседней зоне, чем к некоторой общей структуре.

Еще более характерны в этом отношении связи между большими языковыми группировками Дальнего Востока: здесь наблюдаются переходы от китайского к тибетскому, от тибетского к бирманскому, далее к языкам группы сальвен (палаунг, ва, рианг), затем к мон-кхмерскому языку и далее к языкам Океании. Каждая из этих групп не может быть очерчена точно, но каждая имеет определенные особенности, из которых одни объединяют ее с предыдущей, а другие – со следующей таким образом, что, переходя от одной группы к другой, можно заметить постепенное удаление от типа, находящегося в начале цепи, причем все эти языки сохраняют «фамильные черты». Ботаникам хорошо знакомо это «родство через сцепление», и возможно, лишь этот тип классификации

является единственно пригодным для больших группировок языков, представляющих ныне предел наших реконструкций.

Изложенное позволяет обнаружить некоторые слабые стороны, присущие генеалогической классификации. Поскольку генеалогическая классификация имеет исторический характер, то для ее полноты необходимо, чтобы языки были представлены в ней на всех этапах их развития. Однако известно, что состояние наших знаний нередко делает это требование невыполнимым. Как раз для очень небольшого числа языков мы располагаем сведениями, и то неполными, об их относительно древних состояниях. Случается, что вымирает целая семья языков, за исключением одного, который оказывается вследствие этого вне семьи родственных языков. По-видимому, так обстоит дело с шумерским. Если в нашем распоряжении имеются довольно многочисленные данные, свидетельствующие о непрерывной истории (например, для индоевропейской семьи языков), то мы можем себе представить, что на некоторой стадии развития принадлежность языков к той или иной семье будет определяться только на основе знания истории каждого из них, а не на основе отношений между ними, и это потому, что их история все еще продолжается. Разумеется, наша классификация возможна именно благодаря достаточно медленному и неравномерному развитию языков. Отсюда наличие архаических элементов, которые облегчают реконструкцию прототипа. Однако даже эти архаизмы могут с течением времени вытесниться, так что на уровне современных языков не останется никаких следов, на которых могла бы основываться реконструкция. Рассматриваемая классификация является надежной только в том случае, если она располагает, по крайней мере для некоторых из языков, сведениями о их более древнем состоянии. Там, где подобные сведения отсутствуют, лингвист находится в такой же ситуации, в какой оказался бы воображаемый лингвист будущего, вынужденный высказать свое мнение о возможности родства между современными ему ирландским, албанским и бенгальским языками. А если, кроме того, представить себе, сколь велика та часть языковой истории человечества, которая навсегда потеряна для нас и которая тем не менее обусловила современное распределение языков по семьям, то легко увидеть ограниченность генеалогической классификации языков, а также предел наших возможностей в построении подобной классификации. В таком же положении находятся все те науки, которые исходят из эмпирических данных для разработки эволюционно-генетических объяснений. Систематика растений разработана не лучше, чем систематика языков. И, вводя для языков используемое в ботанике понятие «родства через сцепление», мы не скрываем, что прибегаем к этому способу лишь потому, что не можем восстановить промежуточные

формы и связи между ними для объяснения наличных данных. К счастью, на практике это обстоятельство не затрудняет выделения групп близкородственных языков и не должно препятствовать стремлению систематически объединять эти группы в более широкие группировки. Мы хотим подчеркнуть лишь то, что в силу обстоятельств генеалогическая классификация представляет ценность только в промежутке между двумя определенными моментами времени. Интервал между этими двумя моментами зависит как от объективного состояния наших знаний, так и от строгости анализа.

Можно ли придать этой строгости анализа математическое выражение? Для решения данного вопроса в последнее время предпринимались некоторые шаги. Число соответствий между двумя языками принималось за меру вероятности их родства, и к количественной обработке этих соответствий прилагалась теория вероятностей. На основании этого делались выводы о степени близости между языками и даже о самом существовании их генетического родства. Так, Б. Коллиндер применил количественный метод для проверки урало-алтайской гипотезы, однако он вынужден был признать, что выбор между генетическим родством, с одной стороны, типологическим сродством (affinite) или заимствованием, с другой, «не может быть сделан на основе вычислений». Полностью несостоятельным оказалось также применение статистики для определения отношений между хеттским языком и другими индоевропейскими языками. Сами же авторы этой попытки, Крёбер и Кретьен, признали, что результаты их статистических исследований оказались странными и неприемлемыми. Ясно, что исследование, оперирующее соответствиями лишь как количественными величинами и, таким образом, исходящее из представления, будто хеттский является лишь уклоняющимся членом языковой семьи, установленной раз и навсегда, заранее обречено на неудачу. Ни число сопоставлений, обосновывающих генетическое родство, ни число языков, признанных родственными, не может явиться предметом математического исчисления. На самом деле мы должны рассматривать степень родства между членами больших семей языков как переменную величину, способную принимать различное значение, совершенно так же, как это делается по отношению к членам небольших диалектных групп. Нужно иметь в виду, кроме того, что схема взаимоотношений внутри групп родственных языков всегда может быть изменена вследствие тех или иных открытий. Пример хеттского языка как раз лучше всего и иллюстрирует теоретическое состояние проблемы. На основании того, что хеттский язык во многих отношениях отличается от традиционного индоевропейского, Стертевант сделал вывод, что индоевропейский язык не был предком хеттского, а что и

индоевропейский, и хеттский исходят из одного источника, образуя новую, так называемую «индо-хеттскую» семью. Иными словами, Стертевант взял за основу индоевропейский язык в понимании Бругмана, а языки, не соответствующие классической модели Бругмана, оказались у него вне такого индоевропейского языка. Мы, напротив, должны включить хеттский в число индоевропейских языков, причем в соответствии с новыми данными мы должны будем изменить определение индоевропейской семьи языков и наши представления об отношении языков внутри этой семьи. Как будет показано ниже, логическая структура генетических связей не дает возможности предвидеть числа элементов целого. Единственный способ дать генеалогической классификации наглядную лингвистическую интерпретацию заключается в том, чтобы рассматривать «семьи» как открытые, а отношения между ними – как подверженные постоянным изменениям.

* * *

Всякая генеалогическая классификация, когда она констатирует родство между какими-либо языками и устанавливает степень этого родства, определяет некоторый общий для них тип. Материальное совпадение между формами и элементами форм ведет к выявлению формальной и грамматической структуры, присущей языкам определенной семьи. Отсюда следует, что генеалогическая классификация является в то же время и типологической. Типологическое сходство может быть даже более явным, чем сходство форм. В таком случае возникает вопрос: какое значение для классификации языков имеет типологический критерий? Точнее: можно ли построить генеалогическую классификацию только на типологических критериях? Именно такой вопрос может возникнуть в связи с той интерпретацией, которая была дана Трубецким индоевропейской проблеме в его очень содержательной, но почти не замеченной статье «Мысли об индоевропейской проблеме».

Трубецкой задается вопросом: по каким признакам лингвисты определяют, что данный язык является индоевропейским? Автор не склонен придавать решающего значения «материальным совпадениям» между данным языком и другими языками для доказательства их родства. Нельзя, говорит он, преувеличивать роль этого критерия, потому что невозможно сказать, как велико должно быть число таких совпадений и какими именно они должны быть, чтобы данный язык мог быть признан индоевропейским. Среди этих совпадений нет ни одного, наличие которого было бы обязательно для доказательства родства языков. Он придает гораздо большее значение наличию шести структурных признаков, которые он перечисляет и подтверждает примерами. Каждый из этих структурных признаков, говорит он, встречается также в

неиндоевропейских языках, но все шесть вместе представлены только в индоевропейских.

Последнее положение мы хотели бы рассмотреть более подробно, т.к. оно имеет несомненное теоретическое и практическое значение. Здесь нужно различать два вопроса: 1) только ли в индоевропейских языках представлены одновременно эти шесть признаков; 2) достаточно ли только данных признаков для утверждения понятия индоевропейского языка.

Чтобы ответить на первый вопрос, нужно обратиться к фактам. На него можно ответить положительно в том и только в том случае, если никакая другая семья языков не обладает всеми шестью признаками, присущими, по Трубецкому, лишь индоевропейским языкам. Для проверки этого мы взяли наудачу один заведомо неиндоевропейский язык. Был выбран такелма, индейский язык штата Орегон, превосходным, доступным и удобным описанием которого мы располагаем благодаря Эдварду Сепиру (1922 г.). Перечислим эти признаки, используя формулировки самого Трубецкого и указывая всякий раз, как обстоит дело в языке такелма.

1. *Отсутствует гармония гласных* (Es besteht keinerlei Vokalharmonie).

В языке такелма гармония гласных также не отмечена.

2. *Число согласных, допускаемых в начале слова, не беднее числа согласных, допускаемых внутри слова* (Der Konsonantismus des Anlauts ist nicht armer als der des Inlauts und des Auslauts).

Дав полную картину консонантизма в языке такелма, Сепир специально замечает: «Каждая из перечисленных согласных может встречаться в начале слова». Единственным ограничением, на которое он указывает, является отсутствие *sw* в начальном положении. Однако это ограничение снимается им же самим, когда он добавляет, что *sw* существует только в сочетании с *k* и только все сочетание *k[^]* является фонемой. Консонантизм начала слова не обнаруживает в языке такелма никакой недостаточности.

3. *Слово не обязано начинаться с корня* (Das Wort muss nicht unbedingt mit der Wurzel beginnen).

Языку такелма одинаково присущи как префиксация, так и инфиксация и суффиксация.

4. *Формы образуются не только при помощи аффиксации, но и при помощи чередования гласных внутри основ* (Die Formbildung geschieht nicht nur durch Affixe, sondern auch durch vokalische Alternationen innerhalb der Stammorpheme).

При описании языка такелма Сепир уделяет большое внимание «чередованию гласных» («vowel-ablaut»), имеющему морфологическое значение.

5. Наряду с чередованием гласных известную роль при образовании грамматических форм играет свободное чередование согласных (Ausser den vokalischen spielen auch freie konsonantische Alternationen eine morphologische Rolle).

В языке такелма «чередование согласных» («consonant-ablaut»), будучи редким способом словообразования, имеет немаловажное значение, т.к. оно используется при образовании времен (аорист или неаорист) у многих глаголов.

6. Подлежащее переходного глагола трактуется так же, как и подлежащее непереходного глагола (Das Subjekt eines transitiven Verbums erfahrt dieselbe Behandlung wie das Subjekt eines intransitiven Verbums).

Точно такой же принцип имеет место в языке такелма: уар'а will k'eret, букв. «Люди дом они-строят-его» = «Люди (уар'а) строят дом»; gidi alxali уар'а, букв. «На это они-садутся люди» = «Люди садутся сюда» с той же самой формой уар'а в обеих конструкциях.

Итак, оказывается, что язык такелма обладает сочетанием шести признаков, совокупность которых составляет, по мнению Трубецкого, отличительную черту языков индоевропейского типа. Не исключено, что аналогичные случаи могут встретиться и в языках других семей. Так или иначе, утверждение Трубецкого опровергается фактами. Разумеется, речь у него идет главным образом о том, чтобы найти минимальное количество структурных признаков, которые позволили бы отграничить индоевропейские языки от соседних групп – семитской, кавказской, финно-угорской. В этих пределах его признаки представляются справедливыми. Но они не являются таковыми, если сопоставить индоевропейские языки со всеми другими типами языков. Для этого необходимы, по-видимому, более многочисленные и более специфические характеристики.

Что касается второго вопроса, то он возникает в связи с необходимостью определить индоевропейскую семью единственно на базе совокупности типологических признаков. Трубецкой не затрагивал этого. Он считает, что материальные соответствия необходимы, даже если число их невелико. В этом с ним нельзя не согласиться, ибо в противном случае могут возникнуть неразрешимые трудности. Так или иначе, но термины типа «индоевропейский», «семитский» и т.д. означают одновременно и исторически общее происхождение определенных языков, и их типологическое родство. Поэтому невозможно, сохраняя историческую перспективу, пользоваться исключительно неисторическими

определениями. Языки, являющиеся с исторической точки зрения индоевропейскими, действительно обладают при этом определенными общими структурными признаками. Но совпадения этих признаков без учета истории недостаточно для того, чтобы определить язык как индоевропейский. Иными словами, генеалогическая классификация несводима к типологической, и наоборот.

Да не будет превратно понята та критика, которая была приведена выше. Она направлена против излишней категоричности некоторых утверждений Трубецкого, а не против существа его идей. Мы хотим только, чтобы не смешивались два понятия, которые обычно объединяют в термине «языковое родство». Структурное родство может быть результатом общего происхождения; но оно может быть также результатом независимого развития нескольких языков, между которыми нет никакой генетической связи. Как удачно заметил Р. Якобсон по поводу фонологического сродства (*affinite*), которое обнаруживается нередко просто между соседними языками, «структурное сходство должно рассматриваться независимо от генетической связи между данными языками, оно может одинаково распространяться и на языки с общим происхождением, и на языки, имеющие разных предков. Структурное сходство не противопоставляется 'первоначальному родству', а налагается на него». Самое интересное в группировках по сродству заключается именно в том, что они часто объединяют в одном ареале генетически неродственные языки. Таким образом, генетическое родство не препятствует образованию новых группировок по типологическому сродству структуры, а образование группировок по типологическому сродству не заменяет генетического родства. Важно, однако, отметить, что говорить о различии между общим историческим происхождением (*filiation*) и типологическим сродством (*affinite*) можно только на основе наших современных наблюдений. Если же группировка по типологическому сродству установилась в доисторический период, то с исторической точки зрения она покажется нам признаком генетического родства. Здесь еще раз обнаруживается предел возможностей генеалогической классификации.

Различия в грамматической структуре между языками мира так велики и очевидны, что лингвисты давно уже пытаются классифицировать языки по типологическим признакам. Эти классификации, основанные на признаках морфологической структуры, представляют собой попытки систематизировать языки разумным образом. Теории подобного рода создавались преимущественно в Германии. Именно здесь, начиная с Гумбольдта, множатся попытки уложить все многообразие языков в несколько основных типов. Главным представителем этого направления,

которое и сейчас имеет много выдающихся сторонников, был Финк. Известно, что Финк различает восемь основных типов языков, каждый из которых иллюстрируется одним языком – представителем типа. Он дает следующие типы: подчиняющий – турецкий, инкорпорирующий – гренландский, упорядочивающий (anreihend) – субия (семья банту), корнеизолирующий (wurzelisolierend) – китайский, основоизолирующий (stammisolierend) – самоанский, корнефлектирующий (wurzelflektierend) – арабский, основофлектирующий (stammflektierend) – греческий, группофлектирующий (gruppenflektierend) – грузинский. Каждое из этих наименований действительно сообщает нечто о типе, который оно представляет, и позволяет в общем виде определить с этой точки зрения место каждого из рассматриваемых языков. Однако приведенная схема не является ни исчерпывающей, ни последовательной, ни строгой. В ней не представлены типы таких разнообразных и сложных языков, как языки американских индейцев или суданские, которые можно отнести одновременно к нескольким категориям; не обращено внимания и на те характеристики, которые, будучи различными, могут создавать видимость сходной структуры, так что возникает, например, иллюзия типологического родства китайского и английского языков. Кроме того, одним и тем же термином Финк часто передает понятие, имеющее разный смысл в разных языках. Как можно пользоваться одним термином «корень» одновременно для китайского и арабского языка? Или, скажем, как определить «корень» для эскимосского языка? Финк не создал общей теории, отвечающей на все эти вопросы, теории, которая определила бы и упорядочила такие неоднородные понятия, как корень, инкорпорация, суффикс, основа, класс, флексия, ряд, одни из которых касаются сущности морфем, другие – способа их сочетания.

Языки представляют собой такое сложное явление, что классифицировать их можно, используя только несколько самых разных принципов. Полная и всеобъемлющая типология должна учитывать различные принципы и строить иерархию соответствующих морфологических признаков. Именно эту цель преследует наиболее разработанная в настоящее время классификация языков, принадлежащая Сепиру. Исходя из глубокого понимания языковой структуры и широкого знания языков американских индейцев – наиболее своеобразных из всех существующих языков – Сепир распределяет языки по типам на основании следующих трех критериев: типы выраженных «понятий»; «техника», преобладающая в языке; степень «синтеза».

Сначала он рассматривает природу «понятий» и с этой точки зрения различает четыре типа: I тип – основные понятия (предметы, действия, качества, выраженные самостоятельными словами); II тип –

деривационные понятия, менее конкретные, чем понятия I типа (выражаются путем аффиксации некорневых элементов к элементам корневым, причем смысл высказывания не изменяется); III тип – конкретно-реляционные понятия (число, род и т.д.); IV тип – абстрактно-реляционные понятия (выражают чисто «формальные» отношения, которые служат для связи между элементами высказывания). Понятия I и IV типов присущи всем языкам. Понятия II и III типов не являются обязательными, какой-либо из них или оба сразу могут и отсутствовать в языке. В соответствии с указанными типами понятий Сепир разделяет все языки на следующие четыре типа.

А. Языки, обладающие лишь понятиями типов I и II. Это языки без аффиксации («простые чисто-реляционные языки»).

В. Языки, выражающие понятия I, II и IV типов. Это языки, выражающие синтаксические отношения в чистом виде и обладающие способностью модифицировать значение корневых элементов путем аффиксации и внутренних изменений («сложные чисто-реляционные языки»).

С. Языки, выражающие понятия I и III типов. К ним относятся языки, в которых синтаксические отношения выражаются в связи с понятиями, не вполне лишенными конкретного значения, но корневые элементы не могут подвергаться ни аффиксации, ни внутренним изменениям («простые смешанно-реляционные языки»).

Д. Языки, выражающие понятия I, II и III типов. Сюда принадлежат языки со «смешанными» синтаксическими отношениями, подобно языкам типа С, обладающие, однако, способностью модифицировать значение корневых элементов путем аффиксации или внутренних изменений («сложные смешанно-реляционные языки»). К ним относятся флективные, а также многие «агглютинативные» языки.

Каждый из этих четырех типов подразделяется на четыре подтипа в зависимости от «техники», которую применяет язык. По «технике» языки могут быть: а) изолирующими, б) агглютинативными, в) фузионными и д) символическими (чередования гласных). Каждый тип может быть подвергнут количественной оценке.

В заключение определяется степень «синтеза», реализованная в единицах языка. По степени «синтеза» языки делятся на аналитические, синтетические и полисинтетические.

Результаты этих исследований Сепир представил в таблице, где приведены некоторые языки мира. Из этой таблицы видно, что китайский язык принадлежит к типу А (простой чисто-реляционный тип), система абстрактно-реляционная, «технически» изолирующий, аналитический. Турецкий язык относится к типу В (сложный чисто-реляционный тип):

использование аффиксации, «технически» агглютинативный, синтетический. К типу С относятся только языки банту (что касается французского, то тут Сепир колеблется между типами С и D) – слабо агглютинативные и синтетические. Тип D (сложный, смешанно реляционный тип) содержит, с одной стороны, латинский, греческий и санскрит – одновременно и фузионные, и слегка агглютинативные в словообразовании, но с окраской символизма, и синтетические, с другой стороны, арабский и древнееврейский – символически-фузионные, синтетические – и, наконец, чинук – фузионно-агглютинативный и слегка полисинтетический.

Сепир обладал очень хорошим лингвистическим чутьем и поэтому не мог считать свою классификацию окончательной, он специально подчеркивал ее предварительный и временный характер. Поэтому и нам следует отнестись к данной классификации с той же осторожностью, какой требовал от самого себя ее автор. Эта классификация, вне всякого сомнения, является шагом вперед по сравнению со старым, поверхностным и недейственным разделением языков на флектирующие, инкорпорирующие и т.д. Теория Сепира обладает двумя бесспорными достоинствами. 1. Она более сложна, чем предыдущие теории, в том смысле, что вернее отражает всю необъятную сложность языковых структур. Мы находим здесь умелое сочетание трех рядов критериев, находящихся в отношении соподчинения. 2. Между этими критериями установлена иерархия сообразно со степенью устойчивости описанных признаков. В самом деле, наблюдается, что эти признаки изменяются не в одинаковой степени. Легче всего подвергается изменению «степень синтеза» (переход от синтетического к аналитическому состоянию); «техника» (фузионный или агглютинативный характер сочетания морфологических единиц) является более стабильной, а «тип понятий» вообще обнаруживает удивительную устойчивость. Таким образом, эта классификация является полезной в том отношении, что она дает нам ясное представление о замечательных особенностях морфологии. Использование этой классификации представляет, однако, известную трудность, обусловленную не столько самой ее сложностью, сколько тем, что она в ряде случаев допускает субъективность оценок. Не имея для этого достаточных оснований, лингвист вынужден решать вопрос о том, каким является тот или иной язык (например, является ли камбоджийский язык более «фузионным», чем полинезийский). Между типами С и D вообще нет отчетливой границы, что признает и сам Сепир. Опирируя множеством смешанных типов, приходится иметь дело с весьма тонкими оттенками, и при этом трудно распознать постоянные критерии, которые служили бы основой для четкого определения того или иного типа языка.

И Сепир прекрасно понимал это: «Как-никак, – говорит он, – языки представляют собой чрезвычайно сложные исторические структуры. Не столь важно расставить все языки по своим полочкам, сколь разработать гибкий метод, позволяющий нам рассматривать каждый язык с двух или трех независимых точек зрения по отношению к другому языку».

Таким образом, даже эта классификация, наиболее всеобъемлющая и наиболее утонченная из всех существующих, является очень несовершенной с точки зрения требований строгого метода. Означает ли это, что нужно вовсе оставить надежду создать такую классификацию, которая соответствовала бы этим требованиям? И нужно ли безропотно покориться необходимости и ввести столько типов, сколько насчитывается семей родственных языков, т.е. запретить себе классифицировать языки иначе, чем это предписано генеалогической классификацией? Мы лучше пойдем, каких результатов можно здесь достичь, если точно определим, в чем данная система обнаруживает свою ограниченность. Если сравнить между собой два неродственных, но типологически сходных языка, то становится ясно, что аналогия в способе построения форм является лишь внешней чертой, и поэтому внутренняя структура вообще не выявляется. Причина заключается в том, что наше сравнение касается эмпирических форм и их эмпирического сочетания. Сепир не без основания отличает «технику» определенных морфологических способов, то есть материальную форму, в которой они представлены, от «системы отношений». Однако, если эту «технику» легко определить и идентифицировать в различных языках по крайней мере в некоторых случаях (например, легко определить, используется в данном языке или не используется для изменения смысла чередование гласных, а также является аффиксация агглютинативной или фузионной), то обнаружить и тем более отождествить в нескольких языках «типы отношений» гораздо труднее, поэтому описание фактов здесь по необходимости переплетается с их истолкованием. Все зависит, таким образом, от интуиции лингвиста и от того, как он «чувствует» язык.

Для преодоления этой фундаментальной трудности не требуется вводить критерии, все более специализированные и имеющие все меньшую сферу применения, но совсем наоборот, для этого, во-первых, надо признать, что форма есть лишь возможность структуры, а во-вторых, разработать общую теорию языковой структуры. Конечно, вначале мы будем исходить из опыта, стремясь при этом получить совокупность постоянных определений как для элементов структуры, так и для отношений между ними. Если удастся сформулировать некие постоянные утверждения о сущности, числе и способе сочленения конституирующих элементов языковой структуры, то тем самым будет получено научное

основание для систематизации структур реальных языков в единой схеме. Группировка языков будет производиться в идентичных терминах, и весьма вероятно, что такая классификация будет совершенно отлична от существующих ныне.

Укажем на два условия, которым должно удовлетворять подобное исследование. Первое условие касается метода исследования, второе – способа изложения результатов.

Для адекватного формулирования определений необходимо прибегнуть к приемам логики, которые, очевидно, наилучшим образом соответствуют требованию строгого метода. Конечно, имеется несколько более или менее формализованных логик, даже самые простые из которых, по-видимому, еще мало использовались лингвистами из-за специфичности их операций. Однако мы наблюдаем, что даже современная генеалогическая классификация при всем своем эмпиризме уже использует логику и что прежде всего нужно осознать это, чтобы применять ее с полным пониманием и тем самым с большим успехом. В простом перечислении последовательных состояний от современного языка до его доисторического прототипа можно обнаружить логическую схему, подобную той, которая лежит в основе зоологической классификации. Вот в самом общем виде несколько логических принципов, выводимых из классической схемы, в которой индоевропейские языки расположены по историческим стадиям.

Возьмем связи между провансальским и индоевропейским языками. Они разлагаются, если не делать очень большого дробления, на провансальский > галло-романский > общероманский > итальянский > индоевропейский. Но каждый из этих терминов, обозначая индивидуальный язык, подлежащий классификации, обозначает в то же время некоторый класс языков. Эти классы располагаются в порядке последовательного соподчинения от единств высшего порядка к единствам низшего порядка, каждое из которых охватывает единство низшего порядка и само входит в состав единства высшего порядка. Порядок классов определяется объемом и содержанием соответствующего понятия. Так, оказывается, что индивидуальное понятие «провансальский язык» имеет наименьший объем и наибольшее содержание и тем самым отличается от понятия «индоевропейский язык», которое имеет максимальный объем и самое бедное содержание. Между этими двумя полюсами располагаются остальные классы, для которых объем и содержание понятия находятся в обратном соотношении, т.к. каждый класс обладает, помимо своих собственных признаков, всеми признаками высшего класса. Некоторый промежуточный класс будет иметь больше признаков, чем предшествующий ему класс, включающий большее число

объектов, и меньше признаков, чем следующий за ним класс, включающий меньшее число объектов. По этой вполне ясной модели было бы интересно, между прочим, реконструировать в лингвистических терминах преемственность от провансальского языка к индоевропейскому, определяя то, чего провансальский имеет больше, чем галло-романский, а затем то, чего общегалло-романский имеет больше, чем общероманский, и т.д.

Представляя дело таким образом, можно заметить известные логические признаки, которые, по-видимому, определяют структуру генетических отношений. Во-первых, каждый индивидуальный член (язык «*idiome*») является частью совокупности иерархически расположенных классов и находится в каждом из них на различном уровне. Так, если мы постулируем связь провансальского с галло-романским, то отсюда следует его связь и с романским, и с латинским и т.д. Во-вторых, каждый из следующих друг за другом классов – одновременно и включающий и включенный. Он включает следующий за ним класс и включен в предшествующий в границах между последним классом и индивидуальным языком: так, романский включает галло-романский и включен в итальянский. В-третьих, между классами, которые определены как находящиеся на одной и той же ступени иерархии, не существует такого отношения, чтобы знание одного можно было вывести из знания о другом. Знание итальянских языков само по себе еще не дает никакого представления ни о природе, ни даже о самом существовании славянских языков. Указанные классы не могут взаимно обуславливаться, т.к. они не имеют между собой ничего общего. В-четвертых, как следует из предыдущего, классы одного и того же уровня никогда не могут быть строго дополнительными, потому что каждый из них не дает сведений о других частях той совокупности, в которую он входит как ее составная часть. Таким образом, всегда можно ожидать, что к классам данного уровня присоединятся новые классы. И, наконец, как каждый язык использует лишь часть из тех комбинаций, которые, вообще говоря, допускает его фонемная и морфемная система, так и каждый класс, даже при предположении, что он известен весь целиком, включает в себя лишь часть из тех языков, которые могли бы быть реализованы в его пределах. Из этого следует, что невозможно предвидеть существования или несуществования класса языков той или иной структуры. Из этого в свою очередь следует, что каждый класс будет характеризоваться отношением к другим классам того же уровня по сумме признаков, соответственно наличествующих у него или отсутствующих: сложные совокупности языков, например, таких, как итальянские и кельтские, будут определяться только тем, что тот или иной признак, присущий одной группе, отсутствует в другой, и наоборот.

Эти общие соображения дают нам представление о том методе, при помощи которого можно построить логическую модель классификации, даже такой эмпирической, как генеалогическая. Вообще говоря, нащупываемая здесь логическая структура, по-видимому, не может стать достаточно формализованной, как, впрочем, и логическая структура видов животных и растений, которая имеет ту же природу.

От классификации, основанной на элементах языковой структуры в указанном выше смысле, можно было бы ожидать большего, хотя задача здесь намного труднее и перспектива более отдаленная. Здесь пришлось бы прежде всего отказаться от того молчаливо принимаемого принципа, довлеющего над большинством современных лингвистов, который состоит в признании лишь лингвистики языковых фактов, лингвистики, для которой язык (langage) полностью содержится в своих осуществленных манифестациях. Если бы это было так, то путь ко всякому углубленному исследованию природы и проявления языка был бы полностью закрыт. Языковые факты являются продуктом, и нужно определить, продуктом чего именно. Стоит лишь на миг задуматься о том, как устроен язык, любой язык, и мы увидим, что каждый язык имеет определенное число ждущих своего решения проблем, сводящихся к одному центральному вопросу – вопросу «обозначения» («signification»). В грамматических формах, построенных с помощью той символики, которая является отличительным признаком того или иного языка (langage), представлено решение этих проблем. Изучая указанные формы, их выбор, сочетание и свойственную им организацию, мы можем сделать вывод о природе и форме внутриязыковой проблемы, которой они соответствуют. Весь этот процесс является бессознательным и трудным для понимания, но он очень важен. Вот, например, в языках банту и во многих других существует своеобразная структурная черта – «именные классы». Можно удовлетвориться описанием расположения в этих классах материальных элементов, а можно заниматься исследованием их происхождения. И той, и другой задаче посвящено множество работ. Нас же интересует здесь лишь один вопрос, который еще не затрагивался, а именно вопрос о функционировании подобной структуры. Можно показать, и мы попытаемся сделать это в другом месте, что все разнообразные системы «именных классов» функционально аналогичны различным способам выражения «грамматического числа» в языках других типов и что языковые способы, материализованные в весьма несходных формах, с точки зрения их функционирования нужно поместить в один класс. Кроме того, нельзя ограничиваться только материальными формами, т.е. нельзя ограничивать всю лингвистику описанием языковых форм. Если группировки материальных элементов, которые рассматривает и

анализирует дескриптивная лингвистика, представить как бы в виде нескольких фигур одной и той же игры и объяснить с помощью небольшого числа фиксированных принципов, то тем самым можно получить основу для разумной классификации отдельных элементов, форм и, наконец, языков в целом. Ничто не мешает предполагать, если позволить себе продолжить эту аллегорию, что лингвисты смогут обнаружить в языковых структурах законы преобразований, подобные тем, которые в рационалистских схемах символической логики позволяют переходить от данной структуры к производным структурам и определять постоянные отношения между ними. Конечно, это лишь отдаленное намерение и скорее предмет для размышления, чем практический рецепт. Ясно одно: раз полная классификация означает полное знание, то к наиболее рациональной классификации мы продвигаемся именно благодаря все более глубокому пониманию и все более точному определению языковых знаков. Важно не столько расстояние, которое предстоит пройти, сколько выбор правильного направления.

Тема 1

Языкознание – наука о языке, его природе и функциях, его внутренней структуре, закономерностях развития.

Общее языкознание – раздел науки о языке, который изучает общие свойства, признаки и качества человеческого языка вообще или ряда языков.

Частное языкознание – раздел языкознания, который исследует каждый отдельный язык как особое, неповторимое явление.

Внешняя лингвистика – раздел языкознания, который занимается проблемой связи языка и общества, функциями языка в обществе, территориальным распространением языков и другими проблемами.

Внутренняя лингвистика – область науки о языке, которая изучает систему и структуру языка как самостоятельного явления.

Лингвосемиотика – область языкознания, которая рассматривает язык как главную и наиболее сложную знаковую систему.

Нейролингвистика – стык неврологии, биологии и лингвистики, где изучается языковое поведение человека в норме и патологии, структурное сходство генетического кода и естественного языка.

Лингвогеография – союз лингвистики и географии, исследующий территориальное распространение языков и диалектов, отдельных языковых явлений.

Математическая лингвистика – стык математики и лингвистики, разрабатывающий формальный математический аппарат для описания естественных языков.

Тема 2

Логосическая теория происхождения языка – язык был создан божественным, духовным началом.

Теория звукоподражания – язык возникает из стремления человека к подражанию звукам окружающего мира.

Междоментная теория происхождения языка – язык возникает как выражение душевных состояний человека.

Жестовая теория – язык происходит из мимических и пантомимических реакций, сопутствующих психическим движениям внутреннего мира человека.

Теория общественного договора – язык возникает в результате коллективного соглашения людей.

Теория трудовых выкриков – своим происхождением язык обязан трудовым выкрикам, сопровождающим коллективный труд.

Трудовая теория – труд, язык и мысль формировались одновременно, в единстве и взаимодействии; огромное значение для формирования языка имело прямохождение и освобождение руки.

Тема 3

Идеальное в языке – энергия сознания (дух), энергия мышления (мысль), внутренняя форма.

Материальное в языке – звуки речи, графические знаки (буквы).

Биологическое в языке – биологический аналог языка в виде нейронных сетей мозга, физиологических структур и реакций организма.

Психическое в языке – внутренняя форма языка, состоящая из инвариантных единиц языка и их отношений.

Социальное в языке – система языка, сформировавшаяся под влиянием социума.

Индивидуальное в языке – совокупность особенностей речи отдельного носителя данного языка.

Язык-речь – естественно возникающая и закономерно развивающаяся понятийно-образная информационная система, обладающая социальной предназначенностью.

Речевая деятельность – каждый раз новое психофизиологическое, материальное воплощение структурного феномена языка-речи.

Мыслеформирующая функция языка – язык служит средством выражения и формирования мысли.

Номинативная функция языка – способность слова служить средством наименования предметов и явлений.

Коммуникативная функция языка – язык выступает универсальным средством общения людей.

Аккумулятивная функция языка – язык служит средством накопления общественного опыта и знаний, средством формирования и развития материальной и духовной культуры.

Тема 4

Фонетика – раздел языкознания, изучающий звуковой строй языка.

Фонология – раздел языкознания, изучающий функциональную сторону звукового строя языка.

Артикуляция – работа органов речи, направленная на производство звуков.

Вокализм – совокупность гласных звуков какого-либо языка.

Консонантизм – совокупность согласных звуков какого-либо языка.

Палатализация – дополнительный подъем передней или средней части спинки языка к твердому нёбу.

Веляризация – продвижение задней части спинки языка к мягкому нёбу.

Интонация – единство взаимосвязанных суперсегментных свойств речи.

Фонема – минимальная языковая единица, представленная всем рядом позиционно чередующихся звуков и служащая для складывания и различения слов и морфем.

Морфемика – раздел языкознания, изучающий систему морфем и правил их функционирования в составе слова.

Словообразование – раздел языкознания, изучающий создание, функционирование и строение производных слов.

Деривация – образование новых слов с помощью формальных средств.

Морфема – единица языка, в которой за определенной фонетической или графической формой (планом выражения) закреплено определенное значение, смысл (план содержания).

Лексикология – раздел языкознания, изучающий лексику, ее развитие и функционирование.

Лексика – словарный состав языка, взятый в его совокупности.

Семасиология – раздел языкознания, изучающий значения слов и причины изменения значений.

Слово – важнейшая структурно-семантическая единица языка, служащая для наименования предметов, процессов, свойств.

Семема – единица плана содержания языка, состоящая из элементарных элементов смысла – сем.

Сема – минимальная, предельная единица плана содержания.

Денотат – образ реального или воображаемого предмета или явления, воплощенный в словесную форму.

Сигнификат – понятие, воплощенное в словесную форму.

Ономастика – раздел лексикологии, изучающий любые имена собственные.

Этимология – раздел лексикологии, изучающий происхождение слов.

Этимон – забытая, но открываемая при специальном исследовании мотивировка слова.

Грамматика – раздел языкознания, изучающий грамматический строй языка, т.е. законы строения и функционирования слов и предложений.

Морфология – грамматика слова, исследует формы слова и выражаемые ими значения.

Синтаксис – грамматика слова, словосочетания и предложения, исследует их формы и значения.

Парадигма – совокупность грамматических форм слова или класса слов.

Части речи – лексико-грамматические классы слов с присущими им универсальными семантическими признаками, морфологическими особенностями и синтаксическими функциями.

Члены предложения – структурно-семантические компоненты предложения, выраженные словами или словосочетаниями со свойственными им синтаксическими функциями.

Коммуникативность – свойство предложения отражать некоторую конкретную ситуацию.

Предикативность – отнесенность содержащейся в высказывании информации к действительности.

Модальность – отношение говорящего к содержанию высказывания.

Рема – выделенная часть предложения.

Тема 5

Письмо – система начертательных знаков, используемых для фиксации звуковой речи.

Пиктография – рисуночное, или картинное, письмо.

Идеография – тип письма, в котором каждый графический знак обозначает слово.

Слоговое письмо – тип письма, в котором каждый графический знак обозначает слог.

Буквенно-звуковое, или фонемографическое, письмо – тип письма, в котором каждый графический знак обозначает отдельный типовой звук – фонему.

Алфавит – совокупность букв какого-либо фонемографического письма, расположенных в исторически установленном порядке.

Транскрипция – особая система письма, применяемая для точного обозначения звукового состава речи.

Транслитерация – передача слов одного языка графическими знаками другого языка.

Стенография – особая система письма для ускорения процесса письменной фиксации живой речи.

Тема 6

Генеалогическая классификация языков – распределение языков на семьи, группы и подгруппы по признаку их генетического родства.

Языковая семья – совокупность родственных между собой языков.

Праязык – общий предок ряда родственных языков.

Морфологическая, или типологическая, классификация языков – распределение языков на типы по общим признакам их морфологической структуры.

Ареальная классификация языков – распределение языков или групп языков по занимаемой ими территории.

Ареал – границы распространения отдельных языковых явлений и их совокупностей, а также отдельных языков или групп языков.

Языковой союз – особый тип языковой общности, включающий в себя различные языки в границах одного географического пространства.

Функциональная классификация языков – распределение языков по выполняемым ими общественным функциям.

Тема 7

Языковая ситуация – совокупность форм существования (а также стилей) одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований.

Историческая закономерность – объективно существующая, необходимая, постоянно воспроизводимая в пространстве и времени связь явлений общественной жизни.

Национальный литературный язык – развивающаяся форма, которая занимает ведущее положение, постепенно вытесняя диалекты, доминирующие на ранних этапах развития языка, особенно в сфере устного общения.

Внешние законы развития языка – такие законы, которые обнаруживают связи языка с различными сторонами человеческой деятельности и истории общества.

Общие внешние законы устанавливают взаимосвязь, характерную для всех языков. Общим внешним законом является взаимосвязь общей истории языка с историей общества, связь форм существования языка с историческими общностями людей. Конечно, конкретные формы связи различны, эта общая закономерность своеобразно проявляется в отдельные периоды жизни языка и у разных народов в конкретных исторических условиях.

Частным внешним законом развития языка, по мнению двух культурных центров (Москвы и Петербурга), является различная степень связи с внеязыковыми закономерностями разных структурных единиц языка. Так, лексика языка связана с общественно-политическими и культурными изменениями в обществе, с познавательной деятельностью

людей, звуки языка – с физиолого-психологическими закономерностями, синтаксис обнаруживает связь с логическими формами мысли и логическими операциями.

Внутренние законы развития языка проявляются внутри языковой системы, их действия опираются на их собственный языковой материал, они действуют как бы независимо от влияния общества.

Общими внутренними законами стали называть законы и принципы, которые относятся ко всем известным языкам и всем ярусам языковой структуры. Общими внутренними законами были признаны такие особенности языков, как наличие последовательных исторических форм языка, несоответствие внешней и внутренней языковых форм и в связи с этим различие закономерностей и темпов изменения отдельных ярусов структуры языка.

Частными внутренними законами стали называть такие формулы и принципы, которые применимы лишь к определенным языкам или группам языков и отдельным ярусам языковой структуры.

ЗАДАНИЯ ДЛЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ ЗАДАЧИ ПО ВВЕДЕНИЮ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ

1. Выразите без слов такие простые идеи, как «пожар!», «караул!», «больно!», «отлично!», «боюсь!», «очень рад», «уходи отсюда!».

2. Попробуйте показать следующие простые фразы: «Жили-были старик со старухой у самого синего моря»; «Одеяло убежало, улетела простыня, и подушка, как лягушка, ускакала от меня»; «Ехали медведи на велосипеде. А за ними кот задом наперед».

3. Какая разница между словами *петух* и *кукареку*, *кошка* и *мяу*, *гавкать* и *лаять* с точки зрения отношения между планом выражения и планом содержания?

4. Запишите Ваши фамилию, имя, отчество, название вуза в латинской транслитерации (любая из известных Вам систем).

5. Какие Вам известны языки, где используются буквы с диакритикой? Что можно сказать о диакритике в русском письме?

6. Приведите примеры несовпадения буквы и фонемы в изучаемом Вами иностранном языке.

7. Найдите среди следующих письменных знаков пиктограммы, идеограммы, буквы, другие типы знаков; аргументируйте свой ответ.

H₂O; ☺; (x + y) = -1; ☎; 246; щ; э; sh; МГУ; №; ♥; ☒; ☞.

8. Следуя какому принципу русская орфография различает написания словоформ: *боятся* – *боятся*, *стыдится* – *стыдиться*, *вОзится* – *возИться*; *нож* – *рожь*, *ключ* – *дочь*; *крыш* – *мышь*; *кампания* – *компания*? Приведите свои примеры.

9. Определите, какие функции языка реализуются в следующих высказываниях:

- *Боровое* (вывеска на железнодорожной станции).
- *Переучет* (табличка на дверях магазина).
- *Здравствуйте, меня зовут Сергей Александрович.*
- *Равносторонний прямоугольник называется квадратом.*
- *Я в среду не приду на тренировку, не смогу. – Надо, Федя, надо.*
- *По-русски это тоже называется «принтер».*

– *Чтоб ты провалился, пьянчуга проклятый.*

– *Я изучил науку расставанья В простоволосых жалобах ночных*
(О. Мандельштам).

10. Прокомментируйте следующий диалог двух персонажей романа М. Твена «Приключения Гекльберри Финна»:

– *А вот если подойдет к тебе человек и спросит: «Парле ву франсэ?» – ты что подумаешь?*

– *Ничего не подумаю, возьму и тресну его по башке.*

Какие языковые функции «не срабатывают» в данном случае?

11. Даны написания: «Без гаду ниделя», «биз дома», «бизь дела», «бис фкусу», «бись тибя», «биш шума», «биж жира», «бищ щасьтья». Охарактеризуйте их:

а) с точки зрения системы письма;

б) с точки зрения фонетических позиций и процессов.

Приведите аналогичные примеры.

12. Приведите примеры слов, с которыми вступают в парадигматические и синтагматические отношения русские слова *дом, книга, линия*.

13. Объясните, какие фонетические законы определяют произношение диалектных слов: *омман* (обман), *Ванькя*, *пролубь* (прорубь), *колидор*, *транвай*.

14. Укажите, какие грамматические значения и какими средствами выражены: *стол – стола – столу*; *кот – коты*; *избегал – избежал*; *выходил – выхаживал*; *день сменяет ночь – ночь сменяет день*; *белый – белее – белейший*; *синий – синий – синий*; *хорошо – лучше*; *разрезать – разрезать*; *Иглы – иглы*; *иду – шел*; *окно – окна*; *говорю – говоришь – говорит*; *прилежнейший – самый прилежный*; *напишу – буду писать*; *поехал – поехал бы*.

15. Выделите в приведенных словах морфемы и определите их значение: *забор, ловля, объявление, прикалывать, преподаватель, переподготовка, памятный, поделиться, производительность, просвещение*.

16. Составьте три словосочетания со словами *полный, тонкий, слово* в разных их значениях.

17. Укажите, в каком значении, прямом или переносном, употреблены слова в словосочетаниях: *крепкое здоровье, сладкий сахар, гвоздь всей программы, полное ведро, пшеничное зерно, глубокий анализ, недалекий человек, буйный нрав, вручить юбиляру адрес, войти в роль, влипнуть в историю; «Пушкина я послал Вам посылкою».*

18. Определите способы переноса: *блюдо* (посуда – кушанье), *зерно* (семя – небольшой предмет, зародыш – зерно истины), *серебро* (металл – посуда), *яблоко* (+ глазное), *дом* (здание – учреждение – семья), *круг* (+ спасательный, друзей), *лента, удар* (толчок – звук – причина эмоциональной реакции), *труд* (печатный); англ. *paper* (бумага – газета), *cold* (холодный – простуда), *record* (запись – пластинка), нем. *Abschied* (прощание – отставка), *Decke* (одеяло – потолок), *Kugel* (шар – пуля), *Schirm* (зонт – козырек – экран); фр. *tableau* (доска – картина – таблица), *pied* (нога – след – основание), *maison* (дом – семья – фирма), *journal* (дневник – журнал).

19. Подвижное или неподвижное ударение в словах: *бок, стог, нога, спина, овца, гроза, волк, сосна, стена, борона, коза, изба?* Разделите их на группы в зависимости от типа ударения.

20. Следующие слова образуют тематическую группу, но одно из слов выпадает из общего ряда. Найдите данную лексему и объясните свое решение: *яблоко, слива, персик, абрикос, груша, айва.*

21. Какое грамматическое время представлено в следующих примерах с глаголом *пойти*?

- *Часы стояли-стояли и вдруг пошли.*
- *Ну, я пошел!*
- *Пошли завтра в кино?*
- *Какой-то странный народ пошел...*
- *Да пошли вы все куда подальше!*

22. Ниже приводится ряд форм множественного числа существительных. Одна из форм выпадает из этого ряда. Какая и почему?

ПирогИ, расческИ, яблонИ, рубашиКИ, бигудИ, мхи, скоросшивателИ.

23. Какую синтаксическую роль играет слово *путем* в следующих высказываниях? Какой частью речи оно является?

- *Вы идите напрямик, а мы пойдём кружным путем.*

- *Все надо делать путем.*
- *Конфликт можно решить путем переговоров.*

24. Какой член предложения и какую часть речи представляет собой слово *тихо* в следующей цитате из поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах»?

*Грудящимся людям
В квартирное тихо
Стоглазое зарево
Рвется с пристани...*

На основании чего Вы делаете такой вывод?

25. Что, по-Вашему, означает слово *маринарки*, употребленное в следующем контексте:

В порьжелых домотканых маринарках, в платьях, картузах и польских форменных фуражках с лакированными козырьками они теснились у подвод, ходили по рядам, ко всему приценивались, покупали же мало, только что из одежды (Б. Богомолов «Момент истины»).

26. Составьте высказывание из следующих слов, приводимых ниже рассыпью в исходных формах и в алфавитном порядке:

Бумага, в, вид, вчера, лестничный, какой-то, мой, мужчина, обед, оберточный, пакет, передать, площадка, по, после, приятный, продолговатый, с, соседка.

Что Вам помогает выполнить это задание, а что мешает?

27. Разделите приведенные ниже фразеологизмы на фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания:

Скрепя сердце, сложа руки, иметь зуб, один в поле не воин, довел до белого каления, сойти на нет, вавилонское столпотворение, человек в футляре, набить руку, поджечь хвост, вот так клюква, сапоги всмятку, сон в руку, столбняк нашел, претворить в жизнь, час от часу не легче, держи карман шире.

На каких признаках основано это деление?

28. Выделите среди данных фразеологических оборотов идиомы: *зубы заговаривать, сказки рассказывать, толочь воду в ступе, ни пава ни ворона, сильнее кошки зверя нет, повесить голову, заклятый враг, карета скорой помощи, положить зубы на полку.*

29. Можно ли считать знаками следующие предметы: а) денежные купюры, б) номерок за сдаваемую в гардероб одежду, в) серьгу в ухе, г) авторучку в нагрудном кармане пиджака? Проиллюстрируйте данными примерами основные свойства знака.

30. Приведите примеры слов, с которыми вступает в парадигматические и синтагматические отношения слово *дом*.

Репозиторий БрГУ

ИТОГОВЫЙ ТЕСТ

1. Впервые разграничил язык и речь

а) Л.В. Щерба;

- б) Ф. де Соссюр;
- в) А.И. Бодуэн де Куртенэ;
- г) М. В. Ломоносов;
- д) Я.Н. Грот.

2. К языковым знакам относятся:

- а) фонемы;
- б) звуки;
- в) морфемы;
- г) словосочетания;
- д) слова.

3. Литературный язык – это:

- а) язык художественной литературы;
- б) обработанная (нормализованная) форма национального языка;
- в) центральный диалект;
- г) книжный вариант языка;
- д) язык СМИ.

4. В каком словаре может быть помещена следующая словарная статья?

Вагон > | вагон-чик вагон-н-ый

- а) орфоэпическом;
- б) орфографическом;
- в) этимологическом;
- г) словообразовательном;
- д) паронимов.

5. В каком словаре может быть помещена следующая словарная статья?

Губа I – II Губа I. Губной, губастый, губка, губошлеп. Верхняя, нижняя ~; тонкие, румяные, пухлые губы; надуть, сжать губы, закусить губу. Губа II. Залив в северных морях России. Обская ~, онежская ~; широкая, глубокая, вдающаяся в берег.

- а) синонимов;
- б) антонимов;
- в) толковом;
- г) омонимов;
- д) лингвистических терминов.

6. Определите, в каком слове есть нулевое окончание.

- а) казней;
- б) камней;
- в) гравий;
- г) уровней;
- д) зданий.

7. Какие слова образованы суффиксальным способом?

- а) отъезд;
- б) основатель;
- в) усыновить;
- г) богатство;
- д) Забайкалье.

8. Отметьте слова с формообразовательным аффиксом.

- а) галде-ть;
- б) бодр-ее;
- в) отвез-л-а;
- г) какой-то;
- д) улыбают-ся.

9. По месту в слове морфемы делятся на:

- а) префиксы;
- б) постфиксы;
- в) интерфиксы;
- г) инфиксы;
- д) унификсы.

10. Какое из утверждений является неверным?

- а) Имена существительные могут употребляться в форме единственного и множественного числа.
- б) Имена существительные распределяются по трем склонениям.
- в) Имена существительные имеют РЧП-парадигму.
- г) Нулевое окончание является признаком неизменяемости существительного.
- д) Имена существительные имеют лексико-грамматическую категорию рода.

11. Какое из утверждений является неверным?

- а) При склонении сложных количественных числительных (типа пятьдесят) изменяется только последняя часть слова.
- б) Собирательные числительные не употребляются с существительными, обозначающими лица женского пола.
- в) Дробные числительные *полтора* и *полтора́ста* при склонении имеют две формы: одну – для И. и В. п., другую – для остальных падежей.
- г) При склонении составных числительных изменяется каждое слово.
- д) Числительные делятся на два основных разряда: количественные и порядковые.

12. Действительные причастия прошедшего времени имеют суффиксы

- а) -нн-, -енн-, -т-;
- б) -вш-, -ш-;

- в) -ем-, -им-;
- г) -ущ-, -ащ-;
- д) -в-, -вши-, -ши.

13. Какое из выделенных слов является наречием?

- а) *приблизившись* ко мне;
- б) *Еще* не хватало!
- в) *вдоволь* наиграться;
- г) *убраться* *восвояси*;
- д) *вдоль* дороги.

14. Какое из выделенных слов является предлогом?

- а) *все, включая* детей;
- б) *несмотря на* метель;
- в) сидели *напротив*;
- г) *по случаю* юбилея;
- д) *пусть* играет.

15. Морфемы могут иметь

- а) деривационное значение;
- б) грамматическое значение;
- в) вещественное значение;
- г) лексическое значение;
- д) номинативное значение.

16. В каком случае главное слово в словосочетании отмечено правильно?

- а) *чувствовать* поддержку;
- б) *задолго* приехать;
- в) не оправдать *доверия*;
- г) *обаяние* молодости;
- д) *получить* диплом.

17. Дивергенция – это

- а) грамматическая категория;
- б) слияние 2 или нескольких языков;
- в) процесс распада единого языка на 2 или несколько;
- г) владение двумя и более подсистемами языка;
- д) средство межэтнического общения.

18. Агглютинативные аффиксы отличаются от флективных тем, что:

- а) в принципе выражают не более чем по одной граммеме;
- б) не имеют, как правило, омонимичных соответствий;
- в) не имеют четких границ;
- г) стандартны;
- д) не могут иметь нулевые экспоненты.

19. С помощью сравнительно-исторического метода

а) доказывається общность происхождения сравниваемых языков, их принадлежность к одной языковой семье;

б) предпринимаются попытки реконструировать систему праязыка;

в) прослеживаются процессы самостоятельной диахронической эволюции родственных языков;

г) делаются попытки установить относительную хронологию языковых изменений как в праязыке, так и в восходящих к нему языках;

д) строятся морфологические классификации языков.

20. Отметьте языки, не входящие в данную языковую семью

а) татарский;

б) башкирский;

в) чешский;

г) бурятский;

д) якутский.

Репозиторий БрГУ

ПРИМЕРНЫЕ ВОПРОСЫ К ЗАЧЕТУ

1. Языкознание как наука.

2. Связь языкознания с другими науками.

3. Логосическая теория происхождения языка.

4. Звукоподражательная и междометная теория происхождения языка.

5. Теория происхождения языка из жестов и теория общественного договора.

6. Теория трудовых выкриков и трудовая теория происхождения языка.

7. Идеальное и материальное в языке.

8. Биологическое в языке.

9. Социальное и индивидуальное в языке.

10. Язык, речь, речевая деятельность.

11. Функции языка.

12. Акустика звуков речи.

13. Устройство речевого аппарата и функции его частей.

14. Артикуляция звука и ее фазы. Артикуляционная база языка.

15. Гласные и согласные звуки. Акустическая характеристика звуков речи.

16. Фонетическое членение речевого потока.

17. Комбинаторные и позиционные фонетические процессы.

18. Предпосылки к возникновению фонологии. Понятие фонемы.

19. Система фонем.

20. Морфема как единица языка. Классификация морфем.

21. Изменение морфемной структуры слова.

22. Типы основ. Словообразовательное значение.

Словообразовательный тип.

23. Слово как центральная единица языка.

24. Развитие лексического значения слова. Полисемия. Метафора.

Метонимия.

25. Развитие лексического значения слова. Синекдоха. Табу и эвфемизмы.

26. Лексико-семантические группировки слов.

27. Хронологическое расслоение словарного состава языка.

28. Стилистическое расслоение словарного состава языка.

29. Грамматика и ее предмет.

30. Грамматическая категория, грамматическое значение и грамматическая форма.

31. Основные способы выражения грамматических значений.

32. Части речи и члены предложения.

33. Словосочетание как единица синтаксиса.

34. Предложение как единица синтаксиса.

35. Предыстория письма. Основные типы начертательного письма.

36. Алфавиты, графика и орфография.

37. Специализированные системы письма.

38. Классификации языков.
39. Социальная обусловленность развития языка.
40. Внешние и внутренние законы развития языка.

Критерии оценки результатов учебной деятельности

Зачет

«Зачтено»: знание основных понятий предмета; умение использовать и применять полученные знания на практике; работа на практических занятиях; знание основных научных теорий, изучаемых предметов;

«Не зачтено»: демонстрирует частичные знания по темам курса; незнание основных понятий предмета; неумение использовать и применять полученные знания на практике; не работал на практических занятиях.

РЕПОЗИТОРИЙ БРГУ

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Будагов, Р. А. Введение в науку о языке / Р. А. Будагов. – М., 2003. – 544 с.
2. Вендина, Т. И. Введение в языкознание / Т. И. Вендина. – М., 2001. – 288 с.
3. Гируцкий, А. А. Введение в языкознание / А. А. Гируцкий. – Минск, 2008. – 288 с.
4. Гируцкий, А. А. Введение в языкознание : практикум / А. А. Гируцкий, Г. А. Камлевич. – Минск, 2008. – 288 с.
5. Головин, Б. Н. Введение в языкознание / Б. Н. Головин. – М., 1983. – 312 с.
6. Зиндер, Л. Р. Введение в языкознание : сб. задач / Л.Р. Зиндер. – М., 1987. – 176 с.
7. Калабина, С. И. Практикум по курсу «Введение в языкознание» / С. И. Калабина. – М., 1985. – 112 с.
8. Кодухов, В. И. Введение в языкознание / В. И. Кодухов. – М., 1987. – 288 с.
9. Кодухов, В. И. Задания к практическим занятиям и контрольным работам по «Введению в языкознание» / В. И. Кодухов. – М., 1976. – 110 с.
10. Кочергина, В. А. Введение в языкознание / В. А. Кочергина. – М., 2004. – 272 с.
11. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание / Ю. С. Маслов. – М., 2006. – 272 с.
12. Мурат, В. П. Введение в языкознание : метод. указания / В. П. Мурат. – М., 1988. – 78 с.
13. Норман, Б. Ю. Сборник задач по введению в языкознание / Б. Ю. Норман. – Минск, 1989. – 230 с.
14. Норман, Б. Ю. Теория языка : ввод. курс / Б. Ю. Норман. – М., 2004. – 296 с.
15. Норман, Б. Ю. Введение в языкознание : хрестоматия / Б. Ю. Норман, Н. А. Павленко. – Мн., 1984. – 365 с.
16. Панов, А. Б. Введение в языкознание: Контрольная работа, задания и методические указания к самостоятельной работе / А. Б. Панов. – М., 1984. – 63 с.
17. Петрухин, В. Н. Введение в языкознание : рук. к работе над курсом / В. Н. Петрухин. – М., 1984. – 147 с.
18. Реформатский, А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М., 2004. – 275 с.